ПРИМЕЧАНИЯ

[1] А. С. Пушкин. Евгений Онегин, II, 6 и 9.
[2] Карл Людвиг *Занд* (1795—1820) — студент Иенского университета, убивший в 1819 г. реакционного немецкого писателя, шпиона царского правительства и агента Священного союза Коцебу (р. 1761).
[3] Из стихотворения А. С. Пушкина «Кинжал».
[4] Т. П. Пассек. Из дальних лет, т. I. М., 1963, с. 121.
[5] Н. П. Огарев. Избранные социально-политические и философские произведения т. II. М., 1956, с. 22.
[6] Ж.-Ж. Руссо. Об общественном договоре, или Принципы политического права. Гл. I. (В кн.: Ж.-Ж. Руссо. Трактаты. М., 1969, с. 152).
[7] Ф. Шиллер. Философские письма. Предисловие И. Х. Ф. Шиллера. (Собр. соч., т. VI. М.—Л., 1950, с. 26).
[8] Как справедливо отметил В. М. Жирмунский, уже описание внешности немецкого поэта и его манеры держаться призвано показать эту двойственность (В. Жирмунский. Гете в русской литературе. Л., 1937, с. 339—344).
[9] Генрих Гейне. К истории религии и философии в Германии (Собр. соч., т. VI. М., 1958, с. 53).
[10] П. В. Анненков. Литературные воспоминания. М., 1960, с. 274.
[11] См.: Eberhard Reissner. Alexander Herzen in Deutschland. B., 1963, S. 4.
[12] Ibid., S. 12—13, 222—231.
[13] М. Мейзенбуг. Воспоминания идеалистки. М.—Л., 1933, с. 223, 365.
[14] «Лит. наследство», т. 63, с. 537.
[15] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 18, с. 550.
[16] Там же.
[17] Там же, т. 28, с. 124.
[18] Там же, с. 487.
[19] Там же, с. 290.
[20] Там же, т. 29, с. 267.
[21] Там же, с. 298.
[22] «К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия». М., 1967, с. 151.
[23] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 18, с. 82.
[24] См. ниже в этом томе сообщение В. А. Смирновой «Некоторые источники информации Герцена о К. Марксе и Ф. Энгельсе (1850—1851)».
[25] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 21, с. 257.

ПЕРЕПИСКА С К. ФОГТОМ

Статья Н. Ю. Колпинского
Публикация Л. Р. Ланского
Комментарии М. Вюильмье (Женева) и Л. Р. Ланского*

Публикуемая переписка охватывает значительный отрезок жизни Герцена — от мая 1852 до июля 1864 г. Вместе с уже опубликованными письмами — это один из важных источников для его биографии. В этих письмах немало сведений о жизни и деятельности Герцена — по временам, правда, отрывочных, сообщаемых как бы мимоходом. По ним можно частично реконструировать и содержание некоторых не дошедших до нас писем.

В чисто биографическом плане публикуемые письма не так уж богаты новыми фактами. Основная ценность их в другом. Они помогают восстановить ту общественно-политическую атмосферу, в которой Герцен жил и творил. Сообщаемые Фогтом факты и отдельные его мысли Герцен порой использовал в своих статьях; с ними перекликаются некоторые абзацы «Былого и дум» (описание обстановки в Швейцарии, характеристика Дж. Фази и т. п.).

Без знакомства с этой и всей остальной перепиской Герцена (а он обменивался письмами с сотнями людей) невозможно понять многие высказывания выдающегося революционера и мыслителя во всей их сложности, а иногда и противоречивости, в частности его отношения с К. Марксом.

Карл *Фогт* (1817—1895) — отнюдь не «проходная» фигура в жизни Герцена. Он был одним из его близких друзей. Семья Фогтов, пожалуй, единственные немцы, о которых с теплотой и уважением писал Герцен в «Былом и думах». О самом Фогте Герцен замечал: «Это не только светлый ум, но и самый светлый нрав из всех виденных мною» (X, 169).

* Все письма Герцена и Фогта, а также комментарии Вюильмье перевел с французского Л. Р. Ланский.

Совсем по-иному оценивали Фогта Маркс, Энгельс и другие пролетарские революционеры. В известном памфлете «Господин Фогт» Маркс на основе большого фактического материала обрисовал Фогта как типичного представителя вульгарной демократии, фразера, грубого клеветника, пропагандиста бонапартистских идей и высказал подозрение, что он платный бонапартистский агент. Подозрение это, как известно, подтвердилось: Фогт получил деньги из секретных фондов бонапартистского правительства по собственноручно составленному «счету», переданному им Д. Клапке *. Сейчас в правоте Маркса никто уже не сомневается. В чем же тут дело? Почему такая разница во взглядах на этого человека? Ведь мы знаем, как проницателен был Герцен и как нелегко сходился он с людьми. Никакие личные симпатии и давность дружеских отношений не помешали бы Герцену резко порвать с недобросовестным человеком и бонапартистом. Противоречие это во многом объясняется противоречивостью самой личности Фогта.

Нельзя в то же время забывать, как сложились отношения Герцена и Фогта, обстоятельства их знакомства и сближения. Герцен впервые встретился с Фогтом в 1847 г. в Париже у М. А. Бакунина, но сблизились они в Ницце в 1850—1852 гг. Круг людей, с которыми в это время мог постоянно общаться Герцен, был невелик: супруги В. А. и А. Х. Энгельсоны, о которых часто упоминается в публикуемых письмах, и Фогт, изучавший в Ницце морскую фауну; более редкими были встречи с итальянскими и польскими революционерами. А между тем это был самый страшный период в жизни Герцена, когда он особенно нуждался в дружеской поддержке.

Как личную трагедию переживал Герцен поражение революции 1848—1849 гг. Спокойствие Фогта, его грубоватый юмор воспринимались им как проявление стойкости и мужества, хотя на самом деле это объяснялось совсем другим. Не таким уж убежденным революционером был Фогт. Умеренный демократ, он, как и большинство депутатов Франкфуртского парламента (особенно когда в мае 1849 г. был избран одним из пяти имперских регентов эфемерного временного правительства), пытался сыграть роль умиротворителя, чем облегчил действия контрреволюции. Сам Герцен по достоинству оценил в свое время Франкфуртский парламент, этот «воинственный конвент», «состоявший из добрых, sehr ausgezeichneten in ihrem Fache ** профессоров, лекарей, теологов, фармацевтов и филологов», который «рукоплескал австрийским солдатам в Ломбардии, теснил поляков в Познани» (X, 84). Тут оценки Герцена и Маркса совпадают. Для Фогта поражение революции трагедией не было.

Годы эти были тяжелейшими для Герцена и в личном плане вследствие увлечения его жены Натальи Александровны немецким поэтом Г. Гервегом, считавшимся в течение нескольких лет близким другом Герцена. И Фогт усердно помогал Герцену преодолевать последствия этой жесточайшей коллизии. Фогт был одним из немногих, кто был рядом, когда пришла ужасная весть о гибели матери и сына Герцена, вслед за этим последовали тяжелая болезнь и смерть жены. Фогт проводил ночи у постели больной. Вместе с Фогтом Герцен обрядил ее в последний путь: «Фогт и я — мы положили ее в гроб»,— вспоминал Герцен в «Былом и думах» (X, 302). Такие вещи, естественно, забыть нельзя, и трудно было бы требовать от Герцена полной беспристрастности в оценке такого друга, как Фогт. Надо отдать должное и последнему: он действительно поддерживал Герцена в эти тяжкие годы и многим помог ему (в частности, содействовал его натурализации в Швейцарии). Распутыванием отношений с Г. и Эммой Гервегами и начинаются публикуемые ниже письма Фогта, первое из которых было написано 24 мая 1852 г., через три недели после смерти жены Герцена. И в дальнейшем Фогт помогал Герцену, подыскивал для него дом (этому уделено много места в письмах), заботился об образовании сына Герцена, Александра, по мере своих возможностей содействовал распространению герценовских изданий за рубежом, подыскивал пути для их пересылки в Россию.

Но главное, конечно, было не в этом, а, повторяю, в противоречивости личности Фогта. Как писал сам Герцен, ему импонировали его «простое и ясное отношение к жизни», его «добродушная ирония», присущий и самому Герцену «жизненный реализм», научная деятельность Фогта и «огромный талант преподавания». Однако он тут же отмечал: «Жизнь и развитие наше были так розны, что мы во многом расходились», и «Фогт чувствовал непреодолимое отвращение» к философии (X, 169—170). Эти оговорки помогают понять, что диаметрально противоположные оценки Фогта как ученого Герценом и Марксом, а впоследствии и В. И. Лениным (в «Материализме и эмпириокритицизме») во многом обусловлены двойственностью, противоречивостью и непоследовательностью научных позиций самого Фогта.

* Этот документ обнаружен М. Куном в Венгерском государственном архиве (Будапешт, фонд Д. Клапки).

** весьма видных в своей области (*нем.*).

КАРЛ ФОГТ
Литография Ф. Винтерверба, 1850-е гг.
Публичная и Университетская библиотека, Женева

Фогт был крупным ученым-естествоиспытателем, игравшим видную роль в науке середины прошлого века. Он занимался зоологией, ботаникой, геологией, физиологией. Как и Молешот, он считается главой того направления в естествознании, которое позже получило название вульгарного материализма. Фогт был типичным представителем ограниченного естественнонаучного материализма, характерного для эмпирического естествознания. Он активно выступал против теологических и дуалистических построений, выступал резко, даже грубо, нарочито рассчитывая на эпатирование, что раздражало даже близкого ему Л. Бюхнера.

Атеизм Фогта, противопоставление им материализма идеалистическим тенденциям, успешная эмпирическая разработка в его трудах наблюдений и опытов были по душе Герцену. Но материализм Фогта был грубым, метафизическим материализмом. Это ярко проявлялось в отождествлении им зоологического мира и человеческого общества, в вульгарно-материалистическом объяснении человеческого мышления. И следствием этого было не только непонимание диалектики, но и прямые выступления против диалектики. Таким образом, воззрения Фогта в зародыше содержали элементы того кризиса естественных наук, который, однако, наступил позже, в конце XIX — начале XX в., когда накопленные эмпирические данные вступили в противоречие с метафизическим образом мышления. Выход из этого кризиса — необходимость со-

знательного применения материалистической диалектики — блестяще обосновал впоследствии в своих трудах В. И. Ленин.

Но в середине XIX в. лишь немногие поистине гениальные естествоиспытатели — такие, как Дарвин и Менделеев, — поднимались до раскрытия диалектических законов природы. С другой стороны, лишь самые передовые мыслители понимали всеобщность диалектических законов, причем истинность этого постулата могла быть доказана лишь с позиций материалистической диалектики Маркса и Энгельса. Фогт не был ни гениальным ученым, ни передовым мыслителем. Уместно отметить, что в своих философских и в естественнонаучных воззрениях Герцен стоял гораздо выше Фогта, но и он лишь подошел к диалектическому материализму. В этом и заключается основа принципиальной разницы между отношением Герцена и основоположников марксизма к научным трудам Фогта.

В какой мере было известно Герцену о разоблачении бонапартистской «деятельности» Фогта? В дошедших до нас письмах к Герцену Фогт лишь мельком упоминает даже не столько о выдвинутых против него обвинениях, сколько о своих ответных действиях — о начатом им судебном процессе против «Allgemeine Zeitung», о своей брошюре, полной клеветы на Маркса. Безусловно, материалы эти Герцен знал. Видимо, знал он и листовку К. Блинда (о ней мы скажем ниже). Однако, судя по произведениям и письмам Герцена, он вряд ли был знаком с книгой Маркса «Господин Фогт», в которой были поставлены все точки над i.

Таким образом, Герцен знал только то, что было написано против Маркса, т. е. всякого рода клевету. Фогт использовал предъявленные ему обвинения, чтоб обрушиться на виднейших пролетарских революционеров, на первую (к этому времени уже разгромленную реакцией) пролетарскую организацию — Союз коммунистов. Противоположность идейных позиций вылилась не только в грубые (что всегда было свойственно Фогту), но и в злобные инсинуации. При этом он старался изобразить себя страдательной стороной. Нужно подчеркнуть и такую деталь (она многое объясняет в позиции Герцена): Марксу приписывалась ответственность за действия, которых он не совершал,— в первую очередь за выступления Блинда; позиции их преднамеренно смешивались. Получавшиеся Герценом сведения были очень тенденциозны, они искажали фактическую сторону и сводили на нет самые серьезные обвинения, предъявлявшиеся Фогту.

В чем же заключалась суть этих разоблачений, выявляющих один из характерных моментов идейной борьбы того времени? Это был 1859 год. Усиливалось национально-освободительное движение в Италии; там назревала революционная ситуация. Это обстоятельство обостряло противоречия между бонапартистской Францией и Австрийской империей. Обе стороны готовились к династической войне, каждая стремилась этим путем укрепить свое внутреннее положение, и обе в равной мере желали сорвать революционное выступление в Италии. При этом наибольшую опасность представляла позиция бонапартистской Франции — демагогическая спекуляция на национально-освободительных движениях, стремление удушить «в объятьях» демократические силы, использовать их в своих корыстных целях, аннексируя чужие территории. Кроме всего прочего, усиление Наполеона III было наиболее серьезным препятствием на пути объединения Германии. Бонапартизм являлся новой и, как это ярко определил сам Герцен, омерзительнейшей формой реакции; именно он становился в это время ведущей силой контрреволюции — силой не только материальной, но и духовной, растлевающей и разлагающей национальные демократические движения и использующей в своих целях реакционную сторону мещанского и крестьянского слоев населения.

Определение позиции в данном конфликте имело принципиальное значение, ибо единственной альтернативой планам обеих сторон было только революционное движение. Вера в его возможность и в возможность революционного пути объединения Германии и Италии требовала выработки правильной тактики, способной сплотить революционный лагерь, размежеваться с бонапартистской демагогией. И важен был не столько непосредственный результат (итог данного конфликта), сколько самый процесс идейной закалки революционных сил, обретение ими самостоятельной позиции. Такую позицию выработали и пропагандировали лишь виднейшие представители пролетарской революционности — Маркс и Энгельс. Они исходили из революционного подъема в Италии (гарибальдийский поход 1860 г. подтвердил их правоту); из наличия революционных сил в Германии (брожение в германских государствах доказывало, что это были отнюдь не абстрактные соображения); из особой опасности, которую представлял бонапартизм. Маркс и Энгельс считали, что присоединение немецких государств к Австрии — в интересах революции. Оно должно было вызвать подъем революционного движения, поражение бонапартистской Франции и в результате — падение Наполеона III.

Фогт не верил в возможность революционного движения в Германии, вообще не верил в революционный путь объединения как Германии, так и Италии. Поэтому он считал не только неизбежной, но и необходимой победу бонапартистской Франции, которая, по его мнению, дала бы толчок либеральному движению в Германии и способствовала бы объединению Италии (опять-таки нереволюционным путем). А это прямо вело к подчинению демократического движения, представителем которого он себя считал, бонапартистской политической игре. Именно в этом плане и стал практически действовать Фогт. Весной 1859 г. он разослал немецким эмигрантам программу планируемого им журнала и в марте, т. е. за месяц до войны, выпустил брошюру «Studien zur gegenwärtigen Lage Europas», поставив своей целью обработку общественного мнения в пользу бонапартизма. Как и в печатной программе, в брошюре (на немецком языке) воспроизводились основные положения официозной бонапартистской пропаганды. Это было очевидно даже для многих немецких эмигрантов из того же лагеря вульгарной демократии, к которому принадлежал сам Фогт. Так, немецкий журналист, друг Фогта, А. Брасс заявил, что он «отверг *французское кормовое корыто*, которое хотел подставить ему Фогт» (см.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 14, с. 555).

Далеко не единомышленник, а тем более не друг Маркса и отнюдь не пролетарский революционер, Блинд выдвинул обвинение в адрес Фогта, что он является платным агентом Бонапарта. Именно от него Маркс узнал о выступлениях Фогта (см. письмо Маркса к Энгельсу от 16 мая 1859 г.— Соч., т. 29, с. 349). Буржуазный демократ Э. Бискамп в газете «Volk» и тот же Блинд в листовке «Предостережение» публично обвинили Фогта в продажности. Анонимная листовка Блинда была перепечатана в весьма распространенной газете «Allgemeine Zeitung». Эти публикации Маркс знал и отнесся к ним в общем одобрительно. Фогт же эти разоблачения, исходившие из лагеря буржуазной демократии,— как во время разбирательства его иска против этой газеты, так и в брошюре «Mein Prozess Gegen die „Allgemeine Zeitung"» — приписал Марксу и его «партии». Характерно, однако, не только это. В своих выступлениях Фогт ярчайшим образом продемонстрировал ту ненависть, которую питали вульгарные демократы к пролетарским революционерам, и сделал очевидными доносительские и клеветнические приемы борьбы такого рода «демократов» с идейными руководителями рабочего класса. То была клевета не только на Маркса, но и на Союз коммунистов, на зарождавшуюся пролетарскую партию. Собранные воедино полицейские фальшивки периода Кёльнского процесса против Союза коммунистов, грязные сплетни и слухи — вплоть до обвинения руководителей Союза коммунистов в вымогательстве денег путем шантажа — совершенно точно обнаружили, что для вульгарной буржуазной демократии, так же как и для реакции, в борьбе против пролетарских революционеров все средства были хороши. Недаром нападки Фогта были с радостью подхвачены реакционной и бонапартистской прессой — «National-Zeitung», «Revue Contemporaine» и др. Работая над книгой «Господин Фогт», Маркс не только защищал свою честь. Он разоблачил характерный и для наших дней прием антикоммунизма — очернение вождей рабочего класса и его революционной организации в глазах общественного мнения путем прямых инсинуаций и приписывания коммунистам ответственности за действия различных авантюристических и просто провокаторских элементов.

Нет необходимости разбирать здесь книгу Маркса, тем более что Герцен, скорее всего, ее не читал. Отметим лишь отличия в разоблачении Марксом Фогта от выступлений против него Блинда. Детально разбирая выступления Фогта, Маркс конкретно показал, в чем они совпадают с бонапартистской пропагандой, не оставляя сомнений в том, что объективно Фогт являлся рупором бонапартизма. Но дело этим не ограничилось. Как уже говорилось выше, Маркс поддержал обвинение в том, что Фогт — платный агент бонапартизма. Опирался он не только на слухи, а и на ясное понимание того, что представляет собой бонапартизм во всех его ипостасях, так же как и эмигранты, рядящиеся при случае в демократические одежды. На их игру в великих людей, демагогические псевдореволюционные разглагольствования (сочетавшиеся со страхом перед революцией), на их межеумочную позицию по отношению к реальной политической борьбе, постоянное лавирование, поминутные уступки пошлейшему либерализму и рассчитана была бонапартистская политика. И в этом отношении особую опасность для дела революции представлял собой так называемый левый бонапартизм, или «плонплонизм».

В публикуемых письмах Фогта не раз упоминается Плон-Плон, причем упоминается не без презрения. Двоюродный брат Наполеона III Жозеф (Жером) Поль Шарль, принц Наполеон, прозванный Плон-Плоном, был одной из наиболее мерзких фигур бонапартистского режима. Держался он как бы в стороне от императора, чуть ли не в оппозиции к нему, покровительствовал наукам, не скупясь на «субсидии», ратовал за освобождение Польши, Венгрии, Италии,

намекая под сурдинку, что для этого нужна помощь, поддержка, сочувствовал «обездоленным эмигрантам» и их великим надеждам на освобождение родины, заигрывал с рабочими организациями и даже выдвигал идею «социальной империи». Он и деньги был готов предоставить как бы без особых условий, но это были деньги из государственных фондов, точнее, из фондов Департамента полиции. Обо всем этом стало известно документально лишь в 1871 г. («Papiers et correspondance de la famille impériale», t. II. P., 1871, p. 161). И в 1850—1860-х годах «красный принц» вызывал у многих презрение; только последовательная революционность давала возможность ясно видеть характер проводимой им политики. Яснее всего это было видно Марксу. Понимали это и Герцен, и Гарибальди, и Маццини. Но многие из эмигрантов нередко попадались на удочку Плон-Плона. К тому же роль секретаря принца Жерома исполнял бывший генерал венгерской революционной армии Д. Клапка, имевший широкие связи с различными кланами эмиграции. И, как мы увидим, Фогт без особых колебаний принял предложение Плон-Плона сопровождать его в качестве ученого в путешествии на яхте. Фогт гораздо более благожелательно отзывается о нем после личной встречи, и, как выясняется сейчас, он через Клапку и, возможно, под его воздействием попросил возместить материальный урон, который понес, «ввязавшись» в политическую борьбу. «Урон», как мы знаем, был возмещен, а политическая борьба была борьбой прежде всего против Маркса. Однако всего этого Герцен не знал. Как мы уже подчеркивали, его отношение к бонапартизму, под каким бы соусом тот ни подавался, всегда было абсолютно отрицательным. И в этом позиции Герцена и Маркса также совпадают, хотя Маркс глубже разобрался и в классовой природе бонапартизма, и в причинах его тлетворного воздействия на демократический лагерь. Что же мог уловить Герцен по письмам Фогта? Прежде всего в них достаточно много отрицательных оценок бонапартизма. Лишь в нескольких случаях, рассуждая о международной ситуации, Фогт склоняется на сторону Бонапарта. По этому поводу возник и спор с Герценом. Лишь несколько раз, мимоходом, Фогт упоминает о каких-то своих связях с Плон-Плоном. Для того чтобы по-настоящему понять, что значило принятие предложения участвовать в поездке на яхте Плон-Плона и получить от него материальное пособие, надо было знать гораздо больше, чем знал Герцен.

Письма 1—2, 4—7, 9—19, 21—39 печатаются по фотокопиям с автографов *BPUG*. Впервые опубликованы на языке оригинала М. Вюильмье в *AAH*, 88—224. Три письма (одно Герцена и два Фогта в этом томе публикуются впервые (п. 3 — по ксерокопии с автографа из собрания Н. П. Герцен — Москва; п. 8 — по автографу *ГИМ*, ф. 342, ед. хр. 208, л. 46—48 об.— ср. «Лит. газета», 1974, 30 января, № 5, с. 8 и «Musées de Genève», 1974, № 7-8, p. 20; п. 20 по автографу *ЦПА ИМЛ* при ЦК КПСС, ф. 458. III. 5685, л. 3—4).

Перечень появившихся ранее в русской печати писем К. Фогта к Герцену см. в разделе «Библиография» т. 62 «Лит. наследства», с. 816—822.

Перевод с французского:

1

К. Фогт — Герцену

〈Турин. 24 мая 1852 г.〉 [1]

Любезный мой Герцен!

Я уезжаю завтра отсюда в Арону, насквозь пропитанный дружбой Головина [2]. На него я наткнулся в первый же день, когда он вел на поводке собаку — чудовищное животное, которое, как он говорил, принадлежит его любовнице, дородной сорокапятилетней пьемонтке, судя по описанию, сделанному мне Валерио [3]. Мы были неразлучны — князь Ховры [4] и я,— он сопровождал меня повсюду: к Пинто [5] — к г-же Скарпа — в Академию, к профессорам; он влез бы в бутылку, лишь бы иметь счастье побыть еще в моем обществе. Судите же по этому — что́ вас здесь ожидает. Самое странное открытие, мною здесь сделанное,— это г. Скарпа или, скорее, Скарпо, муж г-жи Скарпа [6],— человек этот существует на самом деле, у него даже растут усы, и он кажется мне гораздо большим здоровяком, нежели Пинто.

Здесь я снова встретил знакомого вам венгерского полковника — Тюрра [7]. Он и Валерио (который сильно пал духом, но усердно кланяется вам) дали мне знать, что Эж〈ен〉 Бейер из Страсбурга [8], отставной депутат (которого Тесье [9] и Эдмон [10], без сомнения, должны знать), находится здесь в глубочайшей нищете.

Я отправился повидаться с ним, и меня до сих пор удручает положение, в котором я его нашел. Брат его, страсбургский адвокат, отправлен был в Ламбессу [11]; сам же он, имея жену и ребенка на руках, спасся здесь от федеральных неистовств; он начинал заниматься живописью и имел несколько картин для нынешней выставки, которые принесли бы ему известность, когда его месяц тому назад хватил апоплексический удар, парализовавший язык и всю левую часть тела. Сильнейшие кровопускания, несколько раз повторенные, спасли его, и выздоровление идет успешно благодаря уходу брата Валерио [12]. Язык и нога уже почти пришли в нормальное состояние, голова свежа, левая рука снова начинает двигаться. Однако бедняга еще месяца три не сможет работать, и вдобавок, чтобы подлечить эту руку, ему понадобился бы курс ванн в Аккуи [13]. Я переговорил об этом с д-ром Валерио, весьма тщательно осмотрел его сам и глубоко убежден, что выздоровление будет полным, если удастся обеспечить ему необходимый уход. Располагаете ли вы сотней франков для этого злополучного, но славного парня? Я никому не говорил о демарше, который сейчас делаю и который считаю в высшей степени неловким, но на меня это зрелище произвело сильнейшее впечатление, и я не знал, к кому еще обратиться. Если вы пожелаете и сможете что-нибудь послать, то пошлите к Валерио или сообщите ему, что, узнав о тягостном положении Бейера, вы просите Валерио передать ему эту сумму. Отправить непосредственно Бейеру вам было бы невозможно, так как он скрывается здесь под чужим именем [14].

Прощайте, любезный мой друг! Тысяча поклонов всем остальным. Пьемонт великолепен в это время года, а Турин очень приятен. Скажите полковнику [15], что Европейская гостиница или «Trombetta» (та самая, в которой вы жили в последний раз) [16] очень хороша, но довольно дорога. Отсюда едут в Арону дилижансом, который отходит вечером,— чтобы добраться на следующий день до места назначения. Путь от Генуи до Аркауты, где садятся в поезд, донельзя отвратителен: я пришел в себя только после двух ванн — так толст был слой пыли, меня облепившей.

Всецело преданный вам К. Ф.

Понедельник, 24 мая [17]

[1] Письмо адресовано в Ниццу, где Герцен оставался с детьми после смерти жены (2 мая). Год устанавливается по содержанию письма.

[2] О политическом эмигранте и публицисте Иване Гавриловиче *Головине* (1816—1890) и его отношениях с Герценом см. в «Былом и думах» (XI, 404—427 и 724—728). См. также: *CMRS*, v. XI, 1970, N 2, p. 221—243.

[3] Лоренцо *Валерио* — итальянский политический деятель (см. о нем ниже, в разделе «Герцен и Италия»).

[4] Головин из тщеславия присоединил к своей фамилии княжеский титул грека С. В. Ховры, переселившегося из Крыма в Москву в 1393 г. и считающегося основателем рода Головиных. Свои статьи в «Journal de Turin» Головин подписывал этой фамилией.

[5] О Микеле Анджело *Пинто* см. в «Лит. наследстве», т. 64, с. 441—445, и в разделе «Герцен и Италия» наст. тома.

[6] По-итальянски scarpa означает «башмак», «сапог», «тормаз» (это слово женского рода с родовым окончанием *а*). Фогт в шутку придает этой фамилии мужское окончание *о* как «подобающее супругу», образуя несуществующее слово scarpo.

[7] Иштван *Тюрр* (1825—1908) — венгерский офицер австрийской армии в Ломбардии, перешедший на сторону итальянцев; в 1848 г. он сражался в рядах баденских повстанцев, затем эмигрировал в Берн. После продолжительных скитаний Тюрр обосновался в Турине, где пьемонтское правительство назначило ему небольшую пенсию. В письмах Герцена имя Тюрра не встречается; о его знакомстве с этим венгерским эмигрантом становится известно лишь из комментируемого письма. Впоследствии Тюрр эмигрировал в Турцию, сражался против русских войск в Крымской войне, затем в рядах черкесских повстанцев; в 1859—1860 гг. был соратником Гарибальди, получил звание итальянского генерала и стал правителем Неаполя. В Венгрию возвратился после 1867 г.

[8] Эжен *Бейер* (1817—1893) — страсбургский художник; 13 мая 1849 г. был избран депутатом Нижнего Рейна по списку демократов-социалистов; участвовал, как и Герцен, в парижской демонстрации 13 июня 1849 г. и также вынужден был поспешно уехать в Швейцарию из-за возможных преследований. В праве пребывания ему там было отказано, и он жил на нелегальном положении до конца 1851 г. Затем Бейер уехал в Турин, намереваясь перебраться оттуда в Испанию. Герцен, несомненно, встречался с Бейером в Париже, а затем в Женеве.

[9] Мари Эдмон *Тесье дю Мотe* — французский химик, участник революции 1848 г.; друг Герцена и учитель его сына. См. о нем во вступительной статье к разделу «Герцен и Франция».

[10] Карл Эдмунд *Ховецкий* (1822—1899) — друг и корреспондент Герцена, польский эмигрант и французский писатель, сотрудник газеты «Voix du Peuple»; печатался под псевдонимом Charles Edmond.

[11] Адвокат, капитан Национальной гвардии в 1848 г., Бейер придерживался тех же демократических взглядов, что и его брат Эжен, вследствие чего был сослан в Алжир на следующий же день после переворота 2 декабря 1851 г.

[12] Джоакино *Валерио* — врач, пользовавшийся большим авторитетом; брат Л. Валерио (см. прим. 3).

[13] В конце 1855 г. Бейеру по состоянию здоровья разрешено было возвратиться в Париж.

[14] В письме от 4 июня Фогт передал Герцену «тысячу и тысячу благодарностей» за его «доброе дело», заявляя при этом, что он «страшно рад за бедного Бейера» (*Л* VII, 55—58. В прочтении фамилии допущена ошибка: вместо Beyer — Régis).

[15] «Полковником» в кругу Герцена называли его друга, петрашевца Владимира Аристовича *Энгельсона* (1821—1857), сблизившегося с Герценом в Ницце в начале 1850-х годов.

[16] Фогт, вероятно, имеет в виду приезд Герцена в Турин 9 июля 1851 г. для встречи с женой. В «Былом и думах» Герцен указывает, что они остановились в отеле «Feder» (X, 271—272).

[17] Ответ Герцена неизвестен. Следующее письмо Фогта к Герцену — от 4 июня и 2 июля — см. в *Л* VII, 55—57 и 86—87.

2

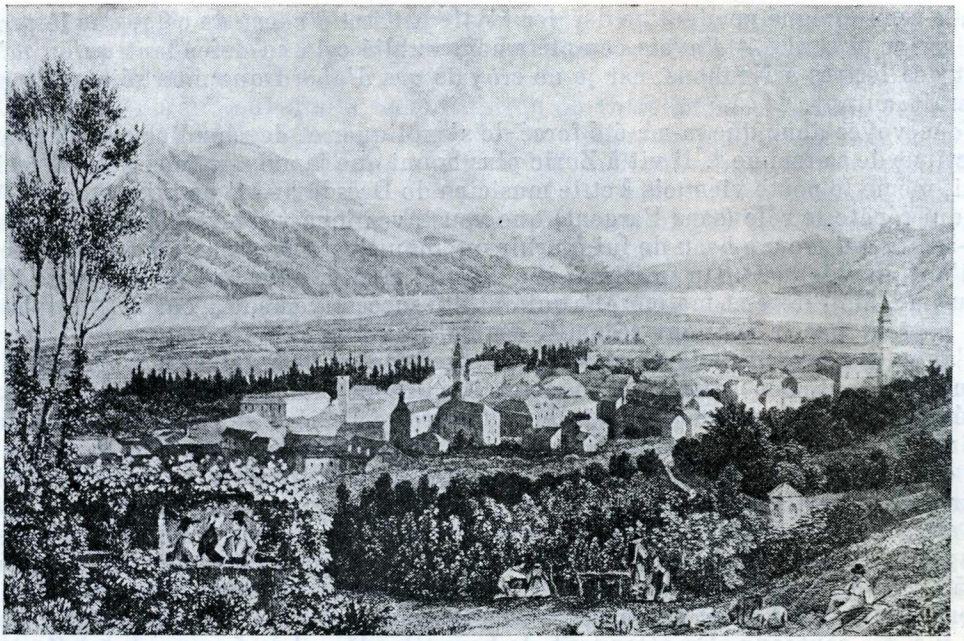
К. Фогт — Герцену

〈Берн. 21 августа 1852 г.〉[1]

Посылаю вам при этом, любезный мой Герцен, письмо Прессе, которое, надеюсь, навсегда излечит вас от мании составлять завещания [2]. Что за непомерные гонорары. Я уже больше не удивляюсь тому, что этот добрый малый с таким жаром проникся вашими интересами. Чёрт побери! И я непрочь бы стать нотариусом, при условии, что вы ежегодно будете поручать мне составление завещания, — это избавило бы меня от необходимости читать курсы лекций и писать книги.

Вы сами увидите из содержания этого письма, что не заплатить полностью эту сумму никак нельзя, хотя г. Прессе играет в великодушие. Я попытался поэтому повернуть дело благоприятным образом. Эдмон и я, мы оба заметили, что на ваших соотечественников [3] произвело дурное впечатление то, как вы приняли предложение Шаллера насчет подписки [4]. Вы были настолько погружены в себя, что не обратили на него внимания, и в сердцах этих людей могла угнездиться мысль, будто вы непрочь были на них опереться в ваших личных делах, но поступили бы совсем иначе, когда к вам обратились бы за поддержкой для радикальной партии кантона. Это мнение не должно пускать ростки, особенно теперь, и я тотчас же после вашего отъезда переговорил с Э〈дмоном〉 и Т〈есье〉, дабы найти средства развеять это мнение. Я решил написать Прессе и сказать ему, будто получил от вас письмо, в котором вы просите у меня по этому поводу более подробных разъяснений, чтобы загладить свою невнимательность. Я не ожидал такого кровопускания, какое производит вашему кошельку сей нотариус. Но, несмотря на то, упомянутое мнение отнюдь не должно укорениться. Вот что я пишу Прессе:

«Сумма дьявольски велика — но полагаю, что дела можно было бы устроить ко всеобщему удовлетворению. Только что мною получено письмо от Г〈ерцена〉, в котором он говорит мне, что в предотъездной спешке и потеряв голову от бесчетных хлопот, осаждавших его в последнее время, он недостаточно внимательно выслушал то, что г. Шаллер и вы говорили ему насчет проводимой теперь подписки с политической целью. Г-н Г〈ерцен〉 опасается, что недостаточно хорошо понял и сам был плохо понят; он просит меня осведомиться у вас, что́ следовало бы ему сделать; что он всегда готов поддержать интересы партии, к которой принадлежит. Мне кажется, со своей стороны, что партия нуждается в денежных средствах для успешной борьбы. Поэтому я предложу г. Г〈ерцену〉 внести полностью всю сумму с тем, чтобы вы располагали той ее частью, которая покажется вам превышающей нужды нашей партии в Фрибурге, так что она получит, таким образом, дополнительные средства для своей необходимой деятельности. Я пишу в этом духе г. Г〈ерцену〉».



ФРИБУРГ

Гравюра Г. Цшокке, 1858

Из альбома: Heinrich Zschokke. Die Schweiz in ihren klassischen Stellen und Hauptorten. Stuttgart, 1858

В 1851 г. по решению Фрибургского кантонального совета Герцен получил швейцарский паспорт и стал считаться гражданином Фрибургского кантона

Не знаю, одобрите ли вы подобный образ действий, но, по-моему, он полностью в ваших интересах [5].

Мы возвратились из Сиона, Тесье и я, в изнеможении от усталости, вина и дождя. Т⟨есье⟩ направился в Женеву, чтобы присоединиться к Эдмону.

Всецело преданный вам К. Фогт

21 августа. Берн

Наилучшие пожелания друзьям и детям [6].

[1] В *ААН* ошибочно: 1853.

[2] Анри Бенжамен *Прессе* (?—1859) — нотариус, депутат Швейцарского национального совета, составивший 1 августа 1852 г. в присутствии Герцена его завещание (см. XXIV, 384—389).

[3] «Соотечественниками» Герцена Фогт называет здесь швейцарцев (незадолго до того Герцену, подвергавшемуся полицейским преследованиям в Париже и Ницце, предоставлено было гражданство в Фрибургском кантоне Швейцарии).

[4] Юлиан *Шаллер* (1817—1871) — политический деятель, государственный советник Фрибургского кантона, оказавший Герцену деятельную помощь в получении швейцарского гражданства и, по-видимому, рассчитывавший на то, что Герцен, как состоятельный человек, внесет более или менее крупную сумму в фонд возглавляемой Шаллером радикальной партии (она испытывала в это время большие материальные затруднения — ср. *АНН*, 127—128).

[5] Как реагировал Герцен на этот маневр Фогта, неизвестно.

[6] Публикуемое письмо Герцен получил уже в Лондоне, куда прибыл с сыном 24 августа. Следующее письмо Фогта к Герцену, появившееся в печати, датировано 15 ноября 1852 г. (*Л* VII, 160—163). Несколько писем его, вероятно, не дошло по назначению (см. XXIV, 511).

3

К. Фогт — Герцену

⟨Женева. Конец августа — начало сентября 1852 г.⟩ [1]

Mon cher ami!

Me voilà enfin délivré de cette sacrée migraine que je croyais bien enfoui dans les profondeurs de Neuhaus. Je puis donc maintenant un peu causer des affaires, que je

m'étais tenu éloigné pendant ce dernier idylle [2]. C'est à cause de cela, que le protêt vous arrive si tard [3] — j'avais complètement oublié cela en défendant qu'on m'envoyât des lettres à Neuhaus, car je ne croyais pas d'abord que mon séjour s'y prolongerait autant.

Vous voyez donc que m-r a été forcé de s'expliquer et de répudier complètement les actions de sa femme [4]. Il vit à Zuric plus honni que jamais — tous se sont retirés de lui, même le poète viennois [5] et le musicien de Dresde [6] — il ne lui reste que Wille [7], qui répète le rôle (sans l'argent) que vous avez joué vis-à-vis de lui à Paris — c'est-à-dire qui trouve beau de lui fournir un appui justement parce que tous les autres l'ont abandonné [8]. Du troisième il a déjà dû monter dans les mansardes de l'Hôtel du Lac. Mon frère et ma mère [9], qui ont été successivement à Zuric (Adolphe l'y a vu passant par la rue) ont recueilli ces détails.

J'ai eu, pendant trois jours, à Neuhaus, la visite du beau-frère [10]. J'ai passé avec lui en revue toute la correspondance qui était entre mes mains, je l'ai éclairci sur tous les détails et je l'ai trouvé tel que je devais le croire d'abord — rempli du désir de se défaire à tout prix de ce vampyre [11]. Il m'a donné en échange des détails infinis sur les escroqueries par lesquelles on leur a extorqué le dernier sou, et j'ai eu, par lui, l'affirmation positive, qu'en aucun cas on ferait plus quelque chose pour lui et pour elle. Elle a bombardé dans ces derniers temps les siens par des lettres pleines de désespoir... car elle est déjà tellement endettée à Nice qu'il lui faudrait, à ce qu'elle dit, 5000 frs pour quitter cette ville. En attendant, on me dit que m-r cherche un logement à Zuric pour lui et sa famille — il n'ira en aucun cas à Nice ni en Italie, parce qu'il y a des couteaux. En attendant, le beau-père [12] a chargé un avocat à Zuric de faire savoir par dessous main à tous les intéressés, que jamais il ne payerait les dettes de son gendre.

La famille n'ira pas loin — elle ne fera aucune demande publique et elle ne se résoudra pas à mettre m-me en pension, comme je l'avais proposé. Mais on la réduira autant que possible, en lui enlevant d'abord le garçon [13] et en payant sa pension dans un institut quelconque depuis Berlin. Mais la pension entière de m-me (dont on déduira encore celle du garçon) est déjà reduite à 1500 thalers (5000 frs) et le sera encore davantage l'année prochaine — époque où l'on liquidera, si c'est possible. Jusque là — impossibilité physique et matérielle de donner un sou de plus — dût elle aller en prison pour dettes.

L'appréciation des faits à la charge de m-me de la part de son frère est naturellement la plus indulgente possible — démoralisation amenée par contrainte morale et maintenant monomanie complète qui empêche tout jugement, toute critique vis-à-vis de son homme — ça tombe pleinement d'accord sous ce point de vue, et je crois que vous feriez sagement aussi de l'accepter quand-même.

Golowine est à Lugano.

M-me H⟨erwegh⟩ pense à établir Horace dans une pension à Genève et probablement de s'y fixer aussi.

Tout cela me paraît devoir être pris en considération, et voici ce que je propose.

Faites mettre les tenailles à m-me à Nice en faisant présenter la lettre de change et donnez ordre de poursuivre de manière à ce que l'affaire soit connue dans tout Nice sous main et que son crédit par là soit ruiné complètement. Mais n'allez pas plus loin, de notre côté — cela serait adieu de notre part. Du moment que l'on saura (et tout se sait à Nice, si l'on s'y prend un peu bien), qu'elle vous doit, que vous voulez être payé, qu'elle ne peut payer,— de ce moment-là les autres créanciers les bomberont dessous à coups redoublés et vous feront votre besogne à vous sans que vous y paraissiez. Rotschild vous fera cela à merveille. On arrivera par cela à deux fins — les autres créanciers la tracasseront tellement et surveilleront tellement avec des yeux de lynx la rente arrivant de Berlin, qu'elle ne pourra plus envoyer à Zuric et vous garderez toujours votre terrible papier en poche comme spectre effrayant.

En même temps faites aller Golowin à Zuric, cela fera très salutaire pour m-r... Golowin avec sa grosse maîtresse (on me dit qu'il l'a avec lui) peuvent prendre logement à l'Hôtel du Lac — belle situation, bonnes chambres, excellent service.

Vous viendriez à Genève le moment que j'apprends que m-me s'y rend.

Premier but de tous ces démarches: Rendre impossible à m-me le séjour de Nice... Forcer le couple de se réunir pour pouvoir le tracasser plus efficacement, le reduire ainsi à notre dernier but.

Ce but me paraît toujours la réhabilitation de votre femme vis-à-vis de vos enfants et du monde dans lequel nous vivons. Ne me comprenez pas mal, je vous en prie— je comprends parfaitement qu'il n'y avait pas besoin d'une réhabilitation quelconque vis-à-vis de vous du moment que vous acceptiez la conciliation avec son passé — je veux parler seulement des impressions que peuveut avoir plus tard les enfants vis-à-vis de monde qui les entoure. Je crois donc qu'il faut toujours diriger nos efforts vers ce but — ravoir les preuves et les documents, que l'autre possède et que dans une main tellement perfide et chantée pourront toujours, quoiqu'ils soutiennent, servir comme souillure à une mémoire qui doit être chère à vous et à vos enfants.

Vous en êtes convenu avec moi dans le temps que même l'extirpation de l'individu ne pourrait prévenir cette souillure, vu que m-me resterait — vous avez dit vous-même que vous donneriez volontiers ce qu'il faut pour les faire filer en Amérique, pourvu que vous eussiez ces documents entre vos mains [14].

Agissons en conséquence.

J'ai touché ce point vis-à-vis du beau-frère — je lui ai dit que la seule solution honorable de l'affaire (de la part de G. H⟨erwegh⟩), aurait été de renvoyer immédiatement, après avoit reçu la dernière lettre décisive de votre femme [15], ses lettres à elle. Il est parfaitement convenu de cela. Je lui ai touché alors le second point — je lui ai dit, que vous, autant que tous les amis, seriez contents de voir finir l'affaire, si ces lettres et documents fussent restitués — mais que vous ne cesseriez jamais vos persécutions, aussi longtemps que vous les sauriez encore en possession de l'autre. Je ne lui ai rien dit de plus — il a approuvé cela fortement et il va bientôt en écrire à m-me. Je l'ai instruit de le faire de manière comme si cette proposition venait de lui et de n'en parler d'abord que vaguement comme sa propre appréciation. Plus tard on touchera ce point avec plus de précision.

Voici quelles sont mes réflexions à ce sujet. M-me se croit dérobée le rôle de protecteur et de sauveur de son mari — elle se tourmente incessamment la tête pour cela. Elle aura, d'un côté, les tribulations continuelles pour l'argent — tous les séjours bouchés — le crédit enfoncé — la vie dure — le mari qui la tourmente, enfin une vie d'enfer — et on lui présentera toujours cet avenir riant sous la condition du rendement des lettres. Elle en remplira les oreilles de m-r qui, à la fin, s'exécutera.

Je ne sais si vous entrez dans ces réflexions — mais je les crois justes, et nous aurons de puissants auxillières dans la famille à Berlin qui tient les cordons de la bourse. Mais il faut pour cela un ménagement excessivement sage de vos ressources et de vos moyens et une intrigue plus que russe.

Il faut surtout du silence vis-à-vis certains de vos amis — vous me comprendrez assez [16]. Enterrez-vous donc, si vous voulez, à Paris ou à Londres — travaillez vôtre mémoire [17] — il vous prendra du temps, vous soulagera l'esprit et le débarassera en même temps, et empêchez le général [18] et Engelson de faire des bêtises, ne dévoilez pas aux autres Russes babillards ce que vous allez faire — affichez votre occupation à réunir le verdict [19]... mais acquériez à la sourdine tous ces épingles, par lesquelles vous piqueterez continuellement pour traquer votre gibier dans l'impasse [20].

J'ai presque horreur de moi-même en relisant cette lettre — je la finis donc au plus vite.

Quant à l'affaire Presset — faites-la vous-même comme bon vous semblera [21].

Mille choses au général et à tous les amis; songez bien que tous vos fils d'araignée seront rompus dès le moment qu'un tiers saurait que vous êtes le confident de mes rélations avec la famille de Berlin. Donc ⟨...⟩*

Tout à vous C. V o g t

---

* Далее в автографе отрезано несколько слов.— *Ред.*

Перевод:

Любезный мой друг!

Наконец-то я избавлен от этой проклятой мигрени, которая, как я полагал, надежно упряталась в недрах Нейгауза. Поэтому теперь я могу немножко поговорить о делах, от которых держался вдалеке во время этой последней идиллии [2]. Вот почему опротестованный вексель доходит до вас так поздно [3] — я совсем позабыл об этом, когда запретил присылать мне письма в Нейгауз, ибо я не думал вначале, что мое пребывание там столь затянется.

Так вот, теперь вы видите, что сей господин вынужден был объясниться и начисто отречься от действий своей жены [4]. Живет он в Цюрихе, выставленный на позор больше, чем когда бы то ни было,— все от него отстранились, даже венский поэт [5] и дрезденский музыкант [6],— ему остается лишь Вилле [7], повторяющий (не давая денег) ту роль, которую вы играли по отношению к нему в Париже, т. е. он считает нужным оказывать ему поддержку только потому, что все остальные его покинули [8]. С четвертого этажа он уже вынужден был подняться в мансарды Hôtel du Lac. Брат мой и моя мать [9], которые поочередно побывали в Цюрихе (Адольф там его видел переходящим улицу), собрали эти подробности.

Я принял во время своего трехдневного пребывания в Нейгаузе визит шурина [10]. С ним я просмотрел всю находившуюся в моих руках переписку; я разъяснил ему все подробности и нашел его таким, каким и предполагал вначале,— преисполненным желания любой ценой отделаться от этого вампира [11]. Он сообщил мне взамен бессчетные подробности о мошенничествах, при помощи которых из них выжат был последний грош, и я получил через него прямое заверение, что они ни в коем случае ничего не станут больше делать ни для него, ни для нее. Она бомбардировала в последнее время своих родственников письмами, исполненными отчаяния... ибо она до такой уже степени задолжала в Ницце, что ей понадобилось бы, как говорят, 5 000 фр., чтобы покинуть этот город. Пока же мне сообщают, что сей господин ищет в Цюрихе жилье для себя и своего семейства — он ни в коем случае не поедет ни в Ниццу, ни в Италию, потому что его положение чересчур затруднительно. Пока же его тесть [12] поручил одному адвокату в Цюрихе исподтишка оповестить всех заинтересованных лиц, что долги своего зятя он никогда оплачивать не станет.

Семья далеко не зайдет — никакого публичного оповещения она не сделает и поместить м⟨ада⟩м на полный пансион, как я предложил, не решится. Однако, насколько это будет возможно, ее урежут — на первый случай отобрав у нее мальчика [13] и оплачивая его содержание в каком-нибудь учебном заведении начиная с Берлина. Однако все пособие м⟨ада⟩м (из которого еще вычтут на содержание мальчика) уже сведено к 1 500 талеров (5 000 фр.), и оно будет еще более сокращено в будущем году — когда и вообще будет сведено, по возможности, на нет. До того же времени никак нельзя — ни физически, ни материально — дать ей хотя бы на грош больше, даже если ей пришлось бы отправиться за долги в тюрьму.

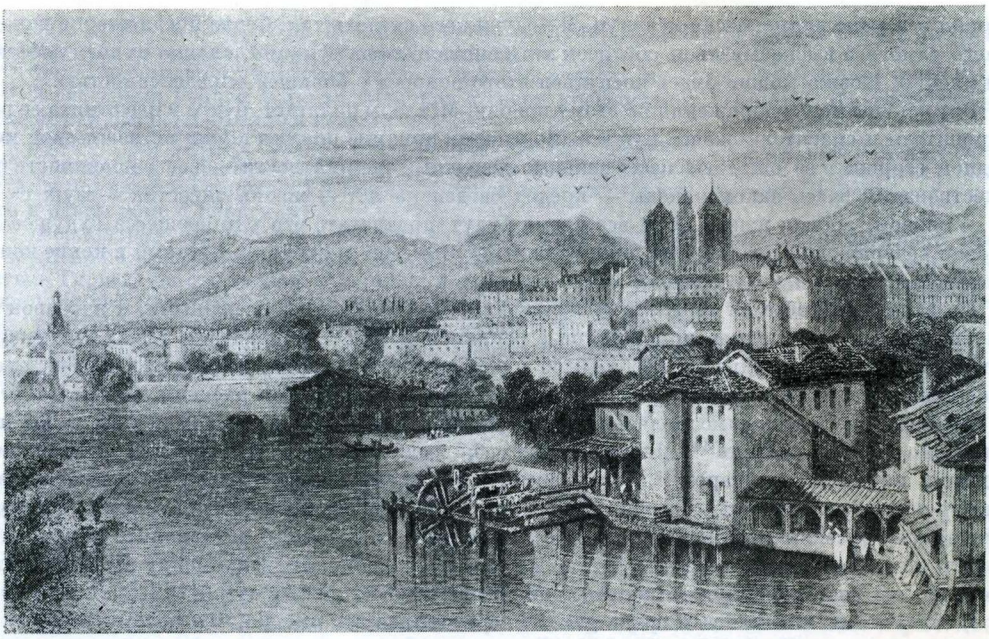
Оценка фактов, касающихся поведения м⟨ада⟩м, ее братом, как и следовало ожидать, предельно снисходительна: деморализация, вызванная нравственным принуждением, а теперь полная мономания, препятствующая всякому суждению, всякой критике своего мужа,— это полностью совпадает с моей точкой зрения, и я полагаю, что вы поступили бы столь же благоразумно, если бы, несмотря ни на что, согласились с этим взглядом.

Головин в Лугано.

Г-жа Г⟨ервег⟩ рассчитывает устроить Гораса в какой-то женевский пансион и, по возможности, самой там обосноваться.

Все это, по-моему, следует принять в соображение, и вот что я предлагаю.

Заставьте зажать м⟨ада⟩м в тиски в Ницце, представив к оплате вексель, и отдайте приказ добиться оплаты таким образом, чтобы дело это потихоньку стало известно всей Ницце и чтобы кредит ее был тем самым полностью подорван. Но дальше этого не идите, с нашей стороны это было бы «прости-прощай». Как только об этом узнают (а в Ницце все становится известно, если за дело берутся сколько-нибудь толково), что она вам должна, что вы хотите уплаты, что она платить не может,— с этого самого момента остальные кредиторы примутся исподтишка бомбардировать ее удвоенными ударами и выполнят за вас вашу работу без того, чтобы вам самому пришлось высунуть нос наружу. Ротшильд превосходно для вас это сделает. Тем самым достигнуты будут две цели—другие кредиторы примутся так ее тормошить и станут так следить рысьими глазами за пособием, получаемым из Берлина, что она не сможет больше посылать деньги в Цюрих, и вы по-прежнему сохраните ваш ужасный вексель в кармане, словно устрашающий призрак.



ЖЕНЕВА
Гравюра братьев Руарг, 1860
Из альбома: Xavier de Marmier. Voyage en Suisse. Paris, 1862

Одновременно пошлите в Цюрих Головина, это будет весьма благотворно для муженька... Головин со своей полнотелой любовницей (мне говорят, что она с ним) могут поселиться в Hôtel du Lac — прекрасное местоположение, прекрасные комнаты, превосходное обслуживание.

Вы же приехали бы в Женеву в тот момент, когда мне станет известно, что м⟨ада⟩м туда направляется.

Первая цель всех этих демаршей: Сделать для м⟨ада⟩м невозможным пребывание в Ницце... Заставить сию чету съехаться, чтобы получить возможность донимать ее более действенно, значит осуществить, таким образом, последнюю нашу цель.

Этой целью я по-прежнему считаю реабилитацию вашей жены по отношению к вашим детям и к миру, в котором мы живем. Не поймите меня превратно, прошу вас,— я отлично понимаю, что для вас не было нужды в какой бы то ни было реабилитации с того момента, как вы согласились на примирение с ее прошлым,— я хочу лишь сказать о том впечатлении, которое дети впоследствии могут себе составить относительно окружающего их мира. Итак, я полагаю, что усилия наши должны быть постоянно направлены к этой цели — получить обратно доказательства и документы, коими субъект обладает и кои в столь коварной и шантажистской руке всегда смогут — какие бы намерения ни преследовались — возникнуть как пятно на памяти, которая должна оставаться дорогой и вам и вашим детям.

Вы теперь согласны со мной, что даже уничтожение известной личности не смогло бы предупредить появления этого пятна, поскольку м⟨ада⟩м-то оставалась бы,— вы сами сказали, что охотно отдали бы все, что потребуется, лишь бы заставить их убраться в Америку, лишь бы вам удалось заполучить в свои руки эти документы [14].

Будем же соответственным образом действовать.

Я затронул в беседе с шурином и этот вопрос — сказал ему, что единственным достойным разрешением дела (со стороны Г. Г⟨ервега⟩) было бы немедленно возвратить — после того, как он получил последнее решительное письмо от вашей жены [15],— ее письма. С этим он полностью согласился. Тогда я затронул второй вопрос — сказал ему, что вы, так же как и все друзья, были бы рады прекращению дела, в случае если эти письма и документы будут возвращены,— но что вы никогда не согласились бы прекратить свои преследования, пока не узнали бы, что они еще находятся во владении другой стороны. Больше я ему ничего не сказал — он это решительно

одобрил и вскоре напишет сие м⟨ада⟩м. Я подучил его сделать так, будто предложение исходит от него самого, и высказываться обо всем этом вначале лишь туманно, словно о своем собственном мнении. Позже можно будет коснуться этого вопроса с большей определенностью.

Вот каковы мои соображения по этому поводу. М⟨ада⟩м полагает, будто у нее отнята ее роль покровителя и спасителя своего мужа,— по этой-то причине она без конца истязает свой мозг. С одной стороны, ее ожидают нескончаемые денежные неприятности — все возможности для существования здесь законопачены — кредит сведен на нет — жизнь тягостна — муж ее мучит — словом, адская жизнь, а ей все время будут предлагать это улыбающееся будущее при условии возвращения писем. Она прожужжит об этом уши муженьку, который в конце концов сдастся.

Не знаю, вникнете ли вы в эти соображения,— я же считаю их верными, а вдобавок мы приобретем могущественных помощников в берлинской семье, держащей в руках застежки от кошелька. Для этого, однако, необходимо исключительно мудрое, осмотрительное использование ваших ресурсов и ваших средств, а также нечто большее, чем русская интрига.

Особенно же необходимо молчание в присутствии некоторых из ваших друзей — вы меня достаточно хорошо поймете [16]. Погребите же себя, если хотите, в Париже или в Лондоне — трудитесь над своим мемуаром [17],— это займет у вас время, освежит ваш ум и освободит его в то же время от бремени — и помешайте генералу [18] и Энгельсону натворить глупостей; не открывайте другим русским пустомелям того, что вы собираетесь делать,— выставляйте напоказ свои хлопоты по сколачиванию вердикта [19]... но в то же время собирайте втихомолку все те шпильки, которыми вы постоянно будете колоть, дабы загнать свою дичь в тупик [20].

Я испытываю к себе нечто вроде ужаса, перечитывая это письмо,— и потому наскоро его заканчиваю.

Что касается дела Прессе — то поступайте сами, как вам покажется лучше [21].

Тысяча приветствий генералу и всем друзьям; не забывайте, что все ваши паутинки будут оборваны, если только кто-нибудь третий узнает, что вы в курсе моих сношений с берлинской семьей. Итак ⟨. . .*⟩

Всецело преданный вам К. Фогт

[1] Дата устанавливается по связи с письмом Герцена к Фогту от 16 сентября 1852 г. (XXIV, 337—340), которое, вероятно, являлось ответом на это письмо.

[2] По-видимому, намек на увлечение Фогта Марианной Мишель. См. ниже.

[3] Вексель Эммы Гервег, взявшей взаймы у Герцена 20 августа 1850 г. 10 000 фр. Гервег отказался оплатить, заявив, что деньги были взяты его женой у Герцена без его ведома. (X, 311—312, 511). Он был опротестован Фогтом в Париже 27 августа 1852 г.— см. *Л* XIV, 105.

[4] В своем открытом письме, помещенном в газете «Neue Zürcher Zeitung» 6 августа 1852 г., Г. Гервег заявил, что у него не было никакой необходимости занимать деньги у Герцена, поскольку он, Гервег, сам *«имел все*, в чем нуждался» (*Л* VII, 118; ср. X, 311). Герцен так отозвался об этом в письме к Фогту от 16 сентября: «Итак, он совершил еще одну подлость ⟨. . .⟩ Он же сам и обвиняет свою жену в мошенничестве» (XXIV, 338; ср. 340—341).

[5] Эту личность установить не удалось.

[6] Рихард Вагнер, продолжавший поддерживать приятельские отношения с Гервегом. Свою дружбу с ним Вагнер объяснил в письме к Герцену так: «Мое участие к Гервегу объясняется надеждой,— надеждой на будущее, а вовсе не вспоминанием о прошлом» (*Л* XIV, 121—124; ср. XXIV, 294—299).

[7] Франсуа (Франц) *Вилле* (1811—1896) — цюрихский врач, журналист, друг Г. Гейне, секундант Г. Гервега в его предполагавшейся дуэли с Герценом.

[8] Как отмечается в «Былом и думах», Герцен в 1848 г., после бесславного возвращения Гервега в Париж из так называемой «баденской экспедиции», «играл роль какого-то опекуна, защищая его от других...» (X, 251).

[9] *Брат* — Адольф Фогт (1823—1907) — врач в Берне; *мать* — Луиза Фогт (урожд. Фоллен; 1799 — после 1864) — адресатка Герцена; упоминается в «Былом и думах» (165—166, 240) и ниже.

[10] Вероятно, доктор Г. Зигмунт, брат Эммы Гервег.

[11] Фогт называет так Г. Гервега, эксплуатировавшего в денежном отношении берлинских родственников своей жены.

[12] *Зигмунт* — отец Эммы Гервег, берлинский торговец шелком.

[13] Девятилетний сын Гервегов — *Горас* (1843—1904), впоследствии инженер.

[14] Речь идет о письмах Н. А. Герцен к Г. Гервегу, хранившихся последним как оружие против Герцена и «для самообороны». См. частичную их публикацию в т. 64 «Лит. наследства» (с. 259—318).

[15] Имеется в виду письмо Н. А. Герцен к Гервегу от 18 марта 1852 г., введенное Герценом

* Далее в автографе отрезано несколько слов.— *Ред.*

в «Былое и думы» (X, 290—291). В нем она резко осудила Гервега и его недостойное поведение и окончательно объявила, что не покинет своего мужа и семью.

[16] Фогт, несомненно, намекает здесь в первую очередь на В. А. Энгельсона и Э. Гауга.

[17] В это время Герцен задумал «мемуар» о своем конфликте с Гервегом. Из этого замысла впоследствии выросли «Былое и думы».

[18] Эрнест *Гауг* (1818—1888) — австрийский офицер, участник венской революции 1848 г.; в 1849 г. защитник республики в Риме, где получил звание генерала. В 1852 г. принимал близкое участие в конфликте Герцена с Гервегом, целиком приняв сторону Герцена. В Лондоне он поселился в одном доме с Герценом.

[19] «Вердиктом» Герцен и его близкие называли в это время обвинительный приговор, которым виднейшие представители европейской демократии должны были заклеймить аморальные действия Гервега по отношению к Герцену и его жене. Этим «вердиктом» пытались заменить отживший обычай разрешения «конфликтов чести» посредством дуэли. Однако «вердикт» над Гервегом, к глубокому разочарованию Герцена, вынесен не был.

[20] Вступать в переговоры с Гервегами, «делать первые шаги, предложения» Герцен (в ответном письме от 16 сентября) решительно отказался (XXIV, 339).

[21] См. выше п. 2.

4

К. Фогт — Герцену

〈Женева. 3 января 1853 г.〉

Любезный мой друг!

«Prost Neujahr!» * — кричит Германия от края и до края по случаю Нового года, и я тоже не хочу упустить возможности прокричать это же вам в ухо даже тогда, когда вы, по-видимому, погружены в Titchie 〈?〉 islands **,— до такой степени вести от вас становятся редкими, особенно с тех пор, как Эдмон и Тесье возвратились в столицу, где Эд〈мон〉 погрязает в наслаждениях бредового ужаса. Он видит, как появляются бурбоны, иезуиты, сам дьявол со своей свитой, и это внушает ему сильный страх, судя по тому, что́ он пишет [1]. Похоже, что новопрудоновская спекуляция уже достигла той черты, с которой Луи Наполеон рассматривается как единственный якорь, дающий еще возможность этому бедному суденышку свободы, лишенному мачт, руля и с пробитым днищем, противостоять последнему удару волн, которые должны его поглотить [2]. Вскоре мы примемся выпрашивать у Франца Иосифа или у Николая 〈I〉 свободы, ограниченной у одного австрийским добродушием [3], а у другого — Schnaps'ом ***. Очаровательная перспектива.

Я узнал сейчас от Эдмона, что вы вот-вот получите разрешение возвратиться в Париж. Поторопите же теперь это дело — пока еще не совсем прошло дурное настроение, вызванное запаздывающим признанием империи,— впоследствии затруднения, быть может, увеличатся [4]. Я вас искренне поздравляю — ибо вопреки всему, что вы говорите о приятностях Лондона, я упорствую в своем прежнем предубеждении против этого очаровательного местопребывания. Особенно учусь я дорожить туманами за их истинную высоту. Можно подумать, что мы перенесены отсюда в Лондон — еще не знаю, как выглядит солнце в Женеве. С самого начала империи мы тщетно ищем лик великого Наполеона I, вырисовывающийся на Монблане [5],— он укутывается с упорством, достойным лучших времен. Это вполне подходящая пара для правительственных туманов. Итак, вы скоро узнаете, что радикальный союз в Женеве заметно напоминает сердечное согласие г. Гизо [6]. Ожесточенная война. Фази [7], Турт [8] и пр.— на одной стороне с правительством, государством, радикализмом; Дюшозаль [9], Резен [10] — на другой стороне — с городом, больницей, корпорацией и буржуазией [11]. Крупная ругань по любому поводу. Даже слова «город», «государство» немедленно заставляют вскакивать поборников той и другой стороны, словно неистовых петухов или индюков при виде красной тряпки.

Und die Keilerei geht los,
Und der Utz ist wirklich gross****.

---

* «С Новым годом!» (*нем.*).

** «Тичи» 〈?〉 острова (*англ.*).

*** водкой (*нем.*).

**** И начинается драка. И крошка Ульрих теперь поистине велик (*нем.*).

Между тем через несколько лет, по всей вероятности, это погрузит на дно всю сию лавочку, если только она еще сможет продержаться некоторое время на поверхности.

Сам я никак не мог этим заниматься в последнее время, ибо, к несчастью, вынужден был отдаться более грустному делу. Мой бедный друг Людвиг Симон из Трира [12] приехал сюда полумертвым и теперь окончательно умирает [13]. По-видимому, никакой надежды на его спасение уже нет — мой отец [14] установил диагноз — неизлечимое сужение нижнего отверстия желудка, что осуждает его на медленную смерть от истощения. Бедняга дошел уже до состояния скелета: ему едва-едва удается на полчаса в день подняться. Одна дама, путешествовавшая с ним вместе, не будучи знакома, приняла его за сорокапятилетнего болезненного человека, между тем как ему едва ли больше тридцати. Мы ожидаем, что он скончается к весне. Вы сделали бы мне одолжение, если бы сообщили об этом Лёве [15], адреса которого у меня нет, и притом попросили бы все же не разглашать это известие, ибо родственники еще не знают о серьезности болезни. Г-жа Гогенемзер [16] приютила бедного малого у себя и опекает его, словно родная мать.

К этому прибавляются и другие терзания. Добрые люди, которые прежде, когда я еще подавал надежды стать мирным и солидно устроившимся немецким профессором, эти славные люди, дававшие мне тогда деньги взаймы, воображают теперь, будто я отыскал Калифорнию и изобрел Австралию [17], и надоедают мне больше, чем следовало бы. Не знаю еще, как мне с ними развязаться.

Вы знаете ли, что ницкий Атеизм по 300 строчек в день [18] породил истинную бурю? Г-н Р. Вагнер из Геттингена опубликовал яростную статью в аугсбургской газете; я дал ему отпор во франкфуртской газете [19]. Под конец все это стало известно здешним ретроградам, и они утверждают, что намерены забрать своих детищ из Академии [20]. Это перепугало других профессоров, таких же ретроградов и таких же реакционеров, и, дабы отразить опасность, они предлагают мне убраться прочь, чтобы не расстраивать единства, царившего в Академии. Я ответил им, что их демарш приносит мне честь, но что я намерен продолжать в том же духе. «Тогда мы вынуждены будем сами подать в отставку».— «От этого придет в восторг правительство, которое вас не любит».— «Пусть так, но мы создадим вольную Академию».— «А во сколько это вам обойдется?» И мой собеседник оторопел. «Послушайте,— говорю я.— Сейчас я выведу вас из этого затруднительного положения. Предположим, что трое или четверо из вас подадут в отставку — каждый получает теперь по 3000 фр. в год — то есть вы потеряли бы 12 000 фр. Дайте одну четверть этой суммы мне в виде пожизненной ренты — 3000 фр. в год: я обещаю вам покинуть Женеву и отправиться на житье в Париж». Это предложение ошеломило их — они притихли.

В остальном — ничего нового. Я видел Фраполи [21] — он больше не участвует в заговорах. Занимается железными дорогами. Альмера [22] уже не у кормила власти — железная дорога. Теперь только этим и занимаются. Не хотите ли купить земли на укреплениях? [23] Здесь продают участки — выгодное дело: за пять лет капитал должен удвоиться.

Фраполи прибыл из Цюриха. Никому не известно, существует ли еще Г⟨ервег⟩ или же нет,— днем он не выходит, до такой степени оплеван. Г-жа Эмма, по-видимому, испытывает большие неприятности в Ницце — также из-за вас. Это хорошо — alle druff *.

Тысяча приветствий Саше и генералу.

Всецело преданный вам К. Фогт

Женева, 3 января 53 г.
180, rue du Rhône

[1] Это письмо К. Э. Хоецкого (Шарля Эдмона) к Фогту из Парижа, куда он получил разрешение вернуться, неизвестно. В нем, по-видимому, описывались последствия недавнего государственного переворота во Франции — жестокие репрессивные меры, расстрелы — и излагались соображения о дальнейшем ходе событий.

* бей врага! (*прусск. выражение*).— Последний абзац отчеркнут на полях — вероятно, Герценом.— *Ред.*

[2] Имеется в виду брошюра П. Ж. Прудона «La révolution sociale démontrée par le coup d'Etat du 2 décembre 1851», в которой он доказывал, что захват власти Луи Наполеоном может содействовать торжеству демократии (см. XIII, 231, 548).

[3] Перефразировка известного выражения г-жи де Сталь о России начала XIX в.: «Самодержавие, ограниченное удавкой».

[4] Фогт советует Герцену настойчиво добиваться официального разрешения на пребывание во Франции, которому мог содействовать тот факт, что Наполеон III испытывал чувство обиды по отношению к Николаю I, не спешившему одобрить восстановление империи во Франции. В начале 1853 г. разрешение на пребывание во Франции было получено. Герцен собирался тогда же отправиться в Париж в связи с болезнью М. К. Рейхель, у которой жили его малолетние дочери Тата и Оля. Здоровье Рейхель, однако, поправилось, и Герцен решил воздержаться от поездки.

[5] Женевцы уверяли, будто на обращенной к Женеве стороне Монблана вырисовывается огромный профиль Наполеона I.

[6] «*Сердечное согласие*» («entente cordiale») — известное выражение из тронной речи короля Луи Филиппа от 27 декабря 1843 г., характеризующее взаимоотношения Франции и Англии (это выражение приписывается и министру иностранных дел Франции Ф. П. Гизо).

[7] О Дж. *Фази* см. ниже в разделе «Сообщения».

[8] Абраам Луи *Турт* (1818—1863) — швейцарский политический деятель, начальник Департамента народного образования Женевского кантона, художник, радикал; в 1851—1852 гг.— государственный советник. С ним Герцен встречался во время своего пребывания в Швейцарии.

[9] Жан Анри *Дюшозаль* (1819—1875) — женевский радикал, сторонник Дж. Фази.

[10] Пьер *Резен* (1820—1870) — женевский адвокат, радикал, член Административного совета города Женевы и депутат Большого совета.

[11] Политические противники Фази выражали сильное недовольство его деятельностью, сопровождавшейся радикальными реформами и ломкой традиций, в частности отменой ряда отживших установлений, закрытием старой больницы и Экономического общества.

[12] Людвиг *Симон из Трира* (1810—1872) — немецкий политический деятель, буржуазный демократ, депутат Франкфуртского парламента, где он занимал крайне левое место, рядом с Фогтом. После провала революции 1848 г. эмигрировал в Швейцарию. Симон являлся автором статьи, косвенно направленной против Герцена и его взглядов (см. *Л* V, 542—543; X, 253 и ниже, в разделе «Сообщения», работу В. А. Смирновой «Некоторые источники информации Герцена о К. Марксе и Ф. Энгельсе»).

[13] Симон не умер в 1853 г., как предполагал Фогт, а прожил еще двадцать лет.

[14] Филипп Вильгельм *Фогт* (1789—1861) — швейцарский профессор медицины, о котором с большим уважением рассказывает Герцен в «Былом и думах» (X, 165—170).

[15] Вильгельм *Лёве* (Лёве-Кольбе; 1814—1886) — доктор медицины, вице-президент революционного Франкфуртского парламента в 1848 г.; эмигрировал в Швейцарию, затем в Лондон и позднее в Северную Америку. Было ли написано Герценом письмо к Лёве, неизвестно.

[16] Софи *Гогенемзер* (1809—?) была родом из Великого герцогства Баденского; в марте 1848 г. переехала со своими детьми в Женеву, оттуда в июле 1853 г. переселилась во Францию.

[17] Т. е. стал очень богатым: в Калифорнии в 1848 г. и в Австралии в 1851 г. были открыты золотые россыпи.

[18] В конце 1840-х и в 1850—1852 гг. Фогт работал в Ницце над рядом исследований по физиологии и зоологии, имевших откровенно атеистический и материалистический характер. Вероятно, Фогт намекает здесь на свое правило писать каждый день строго обусловленное число строк.

[19] Нападки на Фогта профессора Геттингенского университета Рудольфа *Вагнера* (1805—1864) в связи с вышедшей в свет книгой Фогта «Bilder aus dem Thierleben» (1852) открыли бурную полемику между ними, продолжавшуюся целые годы.

[20] Женевское высшее учебное заведение, в котором Фогт был профессором.

[21] Лодовико *Фраполли* (1815—1878) — итальянский ученый, деятель революции 1848 г., политический эмигрант, сподвижник Гарибальди. См. о нем подробно в *ААН*, 104—105.

[22] Александр Феликс *Альмера* (Альмерас, 1811—1866) — женевский художник и политической деятель-радикал, друг Дж. Фази, депутат Большого совета. См. о нем в *ААН*, 105.

[23] Одной из первых радикальных мер правительства Фази был снос старых военных укреплений, окружавших Женеву и мешавших ее развитию. С решением снести укрепления ожесточенно боролись консерваторы и приверженцы старой Женевы, которых пугали социальные, политические и религиозные последствия промышленного и торгового развития Женевы.

5

К. Фогт — Герцену

⟨Женева. 3 марта 1853 г.⟩

Любезный мой Герцен!

Я очень задержался с ответом на ваше последнее письмо [1], все ожидая инструкций от генерала насчет отправления безделушек, им у меня оставленных. Боюсь теперь, что письмо, на котором хотя и был полностью начертан этот несуразный адрес Hawkes и пр., не дошло до него и что генерал отправился к кенгуру [2] в твердой уверенности, что я вознамерился беззаконно лишить его более

или менее нежных сувениров, вероятно содержащихся в пакете. Матьё [3] извещает меня сегодня, что генерал окончательно уезжает 5-го — с трудом верю этому, ибо у меня, полагаю, есть кой-какой опыт с его отъездами.

Все же направляю вам это письмо через Эдмона [4], который захворал сейчас ангиной при попытке проглотить мои немецкие труды. Ибо, искренне говоря, я почти не могу поверить в продолжительность вашего пребывания в Лондоне, разве только г-жа Рейхель отделалась от болезни, которой страдала. Мне кажется, что заботы, в коих столь нуждаются дети, не должны особенно способствовать ее выздоровлению, если только выздоровление это возможно, и, кроме того, вы подвергаетесь значительному риску увидеть, как отбирают или просрочивают это разрешение на въезд в Париж, а ведь вы так дорожили им совсем недавно.

Ваше последнее письмо представило мне немало поводов для размышления. Вы у меня просите совета, говоря, что хотите иметь детей своих близ себя; что в Париже оставаться вы не сможете; что вам предстоит лишь выбирать между Лондоном и Швейцарией. И в то же время вы говорите мне, что я исполнен предубеждений против Лондона и Англии! Но, несчастный, вы легко могли бы предвидеть мой ответ, отмеченный влиянием этого предубеждения, а также желанием обладать вами здесь, где я пригвожден теперь, словно Прометей к скале,— с той лишь разницей, что коршун (Фази) угощает меня печенкой (гусиной) вместо того, чтобы пожирать мою [5]. Итак, в своих рассуждениях я исходил из вышеназванных основ, а результат их я сообщу вам после того как выиграю бой или, вернее, укреплю на прочных и сугубо личных основаниях свое предубеждение.

По моему мнению, дорогой мой Герцен, Лондон для вас зловреден, а доказательство этому я нахожу в ваших письмах, которые ясно как день подтверждают, что с каждым днем вас все больше и больше охватывает сплин и что он вновь овладевает вашим рассудком. Не знаю, Англия ли тому виною или же общество генерала, но для меня генерал — это одно из воплощений Англии, и я думаю, что влияние это, даже если самая непосредственная причина его в генерале, удержится и после его отъезда. Напрасно станете вы говорить мне, что в Лондоне держишь палец на пульсе времени, как выразился как-то один из баденских министров,— это не мешает тому, что каждой отдельной личности лучше иметь в порядке свой собственный пульс. Если, может быть, и верно, что Европа прогнила, то не менее верно и то, что можно прогнить самому, повторяя ежеминутно, будто каждый в отдельности прогнил; и я полагаю, что климат, общество, даже самая лондонская деятельность много способствует возрастанию и усилению подобного расположения духа.

Перейдем теперь к моим соображениям, вызванным письмом.

С моей личной точки зрения, все прежде всего зависело бы от состояния здоровья г-жи Рейхель, по отношению к которой у вас, по-моему, обширнейшие обязательства вследствие проявленной ею преданности. Если эта бедная женщина достаточно поправилась, чтоб иметь возможность, как прежде, холить ваших детей, то, по-моему, вам следовало бы оставить их у нее еще на некоторое время, даже до будущего года. Из-за потери своего собственного ребенка [6] она, естественно, еще больше привяжется к вашим малюткам, и я думаю, что вы нанесли бы ей пагубный удар, лишив ее этого утешения.

Полагаю, что действовать следует противоположным образом, если г-жа Рейхель до такой степени больна, что заниматься детьми не сможет или если дети могут ухудшить ее состояние. Но тогда вам по крайней мере не следует мешкать с поездкой в Париж, и вы должны разгрузить ее, насколько это возможно, даже совсем увезя детей.

В этом случае я вижу для вас лишь один выход — где-нибудь обосноваться, устроить себе дом, в котором вы сможете доверить своих дочерей, под собственным вашим наблюдением, гувернантке. Они, по моему мнению, еще слишком малы для помещения в пансион, к людям, которым все равно, каким ребенком ни заниматься. Допустим, что вы приехали бы сюда и устроились в доме, расположенном невдалеке от города — в Паки́ — в Пленпале — в Серветте — в О-Виве,— где соединены преимущества города и деревни, столь необходимой для физического

развития детей,— я уверен, что там вы смогли бы найти надежную и преданную особу — даже среди нейгаузских девиц [7],— готовую взять на себя материальную заботу о детях, и там вы в то же время обрели бы, верно, поддержку у нескольких дам — таких, как г-жа Турт или г-жа Гогенемзер, которая, несмотря на свои странности,— личность, преисполненная доброты. Вам легко было бы заполучить здесь превосходных учителей и учительниц и иметь своих дочерей близ себя.

Не вижу иного решения в случае, если вы не сможете оставить детей у их второй матери, г-жи Рейхель, как вести самому свое домашнее хозяйство где бы то ни было — в Лондоне, в Женеве или в Париже.

Позвольте мне теперь поговорить о мальчике [8]. Умоляю вас в собственных его интересах больше не оставлять его при домашнем образовании и сочетать это последнее по крайней мере с образованием в общественном учебном заведении. Конечно, именно теперь пора извлечь его из замкнутого общества сложившихся мужчин и запустить в среду мальчиков того же возраста, заставив вступить в соприкосновение со всеми этими благими и дурными элементами, находящимися в общественном заведении. Теперь, с вашим знанием Лондона и его учреждений, спросите себя, поместите ли вы Сашу в английскую школу. Не знаю, что вы об этом думаете, но, судя по рассказам, прочитанным или слышанным мною, я не пожелал бы поместить своего мальчика в английскую школу, в то время как охотно доверил бы его гимназии в Женеве или пансиону Рёдигера [9], где вы могли бы соединить две вещи: солидное образование в кругу соревнующихся между собой ровесников и пребывание дома, среди семейных радостей в часы, свободные от уроков.

САША ГЕРЦЕН
Рисунок Н. А. Герцен (матери). Карандаш, ‹1850—1851›
Музей Герцена, Москва

Ничего не могу сказать вам отсюда о том, чего вы уже не знали бы из газет; что же касается меня лично, то я тружусь как вол, но мне почти не удается отделаться от работы, а она постоянно прибавляется. Тем не менее не могу сказать ничего дурного о своем положении, оно хорошо и оставляет мне много свободного времени.

Прощайте, любезный мой друг,— до скорого свидания, надеюсь.

Всецело преданный вам К. Фогт

3 марта 53 г.[10]

[1] Это письмо Герцена остается неизвестным.

[2] Затянувшийся переезд Э. Гауга в Австралию постоянно вышучивался Герценом и Фогтом.

[3] Жак *Матьё* (1818—?) — французский адвокат; был ранен на баррикаде в Париже во время февральской революции 1848 г. В конце 1849 г. он переехал в Ниццу, где познакомился с Герценом и Фогтом. После государственного переворота 2 декабря 1851 г. Матьё пытался вместе с другими эмигрантами поднять восстание у себя на родине, в Варском департаменте, граничившем с Ниццей. И сам Матьё, и его участие в этом восстании несколько гротескно описаны Герценом в «Былом и думах» (X, 214—220). Изгнанный из Ниццы в конце 1852 г., Матьё поселился в Женеве. См. о нем в *ААН*, 106.

[4] Шарль *Эдмон* — Карл Эдмунд Хоецкий.

[5] Шутливый намек на древнегреческий миф о прикованном к скале Прометее, которому орел каждый день расклевывал печень.

[6] У М. К. Рейхель незадолго до того умер в младенческом возрасте сын.

[7] *Нейгауз* — одно из распространенных швейцарских географических названий. В данном

случае имеется в виду местечко в трех километрах от Интерлакена, где родители будущей жены Фогта владели домом.

[8] Тринадцатилетний сын Герцена — Саша.

[9] Анри Ашиль (Генрих Ахилл) *Рёдигер* (1812—?) — содержатель «Немецкого института» в Шатлене близ Женевы. Это учебное заведение было переведено туда в том же 1853 г. из Ганау.

[10] Ответ Герцена неизвестен.

6

К. Фогт — Герцену

〈Женева. 1 апреля 1853 г.〉

Любезный мой Герцен!

Нас явно преследует неудача. Письмо ваше [1] дошло до меня в тот момент, когда один мой друг, Негро из Венеции, которому я дал к вам записку [2], уже распрощался со мной перед отъездом в Лондон. Случись это несколькими днями ранее, он мог бы доставить вам всю вашу кладь. Но, к сожалению, электрический телеграф не берет еще на себя доставку пакетов, а просить о присылке вещей из Берна было уже слишком поздно. В данный момент я пишу в эту столицу федеральной трусости [3], чтоб отдать родителям распоряжения, соответствующие вашему последнему письму. Я собирался, было, поручить Негро хотя бы ваши пистолеты, которые покоятся в моем комоде в ожидании дня Страшного суда, но, поразмыслив, я решил, что поскольку бедняга путешествует без паспорта под эгидой какого-то проводника, то поручать ему переправку оружия — значит подвергнуть его опасности разоблачения [4].

С этими пистолетами большое затруднение: ввоз их в Англию запрещен, как мне сейчас сказали; так что, во всяком случае, для получения их в Англии потребовалась бы куча хлопот и денег — тем более что предметы эти придется перевозить через Францию, где, вероятно, предстоят бесконечные формальности. Здесь один немецкий оружейник, много работающий для заграницы, особенно для Америки, ответил мне: «Die Brühe käme theurer als die Brocken», что, переведенное на вразумительный язык, должно означать: вам пришлось бы заплатить больше, нежели стоят сами пистолеты [5]. Благоволите осведомиться об этом в Лондоне, и, как только вы напишете мне, я вам их вышлю.

Что же касается вашего портфеля, то я думаю, что его можно смело положить в тот же ящик, в котором находятся картины, и доверить все это транспортной конторе. В этом смысле я написал своему брату Густаву [6]. Быть может, произойдет задержка на несколько дней, так как мои родители в Берне очень заняты упаковкой и отправкой вещей моей сестры Луизы, на днях уезжающей в Америку с Кудлихом, своим мужем. По отношению к нему Федеральный совет проявил себя похуже собаки. Вам известно, что его выдачи требовал австрийский посол. Цюрихское правительство за него поручилось. Было дано согласие — позволить ему завершить свои учебные занятия. Кудлих сдал экзамены. По прибытии в Берн он опять получает приказание выехать. Цюрихское правительство опять начинает лезть вон из кожи,— отец мой дает гарантию, что Кудлих выедет в начале мая месяца,— ничто не помогает. Высылка назначается на 4 апреля. Поскольку брачные документы еще не могли быть готовы к этому сроку, ни один священник (без этих противных субъектов в Бернском кантоне бракосочетание до сих пор еще невозможно) обвенчать их не пожелал. Тогда мой отец выступил в роли патриарха — он собрал друзей дома и дал при них благословение на брак, что, разумеется, предоставляет всем кумушкам конфедерации [7] изрядный повод для пустословия.

А теперь для продолжения нашей семейной беседы позвольте мне прежде всего выразить вам свое удовлетворение вашим последним письмом. Увидев сей приказ отправить вам все — картины, сундуки, портфели, пистолеты, трости Александра и пр.,— я громко закричал: «Ясное дело, нынче же летом он приедет в Швейцарию». В этом теперь я глубоко убежден, тем более что генерал, отправляясь в Австралию, может присмотреть за домом и получить ящики в ваше отсутствие, ибо сомневаюсь, что энтузиастическое отношение к Альбиону продержится до их прибытия.

Высказав это, вновь принимаюсь за вереницу всяких чудовищностей. Если вы хорошенько припомните, я высказывал свои мысли, лишь исходя из предположения, что г-жа Рейхель находится при последнем дыхании, и говорил вам, что в ином случае вы должны предоставить ей самой решение вопроса о малютках. Теперь, к величайшему своему удовольствию, вижу, что она хорошо себя чувствует, поскольку собирается нанести вам визит [8]. Что же, дорогой мой, тогда вы обсудите все с нею устно и вы увидите, что́ предстоит делать. Эта возможность повидаться с малютками от вас никогда не уйдет, и согласитесь: во сто раз лучше будет перенести подобного рода личное лишение, чем оставлять малюток подле себя, не имея для этих детей опекунши, которая заменяет им мать, насколько это возможно.

Что же касается вашего пребывания в Швейцарии, то вы правы — теперь я с этим вынужден согласиться. Я не подумал о прежних прецедентах в этой стране по отношению к вам, и так как вы теперь говорите, что из-за воспоминаний подобного рода пребывание здесь было бы вам невероятно тяжело, то лучше и не думать об этом. Но в таком случае я упрекну вас, что вы с самого начала не выставили эту причину, ибо она не допускает возражений; однако согласитесь и с тем, что выставлять сию причину надлежало не мне [9].

Еще продолжает стоять вопрос о Саше, и в этом отношении вы меня не переубедили. Я упорствую в своем мнении, что домашнее воспитание вообще гроша ломаного не стоит, а этому мальчику еще меньше подходит, чем многим другим. Речь идет не о знаниях — я уверен, что с превосходными учителями, которых вы ему нанимаете, он научится даже большему, чем надо,— нет, я хотел бы, с точки зрения развития характера, видеть его среди соревнующихся сверстников и приятелей того же возраста. Напрасно станете вы говорить мне великолепнейшие вещи насчет собаки, генерала, Кинкеля [10] и огромного числа других бритых и бородатых демократов — это не заменит борьбы с равными по возрасту, силе и таланту; ростков личной независимости это не развивает. Именно с характером Саши, в котором исключительная деликатность сочетается с исключительной мягкостью, борьба эта необходима, ее не заменишь друзьями, с которыми видишься из недели в неделю и играешь, словно с собакой. Прошу вас снова обстоятельно обдумать эти соображения — я слишком привязан к этому мальчику, чтобы не возвращаться непрестанно к тому же вопросу.

Очень благодарен вам за услугу, которую вы недавно мне оказали [11], и присовокупляю к этому письму свою признательность, как говорит мой отец,

Für's Leben und Sterben *.

Здесь все идет плохо. Швейцария — христианка. Она получила самую красноречивую пощечину по своей тессинской щеке и вскоре подставит, дабы отомстить за это, невшательскую щеку [12]. Сыновья Телля восхитительны — они долго драли горло (ходячее женевское словечко **), подобно белуге ***, пока снег мешал переходу через С.-Готард,— теперь, когда переход свободен, они молчаливы, словно барсуки в своей берлоге. Они согласятся на все, что Австрия им ни предложит, с сокрушенным сердцем и с чувством благодарности. И заметьте, что относится это к большей части народа, а не только к Федеральному совету.

Тысяча поклонов всем друзьям. От души обнимаю Сашу.

Всецело преданный вам К. Фогт

Женева. 1 апр⟨еля⟩ 53 г.

За русскую типографию браво! [13]

P. S. Перечитав еще раз ваше письмо, я вижу, что вы просите прислать и сундук (Koffer). Но вещь эта находится не у меня — у меня только пистолеты и кое-какие Сашины безделушки, а также пакет с брошюрами [14].

---

* По гроб жизни (*нем.*).

** Во французском подлиннике: ils ont gueulé.— *Ред.*

*** Во французском подлиннике: des baleines, т. е. «китам».— *Ред.*

[1] Ответ на письма Герцена: «страшно длинное» — от начала марта (неизв.) и от 24—25 марта 1853 г. (XXV, 486, 33—36).

[2] Установить личность Негро, приятеля Фогта, не удалось. Пересланная с ним записка к Герцену остается неизвестной. На посещение Негро Герцен отозвался в письме к Фогту от 5 апреля (XXV, 42).

[3] Отзыв Фогта о столице Швейцарии Берне связан с позицией, занятой в конфликте с Австрией Федеральным парламентом и швейцарским правительством. См. конец письма.

[4] В своем письме от 24—25 марта Герцен писал Фогту по поводу оставленных им в Берне у его родителей вещей: «Напишите вашей матушке, что я прошу ее выслать мне наилучшим способом ящик с моими картинами; сам ящик хорош, но все нужно перепаковать ‹. . .› Общее число рисунков должно быть помечено на крышке ‹. . .› Есть еще бумажник с довольно важными документами, но вот вопрос: можно ли его доверить транспортной конторе или почте? ‹. . .› Прошу сообщить, нельзя ли выслать мне мой чемодан и пистолеты, а также прочие нужные и ненужные вещи, оставленные в Женеве ‹. . .› Если все это не слишком дорого, ради бога вышлите».

[5] Вариант немецкой поговорки: «Приправа к блюду нередко обходится дороже самого блюда».— В ответном письме Герцен отдал следующее распоряжение: «Пистолеты могут оставаться в комоде. Остальные вещи также, но мне хочется получить ящик с картинами» (XXV, 43).

[6] Это письмо Фогта относительно портфеля («бумажника») Герцена «с довольно важными документами» и письмами из России (XXV, 35), адресованное публицисту и директору Швейцарского федерального банка Густаву *Фогту* (1829—1901), неизвестно.

[7] В «Былом и думах» Герцен с восхищением рассказывает о санкционированном отцом невесты «гражданском браке» сестры Фогта, Луизы, с австрийским революционером-эмигрантом Гансом *Кудлихом* (1823—1917), видя в этом акте «историческое событие, предвестие революции» (X, 168—169; ср. 42; XXV, 376—377).

[8] Герцен в своем письме сообщал Фогту: «Г-жа Рейхель обещает приехать сюда».

[9] См. XXV, 35.

[10] О Г. Кинкеле см. ниже, в этом же разделе.

[11] Возможно, Герцен послал Фогту взаймы денег.

[12] Вследствие неудачной попытки Дж. Маццини организовать в Милане антиавстрийское восстание в феврале 1853 г. Австрия выступила против Швейцарской конфедерации, обвиняя ее в том, что она на своей территории не препятствовала подготовке к этому восстанию. Выдворив всех тессинцев со своих земель, Австрия подвергла Тессинский кантон герметической изоляции. Несмотря на требования некоторых швейцарских радикалов энергично выступить против Австрии, швейцарское правительство не пошло на открытый конфликт и ограничилось трусливым компромиссом. Невшатель вследствие своего географического положения также являлся постоянным источником пограничных конфликтов и международного шантажа.

[13] В том же не дошедшем до нас письме Герцен известил Фогта о своем намерении организовать в Лондоне Вольную русскую типографию (ср. XII, 62—64).

[14] Ответ Герцена от 5 апреля — XXV, 40—44.

7

К. Фогт — Герцену

‹Женева, 5 июня 1853 г.›

Любезный мой друг!

Надеюсь, что теперь-то вы будете спокойны насчет судьбы своих вещей. Тотчас же после получения последней вашей записки, дошедшей до меня 30 мая [1], я написал своему брату [2], прося его передать вам сведения, о которых вы просили, и поскольку я от него не получил никакого ответа, то смею полагать, что он написал непосредственно вам. Я уже говорил ему то же самое после получения вашего письма от 13-го [3] — предполагаю, что тогда, в разгаре его экзаменов, он об этом деле позабыл.

Считаю, однако, нужным разъяснить другой факт. Это письмо от 13-го, прибывшее сюда 18-го, встретилось на пути с моим письмом, отправленным мною 15-го (а в нем я сообщал вам о приезде г-жи Эммы и о моей недавней встрече с ней [4]). Получили ли вы это письмо? Поскольку вы о нем в своей записке не упоминаете, я почти боюсь, что оно перехвачено или же заблудилось, и это сильно меня огорчило бы, ибо в нем содержится масса более или менее интересных вещей. Полиция в нем, говоря по правде, ничего особенного не обнаружила бы, если бы сунула туда свой нос,— но следовало бы, однако, принять меры, чтобы скрыть от нее в дальнейшем нашу переписку, если к исчезновению этого письма она, действительно, приложила руку. Могу заверить вас, дорогой мой, что большего ущерба она нанести мне не могла — мне всегда приходится преодолевать нечто вроде морального отвращения, когда я собираюсь приняться за письма,— изну-

ЛОНДОН. РИДЖЕНТ-СТРИТ
Гравюра Т. Шеперда, ⟨1850-е гг.⟩
Из альбома: «Views of Mighty London, of its public Buildings, Streets, Parks etc.». London, ⟨1850-е гг.⟩

ренный, как всегда, после целого дня, заполненного маранием бумаги. Так вот, перехватывать письма — это значит вырывать у меня сознание победы над самим собой, победы, одержанной дружбой или необходимостью, и потому я рассматриваю это как преступление против личности.

Очень боюсь, что вскоре мы поплывем вниз по течению вместе с мостом Пенэ и всей лавчонкой Фази. Удары с некоторого времени повторяются поразительно быстро, и бури в этом стакане воды принимают столь едкий характер, что полностью исключают возможность сближения обеих партий, где между радикалами образовался раскол. Я до сих пор полагал, что немцам принадлежит привилегия колоссального упрямства в мелочах, ни к чему не ведущих, разве только к поглощению лучших сил,— теперь же я вижу, что женевцев я не учитывал. Вот куча lullu (местный стиль), злобствующих, гневных, упрямых как мулы, куча Nägelspalter * и Krippenbeisser **. Вот что в данный момент происходит. У города Женевы дефицит — она хочет покрыть его дополнительными сантимами. «Нет,— говорит Фази,— вы покроете его займом».— «Ни за что»,— отвечают муниципалы. Фази признает их бюджет недействительным, не давая каких-либо объяснений; по правде говоря, объяснений у него и не было. Муниципалы все одновременно подают в отставку. Новые выборы. Налогоплательщики по-орлиному надрывают горло — им не по вкусу дополнительные сантимы, падающие им на спину. Но они не хотят и того, чтобы Государственный совет вмешивался в дела Города. Голосование — правительство осталось в дураках — все подавшие в отставку переизбраны: 2000 голосов против 900. Фази призывает к выборам — его осыпают оскорблениями. Он дискутирует с Пьером, Жаком и Жаном: «Вы лжете».— «Это вы лжете». И опять все начинается сначала [5].

---

* гвоздедробителей (*нем.*).

** лошадей с норовом (*нем.*).

Втемяшилось им в голову построить висячий мост через Рону в двух лье отсюда, вблизи Пенэ. Все говорят, что он скверно сконструирован, скверно рассчитан, скверно построен. Проведем испытание! Бац! Все падает в Рону — мост, настил, тросы, 10 000 мешков с песком и около двадцати человек. Ничто не держало: ни фрикционные лежни, ни тросы, ни, по словам экспертов, каменная кладка. Но Фази и его министр общественных работ [6] поклялись, что будет висячий мост, и вот сегодня они предлагают реконструировать этот мост с теми же материалами, с той же каменной кладкой и с тем же инженером, который, по несчастию, слетев кубарем в Рону с десятисаженной высоты, спасся вплавь. Зачем только он не утонул!

Прибавьте к этому всеобщий политический кризис. Никому не известно, куда все это приведет, исключая того, что будет со Швейцарией, ибо каждый желающий видеть замечает, что часть независимости этой крошечной страны отправится ко всем чертям в любом случае, как бы дело ни повернулось. Это очень забавно для наших друзей — быть всегда начеку, ожидая из Вены или из Берлина изгоняющего их hatti-sherif'a *. Нас заполоняют, с одной стороны, попы, с другой — имперские войска. Здесь, где по крайней мере сохранилось еще свободомыслие, можно заметить их ежедневно возрастающий успех. Я рассказывал вам об историях, разыгравшихся со студентами у Дамета и у меня самого [7].

Кстати! Знаете ли вы, что я открыл тайну вертящихся столов? [8] Это религиоскоп. Верующие в бога заставляют столы вертеться — атеистам это никак не удается. Теоскоп вполне возможен — если только в уголке какого-нибудь организма таится божественная частичка, стол указывает на это. Я рекомендую сей факт бдительному вниманию генерала, которого заклинаю не ехать в Австралию по той причине, что его oddish ** система совершенно была бы сокрушена. Вообразите себе, какой переворот произошел бы в теле генерала, если бы негативная и позитивная стороны его боков внезапно переменились местами, перейдя среднюю линию. Изменят ли свое место и желудок, сердце, печень? Что произойдет с питанием, если генерал, который до настоящего времени переваривал пищу позитивным желудком, вдруг примется переваривать ее негативным образом!

Я с головой погрузился, дорогой мой, в свои занятия и труды и вношу необычайное усердие в обучение учащейся молодежи. Бегаю с ними по горам, по оврагам, обламывая камни, скребя песок и мергели, и чем больше внешний гомон гудит вокруг моих ушей, тем глубже, до шеи, надвигаю я свой научный колпак, дабы ничего не слышать. Я обрабатываю сейчас свои ницкие наблюдения и замечаю, что собрал целые горы фактов и наблюдений, которыми придется заниматься, быть может, долгие годы, прежде чем я переведу их в исследования.

Я очень доволен вашими хорошими новостями о Саше и бесконечно рад, что в будущем году увижу этого мальчика. Ибо о нынешнем годе и думать не приходится; эта Женева — улица, страшным образом засасывающая. Рона, текущая под моими окнами, увлекает с собой, как я думаю, все круглые монеты, одну за другой. Что касается этого года — я смиряюсь и проведу свои $3^1/_2$ свободных месяца, в целях экономии, частично в Берне, частично в Оберланде. Дом моего отца стал совсем пустынным с той поры, как сестра моя уехала, и нужно в течение некоторого времени разделять с ним компанию.

Людвиг Симон, находящийся теперь в Монтрё, сильно жалуется на молчание Гартмана [9]. Если вы встречаетесь с сим злополучным человеком, скажите ему об этом, увещевая его дать о себе знать Симону. Сей последний теперь почти выздоровел и ухаживает, в свой черед, за г-жой Гогенемзер, которая довольно серьезно болеет в продолжение месяца с лишним.

Прощайте, дорогой друг, лучшие пожелания всем. Поцелуйте от меня детей.

Ваш К. Фогт

Женева, 5 июня 53 г.

---

* не подлежащего отмене указа турецкого высокопоставленного лица (*англ.*).
** странноватая (*англ.*).

P. S. Рачинский [10], который сейчас здесь, говорит мне, что финансовые предприятия ваших парижских друзей поистине блестящи [11].

[1] Эта записка Герцена неизвестна. Публикуемому письму предшествовало письмо Фогта от 14 мая (*Л* VII, 226—228) и письмо Герцена к нему от 11 апреля (XXV, 48—49).

[2] Вероятно, речь идет об Эмиле *Фогте* (1826—1883), адвокате, профессоре права в Бернском университете, поскольку в письме упоминается «разгар его экзаменов». Письмо его неизвестно.

[3] Это письмо Герцена также неизвестно.

[4] Письмо Фогта к Герцену от 14 мая напечатано в *Л* VII, 226—228.

[5] О постоянных столкновениях президента Женевского кантона Дж. Фази с представителями правящей верхушки см. подробно в статье Герцена «Скуки ради», где он называет Фази «смертной карой женевского патрициата, ее мукой перед гробом, ее позорным столбом, палачом, прозектором и гробокопателем» (XX, 481—488). Фогт пренебрежительно называет в этом же письме женевское правительство «лавчонкой Фази».

[6] Министром общественных работ в это время был государственный советник А. Ф. Жанен.

[7] Клод Мари Анри *Дамет* (1812—1884) — французский революционный публицист, педагог, фурьерист. Герцен и Фогт познакомились с ним, вероятно, в Ницце, где Дамет занимал кафедру преподавателя политической экономии в Коммерческой школе и активно сотрудничал в либерально-оппозиционной газете «Avenir de Nice». В октябре 1852 г. он был выслан из Ниццы и по рекомендации Фогта в 1853 г. занял место профессора политической экономии в женевской Академии. Там он открыто проповедовал социалистические и атеистические учения. Его высказывания о христианстве вызвали сильнейшее недовольство и протесты реакционных кругов Женевы. Сам Фогт тоже пользовался прочно установившейся репутацией материалиста и революционера, вызывавшей ненависть к нему со стороны консерваторов. Две первые лекции Дамета были освистаны студентами, значительная часть которых принадлежала к консервативной буржуазии и старинному протестантскому патриархату. Особенно отличились в этом отношении французские студенты-теологи. Красноречивые подробности обо всем этом см. в письме К. Фогта к Герцену от 14 мая 1853 г. (*Л* VII, 226—228).

[8] В это время в Западной Европе входило в моду «столоверчение» — спиритизм.

[9] О М. Гартмане см. подробно ниже, в этом же разделе.

[10] Вероятно Рогер *Рачинский* (1819—1864) — польский политический эмигрант.

[11] Возможно, что речь идет о П. Ж. Прудоне, который надеялся получить концессию на железную дорогу между своим родным городом Безансоном и Мюлузом.

8

К. Фогт — Герцену

⟨Genève⟩ 14 oct⟨obre⟩53 [1]

Cher ami!

Vous aviez deviné juste en me croyant à Neuhaus lors de votre lettre du 15 août, mais ce que vous n'auriez jamais deviné, c'est que je resterai là sans bouger pendant deux mois et que j'en retournerai à regret et rempli d'idées les unes plus romantiques que les autres. Je n'ai rien fait pendant ces deux mois que barbouiller quelques papiers de mauvaises croûtes, qui n'ont trouvé d'autres admirateurs sincères que Marianne [2] et Gritli [3], et malgré cela je n'ai pas eu le temps de vous répondre. Mais maintenant je saisis la première matinée à Genève pour vous donner signe de vie.

J'ai reçu vos hiéroglyphes à Neuhaus, et j'ai eu tous les embarras du monde avec ces caractères russes, qui m'auraient presque exposé à des querelles de jalousie, si je n'avais pu me justifier par des passages de la lettre d'envoi [4]. La *Revue* ici a parlé de votre imprimerie en publiant l'article de l'*Avenir de Nice* [5]. Quant aux journaux bernois, c'est trop *Mutz* pour s'y intéresser — il n'y a qu'un petit journal français la *Tribune* qui a voulu lui vouer quelques lignes, tirées de la *Nation* [6].

Ici, il n'y a pas de libraires radicaux ni à Berne non plus. Aucun n'a voulu se charger de vos circulaires. Le commis radical de l'un d'eux m'a assuré qu'aucune librairie au delà de Koenigsberg avait des relations directes avec la Russie, sauf une ou deux, naturellement, czaristes, à Leipsic, et que même avec la meilleure volonté du monde il n'auraient pas de chemin aboutissant en Russie. J'ai enfin saisi deux référendaires prussiens, bannis pour opinions radicales dans une petite ville inconnue de la frontière. L'un d'eux a bien voulu prendre un exemplaire — mais pas plus — l'autre n'a pas voulu se compromettre à ce point. Tous les deux m'ont assuré qu'il y avait plus de sévérité que jamais sur la frontière russe vis-à-vis toute espèce d'imp-

rimé — que les anciens canaux conduisant dans l'empire avant 48 étaient rompu et qu'il n'y avait que les Polonais qui disposaient encore de quelques trous. La même chose m'a été confirmée par un ancien éditeur des œuvres de Ruge.

L'article traduit du *Démocrate Polonais* [7] et celui de Linton [8] ne me sont point parvenus.

Vous me parlez encore de l'Amérique [9]. Je suis plus décidé que jamais de rester. Fallmerayer [10] que j'ai vu dernièrement, me donne l'assurance positive que vos compatriotes seront battus par les Turcs [11]. J'ai plus d'espoir que jamais et tout en me remplissant d'admiration pour les Ingraham [12] et les Américains, je ne veux vivre avec eux. Les lettres de mon beau-frère Kudlich et de ma sœur ne font qu'augmenter cette aversion. Ils se disent très heureux — mais la description de ce bonheur m'a fait frémir. Les mœurs et les usages sont plus despotiques en Amérique que les lois en Europe, et j'aime mieux encore les gendarmes policiers en uniformes que les gendarmes moralistes théocratiques en civil. Enfin, et pour vous résumer toutes mes bêtises — je suis réélement amoureux de cette bonne Marianne et je la prendrais sans hésiter si j'avais de quoi m'établir convenablement et si je pouvais lui assurer un avenir [13].

Ici grande agitation. Le réligionisme s'éveille partout. Les prêtres de toutes sortes s'agitent d'une façon inouïe. Articles et brochures catholiques, protestantes, momières [14], jésuitiques pleuvent à l'envie. La position de Fazy paraît critique — on s'attend à des élections fort chaudes et fort débattues en novembre [15]. En attendant on jette des regards pleins d'anxiété sur l'Orient. Une bonne guerre par là donnerait du fil à retordre à l'Autriche et permettrait aux fils de Tell d'être crânes. Mais d'un autre côté cela ferait baisser les fonds et les affaires.

Votre ministère anglais est dégoûtant. Je ne comprends pas comment vous pouvez vivre sous de pareils sires, pires que les conseillers fédéraux. C'est tout dire. Et Palmerston [16] et Aberdeen [17] se valent.

J'ai appris par les journaux le succès du général [18]. Mais comment peut-il priver les Turcs de ses lumières militaires?

Mon père, tout le monde vous saluent de cœur. J'ai pris le rouleau contenant vos lettres de bourgeoisie [19]. Les sacs sont encore à Berne. Ma mère craint que leur contenu ne se détériore, et elle demande s'il ne vaudrait pas mieux de les ouvrir et de vendre les habits et les autres choses inutiles qu'ils peuvent contenir.

Adieu, cher ami. J'embrasse les enfants de tout mon cœur. J'espère vous voir l'année prochaine, car maintenant je suis enfermé pour huit mois — durée des cours et je vais me plonger dans un travail incessant et faire aller les presses scientifiques de l'Allemagne en pondant des livres.

Tout à vous C. V o g t

Перевод:

〈Женева.〉 14 окт〈ября〉 53 г.[1]

Любезный друг!

Вы верно угадали, полагая, что я нахожусь в Нейгаузе, когда отправляли свое письмо от 15 августа; однако чего вы никогда не угадали бы, это что я застряну там без движения на целых два месяца и возвращусь оттуда с сожалением и преисполненный мыслей, одна романтичней другой. В продолжение этих двух месяцев я ничего не делал — только покрывал своим мараньем кое-какие бумажки, и искренними поклонницами их оказались лишь Марианна [2] и Гритли [3] — при всем том на ответ нам я не имел времени. Теперь же я пользуюсь первым проведенным в Женеве утром, чтобы подать вам признак жизни.

Иероглифы ваши я получил в Нейгаузе и столкнулся со всеми мыслимыми трудностями при виде русских букв, которые могли бы превратить меня в жертву ревнивой ссоры, если б только мне не удалось оправдаться кое-какими местами из препроводительного письма [4]. Здешнее «Revue» говорило о вашей типографии, опубликовав статью из «Avenir de Nice» [5]. Что же касается бернских газет, то они слишком Mutz *, чтобы интересоваться этим,— лишь одна французская газетка «Tribune» сочла нужным посвятить ей несколько строк, заимствованных из «Nation» [6].

---

* медведи (*нем.-швейц.*).

Здесь радикальных книжных лавок нет, нет их и в Берне. Заняться вашими циркулярами никто не захотел. Радикальный приказчик одной из лавок заверил меня, что никакая книготорговля до самого Кенигсберга прямых сношений с Россией не имеет, если не считать одной или двух, естественно царистских, в Лейпциге, и что даже с самыми лучшими в мире намерениями они не могли бы найти доступ в Россию. Я поймал под конец двух прусских чиновников, изгнанных за свои радикальные убеждения в какой-то безызвестный пограничный городок. Первый из них соблаговолил взять один экземпляр — но не больше; другой не пожелал и до такой степени себя скомпрометировать. Оба заверили меня, что теперь на русской границе по отношению к разного рода печатной продукции строгости бóльшие, чем когда бы то ни было; что прежние каналы, которые вели в империю до 48 года, прерваны и что только поляки располагают еще несколькими лазами. Это же подтвердил мне бывший издатель произведений Руге.

Статья, переведенная из «Польского демократа» [7], и статья Линтона [8] до меня вовсе не дошли.

Вы еще говорите мне об Америке [9]. Я принял самое твердое за все время решение оставаться здесь. Фальмерайер [10], которого я недавно видел, положительнейшим образом заверяет меня, что соотечественники ваши будут побиты турками [11]. Я больше чем когда-либо преисполнен надежд, и хотя Ингрехэмы [12] и американцы восхищают меня, но жить с ними я не хочу. Письма моего шурина Кудлиха и моей сестры лишь усиливают это отвращение. Они уверяют себя, будто очень счастливы, но описание этого счастья вызывает во мне дрожь. Нравы и обычаи в Америке значительно деспотичней, нежели законы в Европе, и я предпочитаю полицейских жандармов в мундирах теократическим жандармам-моралистам в штатском платье. Наконец, и чтоб вам подытожить все мои глупости, я по-настоящему влюблен в эту славную Марианну и взял бы ее за себя, не раздумывая, если б у меня только были средства надлежащим образом устроиться и если б я мог обеспечить ей благополучное будущее [13].

Здесь страшное волнение. Повсюду пробуждается религиозное движение. Всякого рода священнослужители суетятся самым неслыханным образом. Статьи и брошюры, католические, протестантские, момьерские [14], иезуитские, изливаются дождем — была бы только охота читать их. Положение Фази выглядит критическим — в ноябре ожидаются выборы, чрезвычайно горячие и сильно дебатируемые [15]. Пока же на Восток бросаются взоры, исполненные беспокойства. Порядочная война, явившаяся с той стороны, задала бы Австрии трудную задачу и предоставила бы возможность сыновьям Телля выглядеть неотразимыми смельчаками. Но, с другой стороны, это вызвало бы падение фондовых ценностей и упадок в делах.

Ваше английское министерство отвратительно. Не понимаю, как можете вы жить под властью подобных молодчиков, гораздо более гадких, нежели федеральные советники. Этим все сказано. А Пальмерстон [16] и Абердин [17] стóят друг друга.

Я узнал из газет об успехе генерала [18]. Но как смеет он лишать турок своих военных знаний?

Мой отец, все остальные сердечно приветствуют вас. Я взял сверток, в котором находятся ваши письма о буржуазии [19]. Мешки еще в Берне. Моя мать боится, как бы содержимое их не попортилось, и спрашивает, не лучше ли было б их открыть и продать одежду и прочие бесполезные вещи, которые могут там содержаться.

Прощайте, любезный друг. Целую детей от всей души. Надеюсь увидеть вас в будущем году, ибо теперь я на восемь месяцев заперся — столько времени продлится курс лекций, и я погружусь сейчас в непрерывную работу и пущу в ход научные печатные станки Германии, выжимая книги.

Всецело преданный вам К. Фогт

[1] Ответ на письмо Герцена от 15 августа (XXV, 89—91).
[2] Марианна *Мишель* — дочь бернского радикала Витвера.
[3] Лицо неустановленное.
[4] Герцен послал Фогту вместе с письмом несколько экземпляров объявления «Вольное русское книгопечатание в Лондоне» и воззвания «Юрьев день! Юрьев день!» с просьбой отдать их в бернские и в женевские радикальные книжные магазины для пересылки части из них «еще куда-нибудь». Кроме того, он просил приложить усилия для опубликования нескольких строк об этих материалах в какой-нибудь бернской или женевской газете.
[5] Хроникальная заметка из «Avenir de Nice» от 25 июня об основании Герценом, «русским эмигрантом, хорошо известным в Ницце», типографии в Лондоне. В заметке перепечатано несколько отрывков из воззвания Герцена «Вольное русское книгопечатание в Лондоне» (XII, 62—64).

[6] Заметка «Русская типография в Лондоне», напечатанная в бельгийской газете «Nation» (№ 170 от 19 июня), с краткими биографическими сведениями о Герцене и выдержками из его воззвания «Вольное русское книгопечатание...» (см.: «Лит. наследство», т. 63, с. 795 и 305). Радикальный женевский орган «Tribune Suisse» напечатал сочувственную статью о Герцене и его деятельности в номере от 28 июня.

[7] Открытое письмо Герцена в газету «Demokrata Polski» от 20 мая 1853 г. (XII, 72—79).

[8] Статья В. Линтона (см. о нем выше) «Женитьба доктора Кудлиха» для «English Republic», написанная, по-видимому, со слов Герцена. См. прим. 7. к п. 6 и XXV, 95, 394 и 488.

[9] В своем письме Герцен писал: «Фогт, поезжайте-ка в Америку. Ибо через два года Европа будет молдавизирована и валахизирована» (XXV, 91).

[10] Якоб Филипп *Фальмерайер* (1790—1861) — австрийский революционный эмигрант, историк, писатель, ориенталист. Жил в это время в Швейцарии. Он считался крупным специалистом по Греции и Ближнему Востоку.

[11] Это высказывание связано с предвидением начавшейся вскоре Крымской войны.

[12] Дункан Натаниэл *Ингрехэм* (1802—1891) — американский морской офицер, принимавший участие в нашумевшем дипломатическом конфликте в связи с незаконным арестом (по приказанию американского посла в Константинополе) политического эмигранта венгерского происхождения Коста (так называемое «дело Коста»).

[13] Фогт женился в апреле 1854 г.

[14] *Момьеры* — раскольники-протестанты во французской Швейцарии.

[15] Фогт верно предугадал провал Фази и его сотоварищей на предстоящих выборах.

[16] Генри Джон *Пальмерстон* (1784—1865) — английский реакционный политический деятель; один из подготовителей Крымской войны.

[17] Джордж Гамильтон Гордон лорд *Абердин* (1784—1860) — в это время премьер-министр Великобритании.

[18] Э. Гауг в сентябре получил место начальника экспедиции с большим жалованьем и в ноябре должен был отправиться в Австралию (см. XXV, 118).

[19] Не дошедшее до нас сочинение Герцена. Возможно, что фрагментом его является отрывок «Première lettre» (XII, 463—480; ср. «Лит. наследство», т. 61, с. 95—98).

9

К. Фогт — Герцену

〈Женева, 14 ноября 1853 г.〉

Любезный друг!

Совсем не знаю, что за почтовая ярость овладела вами. Ваше письмо от 18-го дошло до меня вместе с печатным листком, который я отдал Фази для журнала [1], и со статьей о женитьбе Кудлиха [2] — ее я отправил своему отцу. Произведя обследование русских иероглифов, полученных в Нейгаузе, я нашел там и статью на английском языке, которую приказал отправить вместе с иероглифами на русскую границу в Шлохау,— новостей об интересном путешественнике, который занялся этим делом, у меня нет. Паспорта Гаугу я не послал, потому что вы мне специально говорите об отправлении на его личный адрес, а у меня этого адреса нет. Поэтому прилагаю теперь этот паспорт — его достаточно, чтобы доказать остроготам * Австралии, что генерал — великий человек. Но до сегодняшнего дня написать вам не было возможности, дорогой мой, ибо никогда ни один человек, кроме меня, в течение целого месяца не был так перегружен, неделя за неделей. Горы работы, курсы лекций, «Физиологические письма» и дьявольский шум — я буквально пригвожден был с 7 часов утра до полуночи к своему столу и свободно вздыхаю лишь сегодня, в начале подготовки предвыборной борьбы. Она проходит с яростным пылом и ожесточенными спорами; всё в движении; распространители тревожных вестей говорят, будто четверо из убийц Росси [3] посланы сюда Маццини, дабы поразить Фази кинжалом [4]. Другие утверждают, будто Фази навербовал бунтовщиков, чтобы взорвать древнюю Женеву.

Посылаю еще два запечатанных письма с просьбой зафранкировать их и сдать на почту. Речь идет о том, чтобы сбить со следа интригу, я смогу рассказать вам о ней, когда удар будет нанесен. До того это представляло бы опасность для человека, в сем деле участвующего.

Клапка [5] отправился в Константинополь месяц тому назад с другим венгром, который, прожив долгое время на Востоке, говорит на всех языках и должен был

* Здесь: варварам. — *Ред.*

служить ему толмачом. Чтобы не быть обнаруженными, они выбрали себе разные пути. К⟨лапка⟩ отправился через Марсель, другой — через Геную. Там он должен был получить при посредничестве одного геолога — итальянского заговорщика — паспорт. Получает его, отправляется на пароход, там его арестовывают под предлогом, что он Клапка, держат его в тюрьме, привозят в Турин и, наконец, в Швейцарию. Может ли быть что-нибудь глупей и наглей, чем пьемонтская полиция?

Семья Гогенемзер выехала с Л. Симоном и Герриери. Что до меня, то я еще до Нового года нахожусь под арестом: по несчастию, я обещал сдать рукопись, не приняв в расчет Нейгауз.

Прощайте, любезный друг. Много добрых пожеланий всем, и особенно детям. Саше напишу в другой раз, теперь же я прилагаю для него только песню.

Всецело преданный вам К. Ф о г т

Женева, 14 нояб⟨ря⟩ 53 г.

Я уже отвечал по поводу портфеля Головина. Фази о нем ничего не знает, и снова начать с ним по этому поводу разговор невозможно. Думаю, что это галлюцинация Головина, который говорит себе: «Раз Герцен в Женеве имел портфель, то почему бы и мне не иметь его там же?» Тем более что он считает себя достойным всех существующих во всем мире портфелей.

[1] Это письмо Герцена неизвестно. О каком «печатном листке», предназначенном для журнала «Revue de Genève», который редактировался Дж. Фази, здесь идет речь, не установлено.

[2] Статья В. Линтона, о которой см. прим. 8 к п. 8.

[3] Пелегрино Луиджи *Росси* (1787—1848) — итальянский государственный деятель, премьер-министр папской курии, был убит террористом 15 ноября 1848 г. в Риме.

[4] Маццини и Фази находились во враждебных отношениях, и в 1854 г. между ними происходила публичная полемика. Маццини критиковал женевскую государственную политику по отношению к эмигрантам, тогда как Фази обвинял его в компрометировании революционного и национального дела разного рода недостойными действиями.

[5] Дьердь *Клапка* (1820—1892) — генерал и военный министр во время венгерской революции 1848—1849 гг.; эмигрировал в Женеву, приняв швейцарское гражданство. Впоследствии Герцен неоднократно встречался с ним в Лондоне.

10

К. Фогт — Герцену

⟨Сутерр. 1 марта 1854 г.⟩

Любезный друг!

Очень давно не находил я досуга, чтобы писать вам, и еще теперь я до такой степени осажден работой, что не знаю, за что и взяться. Женева начинала меня несколько тяготить, и, чтобы спастись от деморализации, которой я стал поддаваться, подобно моим опустившимся друзьям, я одним махом разбил свою палатку за городом. Представился случай, я схватил его за волосы, и, несмотря на сильный холод, ужасающую бизу [1] и замерзшую Рону, я переехал. Теперь я устроился хорошо — лучшего места мне бы не найти. Майор-сын [2] и Дюшозаль купили себе дачный участок Сутерр на правом берегу Роны; он состоит из полоски земли, которая протянулась под крутыми скалами, обрамляющими Рону до самого ее слияния с Арвой. Это достаточно близко от города, чтобы не мешать мне исполнять свою должность, и достаточно удалено, чтобы держать вдалеке от меня надоед. Вид великолепный — Рона на переднем плане; город — подальше, и как фон все горы, находящиеся между истечением Роны и Вуароном, Салевом, Монбланом, Молем и всей долиной Сикста. Дом защищен от бизы и повернут к югу таким образом, что я затоплен светом. Прежде я испытывал настоящую Sehnsucht * по солнцу — теперь я вбираю его в себя всеми порами. Дом обширен: шесть комнат, которые нам предстоит поделить между собой — моему секретарю и другу Валотту [3] и мне со служанкой на все руки, но которой поручено только хозяйство.

* тоску (*нем.*).

Плачу́ я за дом 800 фр. в год; столько же платил я в городе за свои две комнаты и за комнату Валотта. До сих пор не могу нарадоваться на свое решение; быть может, неудобства возникнут позднее, пока же я их совсем не почувствовал.

Дела здесь идут скверно, и я очень боюсь, что пойдут они еще хуже. Правительство Фази, даже когда оно было правительством, имело в себе, однако, ту хорошую сторону, что оно сдерживало религиозный фанатизм в его излишествах — с той и другой стороны. Со времени падения тирана [4] интриги возобновились с беспримерным пылом. Шевранское дело — пример этому. Вы, вероятно, кое-что читали об этой истории — в сущности, это история некоего субъекта, который вечно торчит перед вами и смотрит вам в лицо. Вы просите его отодвинуться, он ни с места — после тщетных попыток заставить его отойти, вы отвешиваете ему пощечину, чтобы научить его жить,— тогда сей субъект кричит: «Караул! Режут!» Тут набегают его друзья и избивают вас до полусмерти. Вот вам протестантский священнослужитель, собирающийся заняться пропагандой, той утрированной, осточертевшей, назойливой пропагандой, на которую способны только мракобесы. Жители здешних мест — все без исключения католики — набрасываются на них — на него и на верующих, приведенных им издалека; их избивают, после чего очищают зал. В следующее воскресенье собираются две шайки и с барабанами во главе, с заряженными ружьями и патронами в ранцах совершают вторжение в более чем изумленную деревню. Священник читает проповедь среди частокола из штыков и сабель — и таким-то образом спасли религию наших предков и всевышнего, подвергавшегося опасной угрозе. Под конец глупость эта завоевывает себе с каждым днем все больше пространства, и если вышеописанное еще продлится, то вы увидите вещи, достойные Кальвина и Сервета, в сем оплоте истинного христианства [5].

Оборот, который принимают дела в Швейцарии, также почти не внушает мне доверия. Радикальная партия сходит на нет; университет был последней картой, которой она могла сыграть, и проиграла ее [6]. Вы скажете мне, что беда невелика,— однако я не вижу, кто мог бы ее заменить, кроме иезуитов и аристократов, которых опрокинет лишь новая борьба, а она себя заставит долго ждать. Ни у кого нет ни энергии, ни материала для лучшего — нигде я не вижу появления чего-либо, дающего хоть малейшую надежду. Колеблются между миром и войной, между войной и миром, как человек, страдающий морской болезнью; испытываешь глубокое недомогание от этого положения и нигде не находишь и малейшей жилки, способной возмутиться и привести к сопротивлению. Кое-кто надеялся, что Австрия станет бок-о-бок с Россией — это, без сомнения, вновь разожгло бы континентальную войну и восстания в Италии, Венгрии, Польше; по-видимому, и эта надежда должна исчезнуть. Австрия будет ждать, какой стороной упадут игральные кости, чтобы собрать свою часть выигрыша. Боюсь, что Россия в конце концов победоносно выйдет из борьбы,— скажу более, что император Николай выйдет из нее победителем: он имеет за себя общность действий и религиозный фанатизм — две единственные силы, ныне действенные в мире.

Пока же мы наводнены шпионами, агентами-подстрекателями, шпиками и одураченными. Во множестве фабрикуются заговоры, и всюду и всячески стараются втянуть в грязную историю бедняков эмигрантов. Если бы вы могли узнать что-нибудь о некоем Шервале, который был обличен Марксом как агент-подстрекатель и долгое время жил в Лондоне, вы оказали бы мне услугу. У меня есть основания подозревать, что субъект этот прячется здесь под фальшивым именем и занимается своим ремеслом заговорщика. Если не ошибаюсь, именно им создано здесь тайное общество, мышеловка для немецкой и французской полиций [7].

2 марта

Только я дошел до этого места, как мне принесли ваше письмо [8] с аугсбургской газетой, в которой уже подробно изложена новость об обеде — в сопровождении комментариев, весьма нелестных для гостей, что, впрочем, вполне понят-

но [9]. Мне совсем ничего не известно о Фрибурге [10]; правительство там держится, но с трудом. Падение Фази — дурное предзнаменование для этих бедняг, которые еженощно спят с карабином в руке в ожидании иезуитских банд и не могут дать удовлетворения всем, несмотря на наилучшие в мире намерения. Через кантон собираются провести железную дорогу; Государственный совет объявляет, что к линии, предложенной компанией, он относится благосклонно; и вот жители Морà, оказавшиеся вне трассы, бросают свои ружья и объявляют, что они против системы, которую до сих пор поддерживали. Управляйте же подобными увальнями, каждый из которых хотел бы иметь по железнодорожной платформе в своем доме! [11]

Из нескольких слов вашего письма я вижу, что вы питаете самые сладостные надежды. Желаю их исполнения — но не вижу тех золотистых лучей, которые возвещают зарю свободы. Страстно желаю ошибиться — я каждый день стараюсь убедить себя, что наступят лучшие времена, и против воли чувствую, как качается моя голова в знак отрицания. Вы уже замечаете сами, что Англия спускается с того пьедестала, на который вам хотелось ее поставить в начале своего пребывания там,— вы увидите чудовищные вещи в тот момент, когда Австрия метнет свое копье в Россию. Именно тогда Джон Булль раздавит своей тяжелой лапой всех тех гостей, с которыми вы обедали, и скует новые цепи для Италии, Венгрии — словом, для всех стран, находящихся под ярмом своего союзника. Я ненавижу эту Австрию, и чем дольше, тем более,— с той поры, как она объявила, что выступает против России, ибо она губит все то хорошее, что мог бы дать этот порыв, устремленный против Николая.

Не думаю, что смогу двинуться в этом году. Die Zeiten sind schlecht, und das Geld ist rar *. Сделаю все возможное, чтобы съездить в Париж и особенно в Лондон, по меньшей мере, если канал не станет опасным из-за русских крейсеров, но сомневаюсь, однако, смогу ли туда добраться.

Прощайте, любезный друг. Поцелуйте от меня детей, вашего *большого* мальчика и вашу маленькую Тату, которая проявляет себя совсем еще ребенком, так как захворала коклюшем. Почему же генерал не едет в Турцию? Мне так приятно было бы видеть, как он сражается и заполняет газеты своими лаврами. Мои бернские родственники благополучны.

Сердечно ваш К. Фогт

Деревня Сутерр в Сен-Жане, близ Женевы

[1] *Биза* — северный ветер, часто дующий в Женеве.

[2] Франсуа Исаак *Майор* (1818—1899) — доктор хирургии; с 1848 г.— профессор анатомии и физиологии в женевской Академии. Он являлся депутатом от радикальной партии. У него в 1860-х годах лечился Огарев.

[3] *Валотт* — товарищ Фогта, с которым он вместе учился в Гисенском университете. Валотт в течение многих лет служил у Фогта в качестве секретаря и лаборанта.

[4] Шутливое прозвище Дж. Фази.

[5] Будучи убежденным атеистом, Дж. Фази в своей борьбе против протестантов-консерваторов, главным образом выходцев из старинного патрициата, опирался на католиков, людей из народа — учителей деревенских общин, присоединенных к территории Женевы в 1815 г., рабочих и предпринимателей из соседних районов, так же как на владельцев и рабочих так называемой «фабрики», т. е. часовых и ювелирных мастерских (они по большей части были протестантами). Политике этой не всегда легко было следовать, и порой она вызывала недовольство радикалов, которые нередко осуждали уступки, делаемые католической церкви, и ту парадоксальную ситуацию, когда священники заставляли свою паству голосовать за атеистов-радикалов. По этой причине новое правительство приняло ряд мер противоположного характера. Этим и вызваны были излагаемые Фогтом события — результат попытки протестантов восстановить свое вероисповедание в деревнях Аньер и Шевран, в нескольких километрах от Женевы.

[6] Конституция 1848 г. предусматривала создание общешвейцарского университета. Однако этот проект, предложенный Федеральной палатой, натолкнулся на упорную оппозицию соперничающих кантональных, языковых и вероисповедных групп. В конце концов было принято решение создать в Цюрихе Федеральный политехникум, к которому прибавлено было нечто вроде политико-литературного факультета.

[7] *И. Кремер* (*Ж. Шерваль*) — провокатор, проникший в Союз коммунистов и возглавивший одну из парижских общин; в 1853 г. прибыл в Женеву под именем Ньюджент (Ню-

* Времена плохи, а деньги редки (*нем.*).

жан) для продолжения провокационной деятельности. Способный литограф, он выполнял работы для профессоров Академии, в том числе Фогта. В то же время он проник в немецкий союз рабочих — Arbeiterbildungsverein, общался с эмигрантами и сумел сколотить группу из нескольких эмигрантов для печатания фальшивых банковых билетов, чтобы, как он объяснял, разорить кредитную систему государств и развязать революцию. Охваченный подозрениями, И. Ф. Беккер, по-видимому, разоблачил его и пустил в обращение экземпляр брошюры К. Маркса «Enthüllungen über den Kommunisten-Prozess zu Köln» (Соч., т. 8, с. 423—491), обличавшей роль Шерваля. С другой стороны, А. Лейа, французский республиканец, приглашенный Фази для преподавания римского права в Академии, формально опознал Шерваля, чьим адвокатом он некогда был в Париже. Провокатор был изгнан из Женевского кантона начальником Департамента юстиции и полиции Кастольди. Вскоре он появился в Париже под своей фамилией Кремер. Маркс, узнав об этом от одного из своих парижских корреспондентов, сообщал Ф. Энгельсу 26 августа 1854 г., что Шерваль в Швейцарии «делал гравюры для г-на Фогта и пользовался его особым покровительством» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 28, с. 326). Впоследствии, в 1859 г., в своей брошюре «Mein Prozess gegen die «Allgemeine Zeitung» Фогт пытался уверить общественность, будто Шерваль поддерживал отношения с «кликой Маркса». В ответе Маркса «Herr Vogt» целая глава посвящена Шервалю и его отношениям с Фогтом (т. 14, с. 428—437). Ответы Герцена на письма Фогта до нас не дошли, и неизвестно, какие разъяснения он дал по поводу Шерваля.

[8] Это письмо Герцена остается неизвестным.

[9] Речь идет о банкете, устроенном в Лондоне американским консулом Дж. Сондерсом (Соундерсом) 21 февраля. Герцен охарактеризовал этот банкет, на который был приглашен, как «дипломатический обед врагам всех существующих правительств». На банкете присутствовали Ворцель, Гарибальди, Кошут, Ледрю-Роллен, Маццини, Пульский и др. На нем Герцен познакомился с Гарибальди. Подробно об этом рассказывается в «Былом и думах» (XI, 160—166, 260; ср. XXV, 158—159).

[10] Вероятно, Герцен осведомлялся у Фогта о политическом положении своей «новой родины», Фрибургского кантона, после выборов.

[11] Для железнодорожной линии Женева — Берн были намечены две трассы: одна — через долину Бруа и город Морà, минующая город Фрибург; другая — через Орон, Ромон и Фрибург. По традиции Мора, в котором издавна проживает фрибургское протестантское меньшинство, являлся бастионом радикалов.

11

К. Фогт — Герцену

⟨Сутерр. 13 июня 1854 г.⟩ [1]

Любезный друг!

Не могу сказать вам ничего, что утешило бы вас в ваших политических бедах, кроме старинной поговорки: «Везде, как у нас». Нападки «Leader'а» вас огорчают, позиция так называемых социалистических газет вызывает в вас досаду? [2] Читайте «Nation», читайте, если хотите, «Démocratie de Genève», «Tribune Suisse» — повсюду распространяется как бы один и тот же лозунг, отвращающий от войны с царем, дабы направить озлобление партий на воюющих, и в особенности на Луи Наполеона. Неужели ненависть против одной этой личности до такой степени ослепляет или же в самом деле существует подпольная Европа, как уверяет Фази,— мне это неизвестно, но неужели по-прежнему будут подвергаться нападкам те, которые скажут: «Оставим в стороне все остальные точки зрения и прежде всего сосредоточим все силы на войне с царем». Вы проповедуете эту войну — на вас набрасываются. Вы хотите в первую очередь сокрушить русский деспотизм как главный оплот других европейских деспотизмов: «Bildstürmer'ы» *, которые прежде всего хотят уничтожить недолговечные орнаменты, быть может имеющиеся в других странах, питают против вас злобу и на вас нападают. Правда, что и они объявляют себя врагами царизма,— но, привыкшие трубить в рог на поверхности земли, они не хотят забираться в недра, чтоб обрубать корни, и тем самым поддерживают вследствие глупости или явной злости дело самого царя.

Но это мелочи пред лицом надвигающихся крупных событий. Все запутывается прямо на глазах. Л⟨уи⟩ Н⟨аполеон⟩ уже исподтишка заигрывает с революционной партией, Австрия вот-вот сбежит наутек, и если только все державы не отступят, в равной мере «begossen» **, то в будущем году произойдет одна из тех всеобщих стычек, которые взбудоражат весь мир. Предполагаю, что увижу, как австрийцы притворятся, будто затевают войну с Россией, чтобы затем повернуть

* «иконоборцы» (*нем.*).

** Здесь: «обданные» (*нем.*).

РАТАПУЛЬ ЗАИГРЫВАЕТ С РЕСПУБЛИКОЙ

Литография О. Домье

Ратапуль — один из постоянных персонажей карикатур Домье, олицетворяющий тип бонапартистского агента

«Charivari», 25 сентября 1851 г.

вспять и сколотить австро-прусско-русский союз против Франции и Англии. Найдется Бронзель [3] в Трансильвании или в Буковине, если только окажется возможным снова разыграть ту же комедию с этими нецивилизованными народами, совсем не знающими, что умение подчиняться — главное украшение образованного человека *.

Мне в последнее время было отдано несколько визитов, не лишенных для вас кое-какого интереса. И прежде всего — семья Шроппов, прибывшая из Ниццы и оставшаяся все столь же шропповской, как прежде [4]. Мадам мерзнет и отчаивается. Муженек кашляет и мажет картины, а сын по-прежнему шлет приветы Александру с тем же берлинским чистосердечием, которое для него характерно. Так вот, представьте себе, что г-жа Э⟨мма⟩[5] вынуждена была под конец заняться в Ницце поисками лиц, готовых дать ей взаймы, — что̀ ей не удалось — и принялась повествовать им свои истории, которые привели лишь к тому, что она еще глубже села на мель,— семья Шроппов, которой известны одни лишь низменные побуждения общества, увидела в этом не что иное, как сигнальный огонь, и поняла под конец, что муженек — жулик и мошенник, а м⟨ада⟩м — его соучастница. Семья Шроппов еще здесь, и я постараюсь узнать все остальное.

Потом появился бреславльский Генрих Симон, приехавший из Цюриха [6]. «Allgemein angespieen!» ** — ответил он мне с жестом отвращения, когда я осведомился у него об этой парочке. Никто с ними не хочет знаться, общество их ограничивается двумя личностями: Вилле и Вагнером. Вилле тайком приходит выпить с муженьком; у себя на даче он их совсем не принимает. Вагнер принимает их лишь в те дни, когда у него нет гостей, так как ему объявлено было, что с ним вынуждены будут навсегда распрощаться, если он станет продолжать эти отношения.

Очень огорчен тем, что английский климат столь мало подходит вашим детям. Лето возвратит им здоровье, но не знаю, принесет ли им еще пользу английская зима. Во всяком случае, не вздумайте только переменить Англию на Америку.

---

* В автографе следующие два абзаца Герценом обведены кружком.— *Ред.*

** «Всеми оплеваны!» (*нем.*).

Сообщения моей сестры из Нью-Йорка не слишком-то радуют. Внезапные перемены ледяного холода на удушающую жару, тучи москитов, наконец, столько всевозможных неприятностей, что моя сестра воспевает теперь постоянство швейцарского климата и мягкость бернских широт.

Что до меня, то я веду самую мирную и спокойную жизнь, какую только можно себе вообразить, и пропускаю мимо себя политические и прочие тучи с полнейшим бесстрастием. Дело совсем не в том, что нет причин для недовольства,— наоборот, но я стараюсь бороться с впечатлениями от них. Политические дела во всей Швейцарии находятся в скучнейшей фазе. Блёш и Штемпфли обнимаются в Берне и клянутся принести в жертву на алтарь отечества ненависть партий. Тщетно спрашивал я у своих бернских друзей, что́ они воображают под словом «примирение» и какой союз мог бы быть между диаметрально противоположными принципами,— они отвечают мне: «Примирение» — и верят, будто нашли там shibboleth *, предотвращающий неудобства сего положения [7].

Здесь ничтожнейшие пустяки принимают баснословные политические пропорции, которые приводят в волнение женевский стакан воды больше, чем все победы Непиров [8] и С.-Арно [9] могли бы сделать это. Собираются построить железнодорожный вокзал на сто шагов левее или правее: глубочайший раздор между всеми партиями, и статьи, и интерпелляции, и бесконечные речи. Вопрос европейский и даже всемирного значения! Предстоит назначить хранителя музея с жалованьем в 1800 франков в год — общество взволновано сверху донизу — все трубачи заняты агитацией,— визиты, речи, статьи изливаются дождем,— и под конец все сходятся на том, что вопрос этот чисто политический и что поскольку взоры всей Европы сосредоточены на Женеве, то следует остерегаться выбора, который не соответствовал бы мнению большей части господствующей ныне коалиции. Фази во всем этом барахтался не без сладострастия — ныне же он питает к этому глубокое отвращение. Теперь он меня усердно обрабатывает, чтобы заставить поехать на его место в Берн, в Государственный совет, но я с большой твердостью продолжаю сопротивляться, не желая вмешиваться в эти пустяковые дела.

В ближайшее время я пошлю вам свидетельство о натурализации, если вы определенно этого хотите. Пока же я взял его к себе на хранение и почти уверен, что вы сделали бы лучше, оставив его здесь,— ибо если вам что-нибудь понадобилось бы за границей, то вам достаточно было бы лишь простой Heimathschein ** или паспорта, тогда как если произойдет что-либо, требующее опоры, *в общине или же у фрибургских властей*, на подлинные документы, то они оказались бы здесь под рукой. Но раз вы настаиваете — что может быть проще, чем выслать их вам?

Ваш проект отправиться в С.-Петербург меня очень забавляет [10]. Я уверен, что идея эта родилась в наполовину онорвеженном и ошвецизированном мозгу дорогого полковника [11], который хотел бы отправить вас при помощи этой приманки в Христианию, Стокгольм и другие более или менее северные края. «Kolonel Spiegelberg, ich kenne dir!» [12] Подождите же спокойно, пока Непир возьмет Кронштадт и форсирует вход в залив, и лишь тогда возобновите этот проект. Получив соответствующее телеграфное известие, вы сможете через неделю оказаться в С.-Петербурге без риска провести зиму в Христиании или в Стокгольме, что, конечно, случится, если вы пуститесь в дорогу теперь. Не видели ли вы в «Fliegende Blätter» карикатуру, названную «Fechtende Karlchen»? *** Непир в качестве Handwerksbursch **** с обросшей физиономией останавливается перед плакатом, вывешенным у входа в Финский залив. На плакате написано: «Das Fechten und Betteln ist bei Strafe verboten»**** *. В глубине — жандарм и Кронштадт. Я полагаю, что для сочинения речи у вас будет достаточно времени и ее еще при-

* тайный пароль (*англ.*).
** метрики (*нем.*).
*** «Сражающийся Карлуша» (*нем.*).
**** подмастерья (*нем.*).
***** «Сражаться и просить милостыню запрещается под угрозой штрафа» (*нем.*).

дется подержать некоторое время в сухом месте — а то до употребления ее в дело на ней может появиться плесень.

Прощайте, любезный друг. Поцелуйте за меня детей и передайте привет друзьям. Марианна от души приветствует вас.

Всецело преданный вам К. Фогт

Сутерр в С.-Жане, близ Женевы,
13 июня 1854 г.

[1] Ответ на неизвестное письмо Герцена.

[2] В № 213 лондонской газеты «Leader» от 22 апреля была напечатана статья с нападками на сочинение Герцена «La Russie et le vieux monde», написанное в виде серии открытых писем к В. Линтону и опубликованное в «English Republic» и — по-французски — в «Homme» и отдельной брошюрой. В этой статье без подписи Герцен обвинялся в проповеди панславизма; в ней содержался даже намек на то, что письма к Линтону «написаны по наущению русской полиции» (см. XXV, 173, 175—177; *Л* VIII, 561—562). В газете «Morning Advertiser» от 24 апреля появилась и другая статья по этому поводу, также упрекавшая Герцена в панславизме (см. XI, 415; XXV, 173).

[3] *Бронзель* — деревня близ Фульды, где 8 ноября 1850 г. произошла перестрелка между прусскими и австрийскими войсками; она явилась поводом для крупных политических событий, связанных с продолжительным конфликтом между Пруссией и Австрией; он закончился через две недели подписанием Ольмюцкого договора (по которому Пруссия вынуждена была принять все австрийские требования).

[4] Личности неустановленные. В подлиннике игра слов: глагол «schröpfen» по-немецки означает «пускать кровь». Ср. *ААН*, 137.

[5] Эмма Гервег.

[6] Август Генрих *Симон* (из Бреславля; 1805—1860) — участник революции 1848—1849 гг.; президент Франкфуртского парламента; вместе с Фогтом был избран регентом империи. После эмиграции в Швейцарию он обосновался в Цюрихе.

[7] Эдуард Эуген *Блёш* (1807—1866) — глава бернской партии консерваторов; Якоб *Штемпфли* (1820—1879) — глава бернской радикальной партии. Радикальный режим был ниспровергнут в Берне после выборов 1850 г., что в политической жизни Швейцарии означало сильный поворот вправо. В мае 1854 г. Штемпфли и радикалы сблизились с консерваторами и разделили между собой власть; именно это и названо было «слиянием» или «примирением». Аналогичная тенденция проявилась и в других кантонах.

[8] Чарлз *Непир* (1786—1860) — знаменитый английский адмирал, назначенный в 1854 г., во время Крымской войны, командиром Балтийского флота. Он похвалялся возможностью легко овладеть Кронштадтом, но вскоре убедился, что это нереально.

[9] Арман Жак де *Сент-Арно* (1801—1854) — один из главных участников переворота во Франции 2 декабря 1851 г., военный министр и с 12 марта 1854 г.— начальник Восточной экспедиции; вскоре тяжело заболел и вынужден был ее покинуть.

[10] 25 мая Герцен полушутливо писал Л. Пьянчани в связи с проникновением в Финский залив эскадры Непира: «Я уже подумываю съездить в Петербург, как только город будет взят Непиром, и созвать митинг на Исаакиевской площади» (XXV, 179). Нечто в этом роде он, вероятно, писал и Фогту, который принял эти строки почти всерьез.

[11] Фогт имеет в виду В. А. Энгельсона, женатого на шведке.

[12] «*Spiegelberg, ich kenne dir!*» («Я знаю тебя, Шпигельберг!») — выражение из «Разбойников» Шиллера (действие II, сцена 3), реплика Карла Моора. «Kolonel» («Полковник», *нем.*) — прозвище В. А. Энгельсона.

12

К. Фогт — Герцену

⟨Сутерр. 26 июля 1854 г.⟩

Любезный друг!

Я смогу начать почти так же, как вы: «Наконец-то мы немного оправились от терзаний», и т. п. Письмо ваше [1] прибыло на следующий день после рождения моего сына [2], которому взбрело в голову появиться на свет в воскресенье 9 июля днем, между полуднем и часом,— значит, это Sonntagskind * в полном смысле этого слова. Вы вправе думать, что, несмотря на благоприятные обстоятельства, которыми все это до сих пор сопровождалось, я больше, нежели когда-либо ранее, увяз в супружеских обязанностях и, не желая передоверять свои попечения о жене и ребенке глупым предрассудкам нескольких повивальных бабок, я почти

* воскресное дитя, «счастливчик» (*нем.*).

все время был полностью занят. Прибавьте к этому присутствие моей матери, которая приехала помогать Марианне и пестовать ребенка, и к этим обязанностям, чудесно ею исполняемым, она прибавляет лихорадочную, я сказал бы — почти бессмысленную, активность, активность шумную и находящуюся в полном противоречии с нашими принципами — принципами людей, желающих волнений во внешнем мире и покоя в доме. У Декарта должна была быть подобная мать, раз он изобрел теорию вихрей. И вот в течение двух недель подряд голова моя не принадлежала мне ни на секунду — даже во сне я видел щетки, губки, которые преследовали меня так же, как преследовали в течение дня. Вообразите себе дом, изрыгающий из всех своих отверстий струи воды, облака водяного пара, вихри пыли, в которых вы только и слышите с четырех часов утра, что бряцание ступок, звон тарелок, пересуды прачек, шуршание щеток и половых тряпок,— тогда-то вы получите представление о моей загородной жизни в течение двух недель среди домашних развлечений, которым предалась моя мать. Так вот, любезный друг, писать трудно, когда присесть удается лишь на деревянное ведро, до краев заполненное мыльным раствором. Мой бедный мальчуган должен себя чувствовать, как «Wälgerholz beim Küchenbacken» * — настолько его крутят и вертят по двадцать раз в день, дабы рассмотреть его пупок и его задок, что не мешает ему расти и процветать. Следует, однако, сказать, что он документирует свою деятельность как истинный демок⟨рат⟩-соц⟨иалист⟩ — темно-красным цветом той части тела, которая у благородных немцев свидетельствует о подлинно аристократическом происхождении.

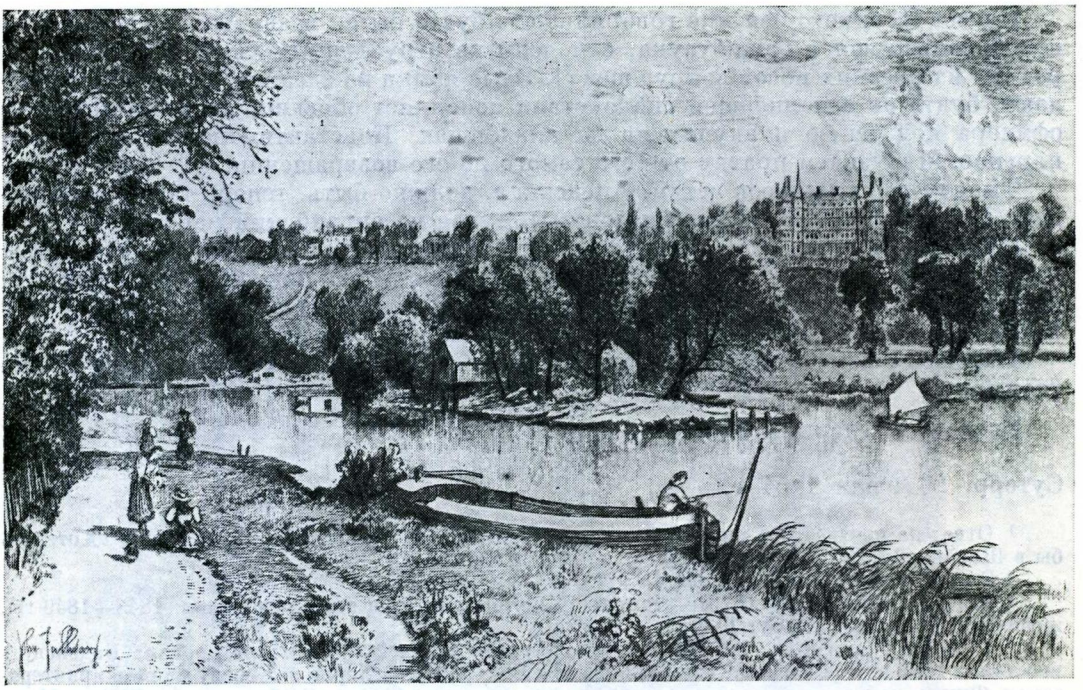
Я обратился по вашим книготорговым делам в иностранную книготорговлю Лауфер и К°, управляемую эмигрантом по имени Брасс [3]. Они напишут непосредственно к вам, если захотят войти в это дело. Здесь у нас очень мало русских — все они на минеральных водах и в столицах Германии, особенно в Штутгарте. Написав Г. Финку, литератору (вы, без сомнения, знаете этого интересного экс-эмигранта, известного также под именем Остяк) [4], или же в книжную торговлю *Карла Гёпеля* (издателя сочинений Дитцеля [5]), вы смогли бы узнать, возможно ли завести склад в самом Штутгарте.

Что касается внешних событий, то я только пробегаю приносимые мне газеты, и ни бернский «Bund», ни «Frankfurter Zeitung» не говорили о ваших отношениях с кельнской газетой, которая неизвестна в Женеве [6]. Но что, как мне кажется, явно и несомненно проистекает из всей этой ситуации, это что правительства, как западные, так и восточные, весьма неохотно выступают против царя; что отдан приказ — ничего не предпринимать, прежде чем не выступит Австрия, и что Австрия выступит лишь после гарантий, что царизм не будет чрезмерно унижен. Все это кажется мне очевидным, но полагаю, однако, что события увлекут их за пределы гарантий.

Несмотря на все это, я считаю первым условием для шага вперед — чтобы русские были побиты... Тщетно будете вы восхвалять мне все великолепные достоинства русского народа, это не мешает России быть самой прочной опорой абсолютизма в Европе. Сделано ли это будет с Австрией или против Австрии, для меня на первое время совершенно не имеет значения; я буду даже рассматривать как счастье кооперирование всех Германий, Пруссии, Австрии и пр. против России. Хочу сказать вам, почему. Свою надежду на возрождение русского народа вы можете обосновывать лишь имея в виду его дикую энергию, которую вы начисто отрицаете в нас, людях цивилизованных. Пусть так, но прежде всего скажите любезность отсечь поляков, в самом деле, если я должен переродиться при помощи этих грязнуль, то предпочитаю лучше загнивать вместе со своей выродившейся цивилизацией. Куда ни шло в отношении русских, поскольку вы этого хотите,— но, во всяком случае, эта возрождающая энергия проявится лишь после ослабления ⟨России⟩, поскольку до сих пор, в апогее своего могущества, она проявляла себя лишь как развратительница...

---

* «скалка для теста» (*нем.*).



РИЧМОНД В ОКРЕСТНОСТЯХ ЛОНДОНА
Гравюра с рисунка Дж. Фулвуда
Из книги: R. Garnett. Richmond on the Thames. London, 1896

«Очень рад тому, что вы, наконец, сбежали из Лондона, чтобы пожить сельской жизнью в Ричмонде» (К. Фогт — Герцену, 26 июля 1854 г.).

Что же касается меня, то я не верю в какое-либо возрождение, так же как в народы, специально для этого созданные,— я полагаю, что эта вера у вас — еще остаток философско-теологического воспитания, и прошу Энгельсона приложить все силы, дабы искоренить в вас этот остаток мистической веры. Но, повторяю еще раз,— если вам нужен фетиш возрождения в форме русского с длинной бородой, ради бога, не привязывайте к нему, к этому фетишу, plica polonica * сзади — носить его неудобно.

Одежда ваша, должно быть, находится в мешках, оставленных вами в Берне. Не доставить ли их сюда и попросить открыть их, ибо, если не ошибаюсь, у вас от них ключи, которые никогда в моем распоряжении не были. Что же касается других орудий войны, просимых вами, без сомнения, чтобы прийти на помощь «fighting Charly» **, то я отошлю их вам при первом же случае [7].

Очень рад тому, что вы наконец сбежали из Лондона, чтобы пожить сельской жизнью в Ричмонде [8]. Удивление мое, однако, не знало границ, когда, читая вторую страницу вашего письма, я узнал о падении Адама Энгельсона и о тех неудобствах, которые из этого проистекают для мадам [9]. Боже ты мой, какие прыжки и скачки должен проделывать этот крошечный отпрыск в своей нынешней темнице; если он похож на отца, то явится на свет, кувыркаясь и гримасничая. Но все же искренние мои поздравления полковнику и госпоже полковнице.

Тесье целую вечность изображал из себя мертвеца; я страшно рад кое-что о нем узнать и получить возможность приветствовать его, так же как его супругу. С тех пор как он погрузился в «knocking spirits» ***[10], я о нем ничего не слыхал.

---

* польскую запаршивленную накладку (*лат.*).
** «сражающемуся Чарли» (*англ.*).
*** «стучащих духов» (*англ.*).

Насчет Хоецкого-бея мне говорили, что будто бы он возвратился совершенно преобразившимся в башибузука, с поясом из отрубленных ушей и целым ожерельем из русских носов вокруг шеи [11]. Злые языки из здешних поляков утверждают, будто он в полнейшем спокойствии исполняет обязанности адъютанта или офицера под тенью плакучих ив на кладбищах Константинополя, покуривая наргиле. Мы узнаем правду от него самого по его возвращении.

Тысячу раз кланяюсь детям. Александр, должно быть, теперь такой же большой, как его отец, особенно если он вытянулся на английский манер.

Марианна вам от души кланяется. Поскольку она настаивает на том, чтобы ребенок был крещен (почти невозможно здесь поступать иначе), то всячески старается сломить мое противодействие в этом отношении. «Er schönne Götti sy bim Bubi» *,— говорит она теперь, когда я сообщил ей, что пишу вам.

Надеюсь вскоре увидеть вас здесь. Англия хороша, но под конец и она утомляет.

Всецело преданный вам

К. Фогт

Сутерр, 26 июля 1854 г.

[1] Ответ на неизвестное письмо Герцена. 17 августа он сообщал М. К. Рейхель: «Хотелось бы в Швейцарию ‹. . .› Писал я Фогту, да ответа нет» (XXV, 194).

[2] Эмиль *Фогт* (родился 9 июля).

[3] Август *Брасс* (1818—1876) — немецкий журналист, участник революции 1848—1849 гг., женевский эмигрант и друг Фогта.

[4] *Г. Финк* — родом из Штутгарта, эмигрировал в Швейцарию после провала Баденского восстания 1849 г. В рекомендательном письме к Г. Гервегу из Берна в Женеву Фогт охарактеризовал Финка как комиссара революции в Шварцвальде (Архив Г. Гервега — «Dichter-Museum» — в Листале).

[5] Густав *Дитцель* (1827—1864) — немецкий юрист.

[6] В связи с конфискацией в Пруссии немецкого перевода труда Герцена «Du développement des idées révolutionnaires en Russie» в газете «Kölnische Zeitung» от 12 июня 1854 г. помещено было сообщение из Берна, в котором клеветнически утверждалось, будто это сочинение служит «скорее *на пользу*, нежели во вред царю». Герцен выступил против этих домыслов с открытым письмом к редактору «Kölnische Zeitung». Оно появилось в этой газете 22 июня 1854 г. (XII, 216).

[7] Речь идет о пистолетах Герцена, упоминаемых в предыдущих письмах. По шутливому предположению Фогта, Герцен собирался использовать их в войне англичан против России. «*Чарли*»— шутливое прозвище англичан.

[8] В начале июля Герцен с детьми переехал в пригород Лондона Ричмонд (см. XXV, 191).

[9] Намек на предстоящее разрешение от бремени А. Х. Энгельсон.

[10] В это время в Западной Европе вошел в моду спиритизм.

[11] К. Э. Хоецкий, вместе с другими поляками, отправился в Константинополь, чтобы сражаться (в составе польского легиона, организованного А. Мицкевичем) против николаевских войск.

13

К. Фогт — Герцену и В. А. Энгельсону

‹Сутерр, 18 августа 1854 г.›

Любезный друг!

Я свободно вздохнул наконец и пользуюсь моментом, когда Марианна силой заставляет служанку войти в мою комнату, дабы выгнать меня оттуда и мыть полы; я пользуюсь, повторяю, этим моментом, чтобы попытаться наскрести все то красноречие, которое вы заклинаете меня пустить в ход по отношению к вам [1]. Никогда не посмел бы я воззвать к сей богине в своей комнате, перед горами работы, которые громоздятся на всех столах, среди хозяйственных вихрей, постоянно вздымавшихся моей матерью. Хочу верить, любезный друг, что климат Англии вызывает упадок сил — но в этом отношении он почти не может сравниться со всепоглощающими свойствами моей матери. Это поистине ужасно для человека, нуждающегося в своих «fünf Sinnen» **, чтобы сохранить цельность. Мать из

* «Он мог бы быть крестным для малыша» (*бернск. обл.*).

** «пяти чувствах» (*нем.*).

В ЛОНДОНСКОМ СИТИ

Одна из деловых улиц Лондона — Флит-стрит, где размещаются редакции различных газет и журналов

Гравюра Дж. Уорчера

«Illustrated London News», 8 января 1848 г.

«Когда наступит зима, жизнь в таком огромном центре, как Лондон, станет невыносимой»
(К. Фогт — Герцену 18 августа 1854 г.)

них всегда занимает по крайней мере два, и я мог бы вскричать, подобно Гейне: «Aber was soll ich denn mit einem halben Gehirn anfangen?»* Хотелось бы мне знать, все ли женщины в такой степени смешивают средства с целью. Для нас, людей обыкновенных, труд — это только средство, применяемое одними для того, чтобы жить, другими — для прочего, и одинаково ненавистное для всех, потому

* «Но что я могу предпринять с половинкою мозга?» (*нем.*).

что оно — необходимость. Для моей же матери труд — это цель — она не работает, чтобы жить, она живет, чтобы работать. Постелить постель, подмести комнату, постирать белье — это нечто, достойное высочайшего интереса; из-за этого обрывается всякий другой разговор, всякое удовольствие, всякий отдых для тела и души. И вообразите себе нас, злополучных жертв далеко зашедшей цивилизации, привыкших допоздна бодрствовать и спать по утрам, вообразите себе несчастного человека, который с четырех часов утра начинает ощущать, как дом дрожит до самого фундамента от надраиванья, производимого любимым существом.

Но прекращаю свои жалобы. Отец мой наконец приехал и, к счастью, помог мне избежать ошибочного шага. Ребенок царил надо всеми: шесть женщин постоянно галопировали и падали с ног от забот, и, несмотря на это, дитя не процветало, Марианна кормить его не могла вследствие нервной лихорадки; пришлось ей прописать сильные дозы каломели, от которой пропало молоко. Тогда я положил конец всему вышеописанному и, не внимая предостережениям моей матери и моей жены, устремился в Савойю, где осматривал, щупал, изучал кормилиц и детей,— и привез оттуда кормилицу, которая уже с неделю обосновалась у нас, к величайшему благу ребенка,— он принялся полнеть и, словно бесенок, день ото дня становится все оживленней. Моя мать, глубоко оскорбленная, намерена была обратиться в бегство; через несколько дней она меня расцеловала, поблагодарив за твердость характера и наконец уехала с моим отцом, успокоенная насчет судьбы своего внука. Перейдем теперь к другим вещам, не без того, чтобы пожелать супругам Энгельсонам всех возможных благ, связанных с их чадом. Мое же чадо часто напоминает мне полковника [2], ибо в смысле гримас он по меньшей мере не уступит ему и, как мне кажется, даже превосходит его, когда у него болит животик.

Мы наводнены сейчас итальянцами, эмигрирующими из-за холеры. Подобных феноменальных карет, как в последние две недели, никогда еще не видывали. Старые «carozze» *, в которых предок времен Людовика XV совершал черепашьим шагом свои прогулки, прибыли сюда, извергая из себя пред гостиницами провинциальных marchese и contesse **, невероятные, фантастические существа с того света, схороненные в каком-нибудь уголке Пьемонта или Тосканы. Сущность, однако, заключается в том, что по меньшей мере 50 000 итальянцев было занято поисками убежища в Швейцарии и 20 000 французов уже присоединилось к ним. Сии последние устремляются вперед с еще большей скоростью — в поисках чистого горного воздуха они не останавливаются ни в Берне, ни даже в интерлакенском Бёдели — они взбираются на предгорья и затопляют все эти маленькие курорты Гурнигеля, Штаккельберга, Вайсенбурга и пр.

Все это, дорогой мой, говорится с тем, чтобы дать совет вам погодить еще немного с осуществлением вашего намерения приехать сюда. Мне кажется очевидным, что долго еще оставаться в Англии вы не сможете — зима там будет убийственной во всех отношениях: политическом, моральном и физическом. Они захватят Аландские острова; быть может, Севастополь и, что менее вероятно, Кронштадт — и потом, когда наступит зима, жизнь в таком огромном центре, как Лондон, станет невыносимой именно потому, что вне его будут происходить отвратительные события. Не надеюсь даже на какую-нибудь крупную измену — вся эта война была до сих пор загадкой, и завершение ее останется проблематичным даже для будущего. Понемножку стану осматривать все вокруг нас, чтобы найти подходящий загородный дом; над нами есть имение Жеребцовой [3] — вам оно, быть может, подошло бы, Шильон и Монтрё, пожалуй, несколько удалены от всех ресурсов, необходимых вам для Александра и Таты.

Читали ли вы о сценах, разыгрывавшихся в Ницце в то время, когда там хоронили нескольких протестантов? Первую похоронную процессию подвергли

---

* «кареты» (*итал.*).

** маркиз и графинь (*итал.*).

преследованиям, вторую разогнали; на следующий день святая сволочь в буквальном смысле покрыла дерьмом и гроб, и сына, который один из всех осмелился остаться у катафалка своей матери и вынужден был защищать его камнями и палкой все время, пока гроб опускали в могилу. И подумать только, что мы, некие пророки и предтечи новой эры цивилизации, прожили там целых два года с лишним, не оказав какого-либо дельного влияния на окружавшее нас население! Это унизительно, дорогой мой. Каково! Там тогда собралась изрядная группа более чем выдающихся гуманистов, а и теперь еще швыряют дерьмом в живых и в покойников? Полковник, что же тогда значит наше влияние? [4]

Наш дорогой Федеральный совет возобновляет свои поползновения управлять европейскими делами, подвергая нападкам эмигрантов. Кастольди [5] объявил сегодня Этьену Араго [6], чтобы тот покинул федеральную территорию по приказу папаши Дрюэ [7] и папаши Фюррера [8]. Правда, они все еще прогуливаются вместе — Флокон [9], Э. Сю [10], Араго, устраивая в честь себя овации в Сен-Имье и на Юре,— но есть ли резон изгонять их вследствие этого? [11] Не меньшей обходительностью окружены германские правительства, и существующую здесь ассоциацию немецких рабочих собирались подвергнуть преследованиям. Я за нее вступился, и тогда они набросились с удвоенной яростью на одного из бедняг, любой ценой желая принудить его к выезду в Германию. Этот человек прожил более чем любопытную жизнь — она могла бы дать материал для романа. Он сын кюре от племянницы; папаша поселил его в Швейцарии, где он родился, находил себе пропитание и пр. до четырнадцати лет. Когда же он достиг этого возраста, кюре умирает, содержание более не выплачивается; люди, у которых он живет, держат его у себя по доброте до семнадцати лет, потом они помещают его к кому-то конюхом. Шесть лет подряд совершает он на своих лошадях поездки в Германию, нигде ничего кругом не видя,— приезжают лишь к вечеру; если еще светло, он должен возиться с лошадьми; если ночь — спать возле них, а в дорогу отправляются еще до зари. В каждом городе ему известен только радиус от конюшни до водопоя. Затем он становится вольным стрелком — от Оксенбейна [12] до Струве [13]. Его берут с собой в первую экспедицию в Люцерн; от удара ногой в живот у него образуется грыжа — целых полгода его оставляют умирать в тюремных камерах; какой-то конфедерат увозит его наконец и излечивает — тогда он берет свою грыжу в одну руку, а ружье в другую и действует вместе со всеми, с Геккером [14], Струве, Виллихом [15], Беккером [16], до самого конца баденской войны. Он портняжничает в Безансоне в составе корпуса Виллиха — заболевает темной водой [17]; слегка от нее оправляется, опять берется за работу и опять заболевает — и вот теперь Конфедерация набрасывается на этого несчастного с развороченными внутренностями, полуслепого, покрытого ранами,— по той причине, что у него обнаружили карточку, на которой председатель здешнего рабочего общества рекомендует его другим обществам.

Прощайте, любезный друг, целую детей и желаю друзьям всяческого процветания.

Всецело преданный вам К. Фогт

Сутерр, 18 августа 1854 г.

Рёдигер отправится в будущем месяце в Англию; я дам ему все, что он сможет увезти.

[1] Ответ на неизвестное письмо Герцена.

[2] Подразумевается В. А. Энгельсон.

[3] На этой вилле жила Мария Амалия *Жеребцова*, урожд. Гофрихтер. По-видимому, Герцен намеревался тогда (и несколько позже) надолго обосноваться в Женеве и просил Фогта найти ему подходящий дом.

[4] Это прямое обращение к В. А. Энгельсону («полковнику»), также жившему в Ницце в начале 1850-х годов.

[5] *Ж. Ж. Кастольди* — начальник женевского кантонального Департамента юстиции и полиции.

[6] Этьен *Араго* (1803—1892) — французский журналист и политический деятель, сотрудник газеты «Réforme», знакомый Герцена; после 15 мая 1848 г. эмигрировал в Бельгию.

[7] Анри Шарль *Дрюэ* (1799—1855) — федеральный советник и управляющий Департаментом финансов, ранее — заместитель начальника федерального Департамента юстиции и полиции.

[8] Жонас *Фюррер* (1805—1861) — начальник федерального Департамента юстиции и полиции.

[9] Фердинан *Флокон* (1800—1866) — французский публицист и политический деятель, видный участник революционных событий 1848 г., редактор газеты «Réforme» и министр при Второй республике. Герцен в одном из своих писем характеризует его словами «глупый Флокон» (XXIII, 83). В это время Флокон жил в Цюрихе (он был выслан из Франции после государственного переворота 1851 г.).

[10] Эжен *Сю* (1804—1857) — известный французский романист, автор романа «Парижские тайны», участник событий 1848 г.

[11] В начале августа 1854 г. Э. Сю, живший в Аннеси, совершил вместе с Араго и Флоконом поездку по невшательской и бернской Юре. Популярность автора «Парижских тайн» среди рабочих-часовщиков Юры все еще была очень велика, поэтому путешественников принимали очень горячо, а в Сен-Имье они даже стали объектом овации, получившей отражение и в печати. Французский посол в Берне и консул в Женеве тотчас же вмешались в это дело. Сю вынужден был возвратиться в Аннеси, Флокона в течение некоторого времени не удавалось разыскать, но Араго, остановившийся в Женеве, был утром 17 августа вызван к начальнику Департамента кантональной полиции Кастольди и получил приказание немедленно покинуть город под угрозой насильственной высылки.

[12] Иоганн Ульрих *Оксенбейн* (1811—1890) — бернский радикал, федеральный советник, командовал экспедицией вольных стрелков против Люцерна, закончившейся полным поражением (1845).

[13] Густав *Струве* (1805—1870) — руководитель восстания в Бадене (1848); встречался с Герценом в Женеве в 1849 г.; Герцен с глубокой иронией описал Струве в «Былом и думах» (X, 59—64 и 102—106).

[14] Фридрих *Геккер* (1811—1881) — немецкий демократ, также один из руководителей Баденского восстания 1848 г.

[15] Август *Виллих* (1810—1878) — немецкий революционер. Отброшенный на французскую границу со своим отрядом добровольцев после поражения Баденского восстания, в апреле 1848 г., был интернирован в Безансоне со своими бойцами. В 1849 г. Виллих и большинство его боевых помощников были изгнаны из Франции.

[16] Иоганн Филипп *Беккер* (1809—1886) — немецкий революционер, натурализовавшийся в Швейцарии; принимал активное участие в Баденском восстании 1848 г.; командир баденской народной армии в 1849 г.

[17] Болезнь, ведущая к слепоте.

14

К. Фогт — Герцену

〈Женева, 16 октября 1854 г.〉

Любезный мой Герцен!

Давно уж у меня нет от вас вестей. Приедете ли вы в Швейцарию, к нам, куда-нибудь на континент? Холерное наводнение прекратилось, толпа трусов убирается восвояси, деревенские обиталища от Женевы до Вильнёва протягивают вам руки. Пока же я пересылаю вам письмо варского Кошута. Я совершенно неповинен в этой атаке и, чтобы помочь вам отразить ее, пишу ему сейчас, что хотя и отправляю вам его записку, но не знаю, дойдет ли она, поскольку вестей от вас не имею почти два месяца и мне неведомо, в Англии вы еще или же уехали из Лондона и Ричмонда, чтоб отправиться либо в Швейцарию, либо в Норвегию. Кошут, как мне кажется, весьма легкомысленно рассуждает о своем деле; смешно, что он не смог разузнать ранее об этом угрожающем ему, вероятно, наложении ареста на имущество [1].

Мы живем здесь в ожидании падения Севастополя [2]. Не знаю, чего желать,— я уверен, что царь ни за что не заключит мира, и, от всей души желая видеть его побитым по всей линии фронта, я охвачен страхом пред этим ужасающим англо-франко-австрийским союзом, который придушит до последнего вздоха свободу на континенте. Низости, которые вскоре совершат или допустят англичане, лишь бы заполучить себе подходящего союзника, невообразимы и невероятны. С этой точки зрения я готов был бы издавать молитвенные вопли о поражении союзников в Крыму в надежде, что это поражение, подтолкнув австрийцев в направлении России, приведет к тому, что союзники обратятся на путь революции.

Но с этой стороны все уже потеряно. Мы видели здесь в течение нескольких дней Клапку, который в полном отчаянии возвратился из Константинополя; по его словам, все турецкое министерство продалось австрийцам. Он рассказывал всякого рода случаи из потустороннего мира обо всех этих мошенниках, союзниках и несоюзниках, которые там трудятся «am sausenden Webstuhl der Zeit» [3]. И о поляках — бóльшая часть из тех, кто находится там [4], высказалась за австрийский флаг, утверждая, будто в деле восстановления Польши надеяться можно исключительно на Австрию.

Здесь бури в стакане воды чрезвычайно сильны. Фазисты [5] банкетируют, другие делают подкопы, все в волнении — слияние так называемых социалистов с аристократами подтвердилось, и Фази упорно уверяет, будто главная пружина этого — Маццини [6].

У меня все хорошо, ребенок растет и уже покушается говорить, пока это сводится лишь к «А-у!» и другим столь же примитивным звукам. Зима приближается — Юрá сегодня блистает первым снегом. Марианна от души приветствует вас. Поцелуйте от меня детей. Много теплых слов друзьям. Продолжает ли развиваться норвежско-русский отпрыск? [7]

Всецело преданный вам К. Фогт

Сутерр, 16 октября 54 г.

[1] *Варский Кошут* — вероятно, шутливое обозначение Ж. Матьё (см. прим. 3 к п. 5), одного из участников восстания в Варском департаменте Франции (1851), который обратился к Герцену с просьбой о материальной помощи. Нет оснований предполагать, что это мог быть Л. Кошут. Письмо Матьё остается неизвестным.

[2] Севастополь, выдерживавший осаду с 26 сентября, пал только через год, 8 сентября (н. с.) 1855 г.

[3] «На свистящем ткацком станке времени» — слова Духа из «Фауста» Гете.

[4] Большое число польских революционных эмигрантов отправилось в Турцию, чтобы создать там Польский легион.

[5] Т. е. последователи Дж. Фази.

[6] См. *ААН*, 148.

[7] Речь идет о сыне Энгельсонов, Исааке.

15

К. Фогт — Герцену

〈Сутерр. 26 января 1855 г.〉

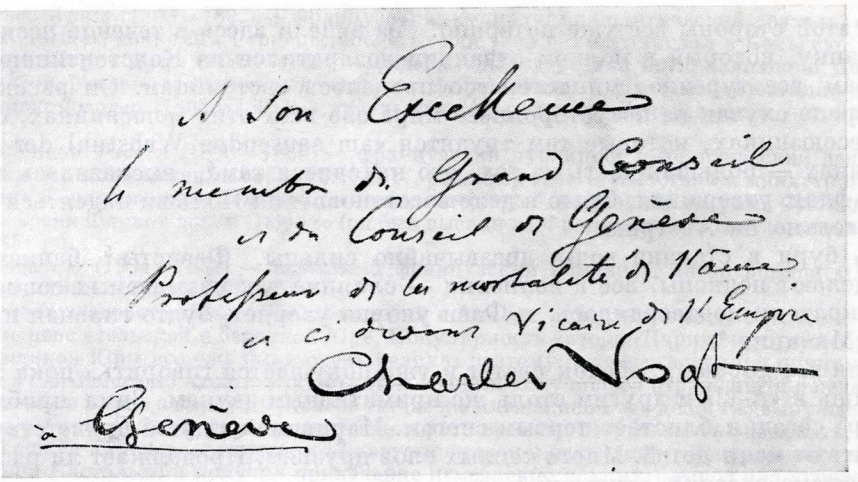
Любезный друг!

Вот уж скоро столетие, как мы с вами не общались. Отчего же вы столь молчаливы, вы, имеющий время писать, тогда как у меня едва хватает времени на изготовление рукописей? Если бы вы только знали, как трудно мне бывает выкроить минутку для друзей; какой отвагой должен я обладать, чтобы взяться за перо корреспондента после того, как целый день напролет пускал в ход исключительно перо труженика, то не допустили бы, чтобы ваши письма были столь редки и так точно соотносились с моими. Я надеялся повидаться с вами нынешней зимой — разве вы не в состоянии отцепить свою жизнь от жизни этой Англии, расшибающей себе череп о севастопольский утес?

Мы немного, и даже много, вкусили здесь приятностей семейной жизни. Жену мою в течение двух месяцев терзала столь свирепая зубная боль, что она чуть не занемогла от этого самым серьезным образом; мой мальчик, продолжая прекрасно развиваться, вздумал поразить мир переизбытком христианского благочестия 〈. . .〉 * Он развивается, впрочем, с поразительной энергией, и если судить по его манерам, то он сделается весьма сосредоточенным наблюдателем. Вскоре он начнет ходить; вообще же он соединяет в себе все вообразимые добродетели и все прелести тела и духа.

Я поручу доставить вам вскоре небольшое сочинение, которое меня вынудил написать г. Р. Вагнер из Геттингена, мистический физиолог [1]. Когда я писал это

* Опускаются анатомические подробности.— *Ред.*



НАДПИСЬ ГЕРЦЕНА НА ПИСЬМЕ К ФОГТУ:

«A son Excellence le membre du Grand Conseil et du Conseil de Genève Professeur de la mortalité de l'âme et ci-devant Vicaire de l'Empire Charles Vogt à Genève» («Его превосходительству члену Большого совета и Женевского совета, проповеднику учения о смертности души и бывшему викарию Империи Карлу Фогту в Женеве»)

Автограф, январь 1857 г.

Публичная и Университетская библиотека, Женева

сочинение, то часто жаловался на судьбу, разлучившую меня с двумя такими личностями, как вы и Энгельсон, которые так превосходно обходятся с категориями и прочими невразумительностями философского и гегельянского языка. Я толкую там об Адаме, Ное и о существовании души как бессмертного существа. В последней главе мне особенно нужно было бы философское подкрепление, которое вы безо всякого труда предоставили бы мне, между тем как я потратил бездну сил на то, чтобы втиснуться в эту перипатетическую конуру. Но ничего не поделаешь, вам остается судить, удалось ли мне пробить брешь в этом государственном физиологе, которому умирающий Радовиц поручил защищать общество от нападений чудовищного материалистического естествознания [2].

Не хотите ли стать владельцем пансиона Шумахера в Бённигене [3]? Помните этот очаровательный дом на берегу озера с садом и пристройками? Он принадлежал моей теще, которая продала его своему зятю Шумахеру с большой уступкой, за 43 000 франков. Дом заложен только за 7 000 франков в залоговой кассе, выплачивающей из расчета 5%. Но моя теща, поддавшись дурным советам, заложила свою купчую крепость за 14 000 фр., и теперь она подвергается опасности потерять все вследствие чудовищной интриги, цель которой — продать купчую крепость с аукциона, если не будет внесена обусловленная сумма. Я обещал ей приложить усилия, чтобы раздобыть эту сумму, дабы выкупить купчую крепость и спасти ей то, что ей остается.

Дом приносит в год процентами 1 600 фр., выплачиваемых нынешним владельцем. Таким образом, легко обеспечить проценты с суммы в 14 000 фр. за дом, ценность которого с каждым годом увеличивается вследствие выплат, производимых залоговой кассой. (Эта последняя была основана во время Оберландского дела — для обеспечения финансов этой страны; она берет 5%, из них $2^1/_2$ как проценты и 2% выплатных.)

Пишу вам насчет этого дела, дорогой мой, потому что мне кажется, что помещение денег в государственные процентные бумаги становится с каждым днем все более неверным, поскольку всеобщая война неизбежна,— а имения в Оберланде не подвергнутся опасности. Говорю вам об этом в то же время и потому, что вы оказали бы мне значительную услугу, спася славную женщину, которая в продол-

жение всей жизни боролась с несчастьем, причиняемым ей мужем; она хочет с ним наконец разойтись, и ее судьбой я крайне озабочен из-за моей доброй и превосходной жены. Я лично поручусь за выплату процентов — трехмесячных, полугодовых или годовых, как вам будет угодно; обеспечением послужил бы дом — купчая крепость на него перешла бы в вашу или мою собственность — и мое здешнее профессорское жалованье. Если вам возможно будет произвести перемещение капитала в этом смысле, то прошу вас сделать это, если же нет — откровенно скажите мне, без оговорок и, главное, без отсрочки. Тогда я буду знать, что сделать это вам невозможно. Если же произвести одновременный перенос всей бюджетной суммы вы не сможете, то найдется средство обернуться, имея 7 000 фр. теперь и остальное — в марте месяце [4].

Здесь, в Женеве, дела идут прескверно. Аристократия, взяв верх над так называемыми социо, начинает подрывать все кредитные установления, созданные Фази. Учетная контора, в руках которой главным образом Фабрика и торговля, чуть не прогорела и до сих пор еще держится на слабых и подкашивающихся ногах. Создается, однако, впечатление, что Фабрика и торговля в недурном положении — но дороговизна съестных припасов превосходит всякое вероятие. Что касается меня лично, то я гарантирован от всяких событий книгоиздательством — в Германии все больше и больше сходят с ума от естествознания. Я заключил с Вимеем договор на восьмитомный труд [5].

Надеюсь, что дети чувствуют себя хорошо. Поцелуйте их за друга, которого они вскоре забудут, если вы не приедете в Швейцарию, дабы освежить память о нем. Наилучшие пожелания друзьям.

Всецело преданный вам К. Ф о г т

Сутерр. 26 января 1855 г.

[1] Брошюра «Köhlerglauben und Wissenschaft», появившаяся месяцем позднее. Она имела большой успех и вызвала продолжительную и острую полемику во всей Германии. Эта книжка, вышедшая несколькими изданиями, может рассматриваться как своего рода манифест новой, «вульгарно-материалистической» школы, во главе которой станут, наряду с Фогтом, Я. Молешот и Л. Бюхнер. Рудольф *Вагнер* (1805—1864) — немецкий профессор, физиолог-спиритуалист.

[2] Иозеф *Радовиц* (1797—1853) — прусский генерал, реакционный деятель; от политической жизни отошел в 1850 г. (ср. X, 174).

[3] Деревня на берегу Бриенцского озера, невдалеке от Интерлакена. Семья Фогта была родом из этих мест.

[4] От этого предложения Герцен, вероятно, отказался.

[5] Труд этот в свет не вышел.

16

К. Фогт — Герцену

〈Сутерр. 28 марта 1855 г.〉 [1]

Любезный мой друг!

Вы, вероятно, получили из Берна листки «Бернской газеты», в которой приведены выдержки из ваших брошюр о русском крестьянине. Поскольку мой младший брат теперь редактор этой газетки, вы сможете направлять непосредственно ему то, что хотите видеть распространенным в Швейцарии [2]. Впрочем, не следует упускать из виду, что эта убогая газетка должна прежде всего печься об интересах бернской радикальной партии и что вовсе не следует перегружать внешнеполитическую ее часть русскими делами, интересующими бернских националистов не больше, чем прошлогодний снег. Истинные сыновья Телля стали уже роптать на эти длиннущие описания русского крестьянина, которые, как им показалось, слишком подчеркивают предельное сходство с ними самими, если не считать простоту нравов между равными, которая также утратилась в сем оплоте свободы, называемом Швейцарией.

Мы живем здесь в полном благополучии, перемешанном с туманами и дождем. Папаша Дрюэ находится in extremis *, что приводит в восторг его коллег. Его

* в крайних обстоятельствах (*лат.*).

хватил апоплексический удар, парализовавший все его полезные члены, даже язык. Со времени этого удара ему удалось произнести лишь «Donner-Wetter» *, чего достаточно, по словам моего брата, чтобы быть превосходным федеральным советником,— остальные не способны сказать даже это. В преемники ему собираются дать Турта [3]. Мы без конца ликуем, видя, как иссякает распря с Тессином,— в качестве истинных конфедератов и сыновей победителей Мора, Земпаха, Моргартена и пр. мы выплачиваем некоторым «Flohpelze» **, капуцинам, бешеную сумму и ничего не говорим насчет 6 000 изгнанных тессинцев — ведь это могло бы быть сочтено за нелюбезность. Впрочем, мы выиграем от этого на капуцинском соляном налоге, а изгнанные тессинцы утроили свои доходы, занимаясь нищенским промыслом в Конфедерации [4]. Таким образом, мы можем сказать, подражая Франциску I: «Все потеряно, кроме денег» [5].

До сих пор я не особенно отчетливо различаю ту новую эру России, которую вы мне предсказываете. Новый император поступает подобно всем, кто восходит на трон: он подыскивает какие-нибудь древние обломки устарелого либерализма, вроде Ермолова, чтобы выставить их напоказ в виде убогих вывесок, а исподтишка распоряжается делами даже почище, чем его предшественник,— до той поры, пока сам не укрепится как следует [6]. Александр теперь в той же полосе, что в 1840 г. прусский король [7], который также восстанавливал в должности Арндта [8] и еще нескольких старых болтунов, преследуя в то же время Руге [9] и его товарищей. Возможно, впрочем, что престиж, коим пользовалась личность Николая, сошел на нет и что рано или поздно это приведет к кое-каким переменам; не думаю, однако, чтоб они были особенно значительны.

В течение недолгого времени я питал надежду стать свидетелем зарождения в Англии глубокого общественного движения, проникающего в самые глубины и опрокидывающего всю укоренившуюся в этой стране чудовищную систему лицемерия. Полагаю, что мы ошиблись и на этот счет. Англичанин — лицемер по натуре, по воспитанию, по пристрастию, и этим пропитаны, от лорда до чартиста, все слои населения. Англия заключит мир любой ценой — аристократия ее и на этот раз спасется тем же средством, которое приведет к гибели Луи Наполеона. Что же касается последнего, то я начинаю думать, что дни его сочтены. Один он не может продолжать войну, которая, впрочем, ведется самым жалким образом; существование его в одинаковой степени подвергнуто угрозе, если Восточная армия возвратится после заключения мира или совсем не возвратится. Сейчас я узнал от одного горбуна-поляка, только что вернувшегося из Парижа [10], что там, в высших сферах, крайне обескуражены; что готовятся к полному развалу, а вам хорошо известно, что Авантюрист гибнет, как только теряет задушевную веру в свою звезду — ту веру, которая одна только и может помочь ему в противоборстве с трудностями. Так-то я снова вижу себя обращенным лицом к Франции в надежде узреть, как оттуда исходит не луч свободы, а молния потрясений.

Вы говорите мне, что окончательно остаетесь на этот год в Англии. Должен ли я подыскивать для вас жилище? Полагаю, что вопрос этот не может не возникать в моем уме, когда я думаю о неустойчивости ваших решений, касающихся места жительства.

Вы прочли, наверно, в аугсбургской газете объявление о распродаже в Берлине имущества старика Зигмунда [11]? Нищета приближается медленно, но верно! Ich komme spät, doch sicher nach! ***

Знать бы только, как доставить вам книги! Вам ничего еще не известно о глухом шуме, тревожащем теперь умы ученого люда Германии. Я наконец-то опубликовал свой памфлет, направленный против геттингенского Вагнера, под названием «Köhlerglauben und Wissenschaft». Продано 1500 экземпляров за один месяц. Издатель перепечатывает его, не знает, как удовлетворить спрос. Из этого сочинения жадно вбирают в себя семена разрушения библейской веры, бессмертия души и всяческих других бредней и удивляются при этом, что еще кто-то смеет выпускать

* «Черт побери» (*нем.*).
** «блохастым шубам» (*нем.*).
*** Я прихожу поздно, но наверняка! (*нем.*).

в свет подобные чудовищные вещи. Я приказал издателю любой ценой доставить вам один экземпляр второго издания. Ни одна газета об этой вещи еще не говорила — поместили объявления только «Allgemeine Zeitung» и «Frankfurter Journal». Видно,что Германия жаждет скандала. Вагнер еще не ответил и, возможно, не ответит. Надеюсь, что Энгельсона эта книга позабавит: я включил в нее рассуждение о зооспермах, и когда писал ее, то порой о нем думал, повторяя себе, что нахожусь на излюбленной почве друга.

Что больше всего забавляет меня, так это то затруднительное положение, в которое моя брошюра поставила Высший совет Федерального политехникума. Я записался на кафедру зоологии, чтобы не дать им возможности отклонить мое назначение, ибо у них нет никого, скажу без похвальбы, кто мог бы быть мне противопоставлен. Но вот воззрения мои высказаны в книге — это ужасный призрак для верующего конфедерата, страшащегося новой Штраусиады [12] и вдобавок еще обрабатываемого бешеной сворой немецких профессоров, главный ужас для которых в том, что я могу переехать в Цюрих. Керн, председатель совета, от этой мысли глаз сомкнуть не может [13]: он боится, как сказал мне Турт, участи Мидаса — если меня не назначат, каждая травинка станет ему кричать: «Керн, ты осел» [14] — и участи Хегетшвайлера, убитого по приказанию господа бога во времена Штраусиады [15],— если я буду назначен. В конечном итоге он предпочтет, однако, глупость утрате своей шкуры.

ОДНА ИЗ МНОГОЧИСЛЕННЫХ КАРИКАТУР, ВЫСМЕИВАВШИХ МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ ФОГТА И ЕГО СОЛИДАРНОСТЬ С УЧЕНИЕМ ДАРВИНА

Книгу, которую держит в руках Фогт, карикатурист озаглавил: «L'Homme provient de Singe, Par Ch. Vogt» («К. Фогт. Человек происходит от обезьяны»).

Журнал «Le Falot», 24 апреля 1875 г.

Публичная и Университетская библиотека, Женева

Очень рад, что моя антипатия к Головину покоится на столь прочных основаниях. Вы, конечно, ошибаетесь, полагая, что он примазался к санкт-петербургскому правительству; он *хотел бы быть в этом положении* и ищет для того средств, клевеща на вас [16].

Прощайте, любезный мой друг; сердечный привет друзьям и верьте мне.

Ваш К. Ф о г т

А. А. Герцену:

Любезный мой Саша!

Поскольку твой достопочтенный отец объявил мне, что окончательно остается на этот год в Англии, я сильней, чем когда-либо, питаю надежду вскоре увидеть тебя на Континенте — без разлуки между тобой и твоим отцом.

Мой малыш развивается блестящим образом. У него дьявольская живость, и он ползает себе по комнате во всех направлениях. Сегодня, когда я писал это письмо, он был близ меня, и так как он чересчур громко кричал от нетерпения и злости, я дал ему первые шлепки ad posteriora *, которые лишь усугубили зло. Без сомнения, действовать так заставило меня московитское вдохновение, излучаемое моим собственным письмом.

Любезная моя женушка чувствует себя хорошо, она шлет сердечный привет тебе, так же как и твоему отцу, и очень радуется тому, что все вы вскоре возвратитесь.

---

* по задней части (*лат.*).

Несколько дней тому назад, проезжая через Берн, я видел твою прежнюю страсть, Сузи; она выросла фута на полтора в длину, нисколько не округлив свои костлявые формы.

От души целую тебя, так же как твоих сестер.

Сутерр, 28 марта 1855 г. К. Фогт

Портрет Сузели *.

[1] Ответ на неизвестное письмо Герцена.

[2] Редактором небольшой ежедневной радикальной газеты «Berner Zeitung» с 1 января 1855 г. был Г. Фогт. По случаю Крымской войны эта газетка уделяла значительное внимание вопросам, связанным с Россией. 12 марта «Berner Zeitung» начала публикацию серии статей «Россия, русский народ». Напомнив читателям об установившемся на Западе взгляде на русского крестьянина как на варвара, совершенно чуждого цивилизации XIX в., не знающего ни законов, ни нравственности, Г. Фогт отмечал: «Один остроумный писатель, Александр Герцен, русский по рождению и вместе с тем испытанный демократ, уже много лет оспаривает это ходячее мнение; он поставил своей задачей реабилитацию русского народа, и в особенности низших классов, в общественном мнении Европы...». Далее он привел выдержки из брошюры Герцена «Le peuple russe et le socialisme», извлеченные из ее немецкого перевода (Гамбург, 1854 и соответствующие тексту VII, 282—292). Публикация статьи Герцена продолжалась в номерах от 13 и 15 марта, занимая по полтора-два столбца в каждом номере.

[3] Место скончавшегося 29 марта А. Дрюэ в Федеральном совете занял не Турт, а Я. Штемпфли.

[4] Блокада Тессинского кантона, которая была объявлена Австрией 11 февраля 1853 г. и вызвала высылку 6000 с лишним тессинцев, живших в Ломбардии, продолжалась два года; она была снята лишь 21 апреля 1855 г. в результате конвенции, подписанной 18 марта между Швейцарией и ломбардским правительством. На эту конвенцию и намекает Фогт. Она предусматривала выплату Тессинским кантоном вознаграждения в 115 000 фр. в пользу итальянских капуцинов, изгнанных из кантона в 1852 г. Что же касается тессинцев, вынужденных покинуть Ломбардию, то их материально поддерживали сбором пожертвований по всей Швейцарии, а также предоставляя им работу на строительстве укреплений.

[5] Шутливая переделка известного изречения французского короля Франциска I: «Tout est perdu fors l'honneur» («Все потеряно, кроме чести») — из письма короля к матери после поражения при Павии, где он был взят в плен 13 февраля 1525 г.

[6] Находившийся с 1827 г. в отставке генерал А. П. Ермолов (1772—1861) в 1853 г. был избран московским дворянством начальником ополчения своей губернии, но это явилось лишь номинальным назначением, так как престарелый генерал уже не мог выполнять свои функции.

[7] Фридрих Вильгельм IV (1795—1861).

[8] Эрнст Мориц *Арндт* (1769—1860) — немецкий писатель и поэт, которому антинаполеоновские выступления создали большую популярность; в период Реставрации он был выжит из Боннского университета, профессором которого являлся, вследствие своих либеральных идей. Лишь в 1840 г., после вступления на престол Фридриха Вильгельма IV, он получил возможность занять свою профессорскую кафедру в Боннском университете. В это же время прусский король усилил преследования младогегельянцев.

[9] Арнольд *Руге* (1802—1880) — немецкий радикальный деятель, публицист и философ-младогегельянец, издававший прежде в Лейпциге ежегодник «Hallische Jahrbücher». Он подвергался при Фридрихе Вильгельме II преследованиям, и издания его то и дело запрещались. См. о Руге во вступительной статье к наст. разделу.

[10] Личность эту установить не удалось.

[11] *Зигмунд* — отец Эммы Гервег.

[12] В 1839 г. цюрихское либеральное правительство пригласило известного философа Д. Ф. Штрауса (1808—1874), автора знаменитой «Жизни Иисуса», на должность профессора университета. Это вызвало протесты представителей протестантской церкви и недовольство крестьян, а также жителей разных швейцарских городов. Хотя Штраус из предосторожности и был уволен меньше чем через два месяца после своего назначения, в сентябре 1839 г. разразился мятеж. Несколько тысяч крестьян направилось с протестом в Цюрих, где они встречены были вооруженными правительственными войсками. В результате было убито и ранено около 30 человек. Это событие Фогт и называет здесь *Штраусиадой*.

[13] Иоганн Конрад *Керн* (1808—1888) — швейцарский радикальный политический деятель из кантона Тургау, президент совета Федерального политехникума в 1854—1856 гг., впоследствии полномочный представитель Швейцарии во Франции.

[14] По греческой легенде, фригийский царь Мидас был наделен Аполлоном за невежество и самоуверенность ослиными ушами.

[15] Во время цюрихского мятежа (см. выше прим. 12) был убит государственный советник И. Хегетшвайлер — как раз в тот момент, когда он доставлял государственным войскам приказ прекратить сражение.

[16] О выпадах «скотины» И. Г. Головина против Герцена в английской прессе см. в «Былом и думах» (XI, 418—421) и в ряде писем Герцена (XXV, 235—238 и др.). В марте 1855 г. Головин обратился к Александру II с просьбой разрешить ему возвращение в Россию.

* Над этой строкой карикатурное изображение женской фигуры.— *Ред.*

17
К. Фогт — Герцену

⟨Женева. 22 мая 1855 г.⟩

Любезный мой друг!

Надеюсь, что экземпляры «Köhlerglauben» для вас и Энгельсона теперь дойдут, поскольку я повторил своему издателю распоряжение вам их отправить; однако вы знаете, что глас издателя — это глас вечности [1].

Теперь к вашим вопросам [2].

⟨1⟩. Вилла Жеребцовой уже сдана, и так как вы собираетесь приехать лишь в ноябре, то нельзя сказать заранее, какие дома будут свободны, а какие сданы. Вообще же (в Женеве) летом отправляются за город, а зиму проводят в городе — мне хорошо известно, что в Англии поступают иначе, но — по сию пору — англичанин не царит во Граде Кальвина [3]. Вы же будете жить в неуточненном месте — в Пакѝ, в С.-Жане, в Пленпалѐ — смотря по тому, что найдут к вашему приезду. Но, чтобы дать вам некоторое представление, скажу вам, что г-жа Карольи [4] платит за великолепный дом из десяти комнат и двух прекрасных мансард (обычные мансарды, без кухни) с обширным садом, расположенным по соседству с городом, на швейцарской дороге, 2800 фр. без мебели — цена с мебелью была 4000 фр. Г-жа Гогенемзер имела в Паки, в городе, так сказать, загородный дом «Брандт» — в нем комнаты распределены следующим образом: на нижнем этаже — кухня, столовая, большая гостиная, комната; на втором — пять комнат, две из них довольно большие, несколько очень милых мансард — за 2000 фр. с мебелью — правда, она сняла этот дом в 48-м году, когда никто не имел средств для переезда за город. Поскольку мне неизвестно, каков теперь ваш домашний образ жизни, связаны ли вы душой и телом с Энгельсонами, то, естественно, сказать, во сколько обойдется вам жи́лье и что именно удастся найти, нельзя. Я же плачу 800 фр.; у меня кухня, столовая, нижняя гостиная, четыре комнаты на втором этаже и на чердаке нечто для прислуги. Вы можете по этим данным приблизительно высчитать, что́ потребуется вам.

2. О воспитании Александра. Я полагаю, что он теперь в том возрасте, когда ему можно посещать в качестве экстерна большинство курсов Академии. Естественные науки, древние языки и пр. достаточно хорошо представлены и, полагаю, стоят на достаточной высоте, чтоб он смог проходить их с пользой. Для современных языков и математики он найдет хороших учителей среди персонала некоторых пансионов (Рёдигер, например, имеет у себя природного англичанина и двух немцев, проведших несколько лет в Англии и основательно знающих язык). Поэтому я меньше всего испытываю затруднения насчет Александра; если б он был помоложе, то испытывал бы; но такому, каков он, по-видимому, теперь, я уверен, женевская мерка подойдет, по крайней мере частично.

3. Что же касается перенесения типографии, то указать вам меры безопасности, которые следует принять в Англии, я не мог бы. Полагаю, что самое простое — это менее опасное, особенно если вы держите в полнейшем секрете ваш проект перевода ее за пределы Англии. Предполагаю, что вы хотите перевезти только русские шрифты и литеры, что в вашем распоряжении есть только наборщик и что печатать вы поручаете какой-нибудь другой типографии. Если это так, то у вас с собой будет только касса в столько-то центнеров весом, которую вы поручите отправить через транспортную контору и, думаю, лучше всего через Германию, где привыкли видеть направляемые из Лондона шрифты для типографий всех дикарских языков. Мой адрес фигурировать не должен. Адресуйте либо Лауферу и К°, книгоиздателям в Женеве, либо Марку Ванею, здешнему печатнику, либо Шабелицу в Базеле, книгоиздателю (тогда подумают, что это предназначено для миссионерского издательства), и вы распорядитесь, чтобы сделаны были надлежащие декларации и пр. в Лондоне — через какого-нибудь типографа или литейщика, будто бы отправляющего заказчику требуемые шрифты. Поскольку вы фрибургский гражданин, вам не могут помешать устроить здесь свою типографию, когда вам будет угодно, и печатать что́ вам вздумается.

Не знаю, что еще прибавить по поводу здешних внутренних и внешних вопросов, вызывающих у меня все большее и большее отвращение. То, что Фази нам привез из Парижа, куда он отправился по денежным делам, способно отбить вкус ко всему. Поистине это две сражающиеся между собой Восточные Римские империи. Эта грязная шайка наемных убийц во Франции чувствует, что под ней разверзается бездна, и пытается забыться среди грязных баб, не обладающих даже умственными способностями гризеток, в грязных играх и распутстве, от которых отдает лишь скукой. Старик Жером [5] дошел до того, что не в состоянии уснуть, если перед столом у его кровати не восседают два игрока, *обязанных препираться между собой*. Проигрывающий должен изрыгать ругательства против выигрывающего мошенника; мошенник же этот обязан возражать, и под шум этой-то брани его величество засыпает. И сии люди воображают, будто нации вскоре подымутся, как один человек, на их призыв. Так и было бы года два тому назад; теперь же, я думаю, уже слишком поздно. До сих пор я не вижу никакого выхода из нынешнего положения, и если вы продолжаете еще питать доверие и надежду в отношении русского народа, то, повторяю вам, что я таковых отнюдь не имею и считаю его не менее испорченным, чем другие. Ваши мысли по этому поводу, впрочем, завоевывают себе почву в здешних местах, и я с большим удивлением слышал однажды, как какой-то толстяк из Берна, которого я считал совершенно неспособным сколько-нибудь разбираться в политике, говорил о юности русского народа в таких выражениях, которые привлекли бы к нему все ваши симпатии. Что до меня, то, по моему мнению, возраст мамаши Панагии [6] убедительно доказывает, что младенец не слишком-то молод.

У меня все обстоит изрядно — малыш мой начинает бегать и делает попытки лепетать, но они почти не удаются. Я повседневно изучаю поступательные движения его бессмертной души, которой должно быть смертельно скучно в этой неумело сооруженной для нее клетке, хотя малютка сам по себе довольно веселого нрава. Бедная эта душа! Она приказывает ногам ходить — и шлепается на пол; она хотела бы заставить его издавать звуки — и это ей не удается. Но в конце концов это все-таки душа.

Много добрых слов детям и друзьям. Моя жена сердечно вам кланяется.

Всецело преданный вам К. Ф о г т

Сутерр, 22 мая 55 г.

Я отдал «Полярную звезду» [7] на пропитание одному радикальному жителю Савойи, чтоб он составил о ней статейку для какого-нибудь из савойских либеральных листков.

[1] Пародия на крылатое выражение «Глас народа — глас божий», восходящее к Гомеру и Гесиоду.

[2] Фогт отвечает на неизвестное письмо Герцена, написанное около 8 апреля. В нем Герцен сообщал о своем намерении переехать в Женеву и просил подыскать для него дом.

[3] Шутливый намек на начало английского национального гимна «Rule, Britannia, the waves» («Правь, Британия, на море»). *Град Кальвина* — Женева.

[4] См. об этой знатной венгерской даме, проживавшей в Женеве, в след. письме.

[5] Жером *Бонапарт* (1784—1860) — брат Наполеона I, король Вестфалии в 1807—1813 гг., французский маршал с 1850 г.

[6] *Панагия* — небольшая, усыпанная драгоценными камнями икона Божьей матери. Здесь, вероятно, употреблено в смысле «богородица» — «святая Русь».

[7] Речь идет не об альманахе Герцена, появившемся в свет лишь два месяца спустя, а о проспекте, в котором извещалось о предстоящем выходе альманаха.

18

К. Фогт — Герцену

〈Женева. 24 октября 1855 г.〉

Я был слишком занят, любезный мой друг, чтоб иметь возможность ответить на ваше письмо так быстро, как вам, быть может, хотелось бы [1]. Испытывая потребность немножко отдохнуть, я отвез свою жену в Берн и в Оберланд, а сам отправился сопровождать отца, брата и шурина на рагацкие воды, где надеялся

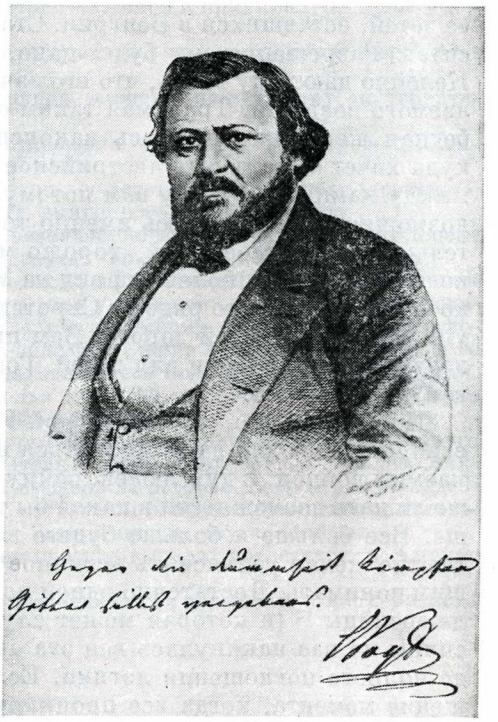
излечиться от своей мигрени. Я снова убедился в том, что социалисты бесчестные обманщики, когда утверждают, будто труд — это отчетливый признак, отличающий человека от животного, и что человек предназначен для труда. Возможно, Провидение заявило таким злополучным горемыкам, как мы, словами Гафиза:

Du trage keuchend deine Last
Dem Esel gleich und dem Kamel! [2]

Но я знаю, что натура наша резко протестует против этой обязанности — и моя особенно. И вот, любезный мой Герцен, я думал, что покинул ее, как Уланд своего сотоварища Hypochonder'a *:

Sie starb an frischer Bergesluft
An Vogelsang und Rosenduft [3],—

но она лишь дремала, и теперь, когда я стараюсь убавить горы работы, сгрудившиеся передо мной вследствие сего путешествия, она пробудилась, более живая, чем когда-либо прежде, унося у меня воскресенья, которые мне только и остаются для ведения переписки — как дозволяемое себе сугубо личное удовольствие.



КАРЛ ФОГТ

Гравюра неизвестного художника, 1863

С автографом Фогта: «Gegen die Dummheit kämpfen Götter selbst vergebens. C. Vogt» («Против глупости даже боги бессильны. К. Фогт»).

Публичная и Университетская библиотека, Женева

Путь мой привел меня и в Цюрих, где мне пришлось пробыть два дня. Там я не только осведомился о гражданине, которого мы имеем в виду, я видел и саму мадам [4]. Желая отдать визит своему другу Гильдебранду [5], я ошибся лестницей и оказался лицом к лицу с нашей нежной подругой, облаченной в свой утренний грязно-белый пеньюар. Вид змеи не мог бы произвести на нее более чудовищного эффекта. Затрепетав всеми членами, она резко прервала свою дружескую беседу с каким-то угольщиком, который, вероятно, требовал денег, и самым тщательным образом заперла дверь на задвижку. Возможно, она вообразила, что я вот-вот произведу атаку на манер Гауга! [6]

Так вот, дорогой мой, сия пара живет теперь в огромном, битком набитом жильцами профессорском доме, бок о бок с кантональной школой, отовсюду окруженная многочисленными семьями с шумливыми детьми и с девицами-пианистками, почти без денег с ничтожным кредитом и совершенно без знакомых. Г-н, как говорила мне соседка, ни с кем не видится — по вечерам он ходит в Bierkneipe **, где находит несколько друзей, известных в городе под именем «Lästrygonen» ***[7], среди них толстяк Гейн и несколько других шалопаев; в это время мадам принимает у себя итальянцев [8]. Он освистан всеми, никто с ним не здоровается в Цюрихе. Я видел, помимо своих друзей, других его старых знакомых: Фейна из Брунсвика [9], Шульца из Дармштадта [10] — все с отвращением повернулись к нему спиной; единственное знакомство, которое ему остается,— это его музыкант Вагнер.

Поговорим теперь о другом. Госпожа Карольи возвращается отсюда в Австрию. Ей угрожают конфискацией ее имущества и, находя это недостаточным, мучают

---

* ипохондрика (*нем.*).
** пивную (*нем.*).
*** «лестригонов» (*нем.*).

ее детей, оставшихся в Венгрии. Старший сын ее собирался отправиться в университет. Разрешение ему будет дано, лишь когда госпожа, его мать, возвратится! Келейно дают ему знать, что его зачислят в рекруты, как только он достигнет желаемого возраста. Травимая таким образом, вплоть до преследования ее сыновей, бедная женщина решилась наконец покинуть Женеву и переехать в Венецию, куда хочет ее залучить австрийское правительство [11]. Это еще должно оставаться между нами, но я пишу вам потому, что для вас представилась бы великолепная возможность найти здесь именно то, что вам подходит как жилье. Дом исключительно комфортабельный, хорошо меблированный, с садом и деревенским местоположением, великолепный вид на Монблан; деревня, и в то же время очень близко к городу, ибо это рядом с Сиротским домом, в двухстах шагах от porte de Cornavin, на швейцарской дороге. Вам никогда не удалось бы найти что-нибудь более подходящее для вас и для детей. Госпожа Карольи вскоре покинет дом, не позже чем через месяц.

Пишу вам это, любезный мой Герцен, ибо думаю, что пребывание в Англии вскоре начнет для вас становиться все более и более неприятным. Оборот, принимаемый войной, и дух людей, войну ведущих, вскоре будут вас все больше и больше лишать возможности в какой бы то ни было степени действовать на этом поприще. Все больше и больше будете вы изнашиваться в этой непрестанной борьбе, тщетно желая разъяснять истинное положение вещей существам, вовсе не желающим понимать. Достаточно одной новой глупости, подобной той, которую учинили джерсийцы [12] (и которая может служить ответом безумцам этого рода), чтобы со спины на вас накинулась вся эта англосаксонская раса, чей патриотизм доходит до полного поглощения логики. Если война еще продлится, я предвижу приближение момента, когда все проникнутся мнением Головина, а именно: что вы — русский шпион [13]; а если установится мир, то в этом будут убеждены еще более. Поверьте мне, пора убираться восвояси с этого проклятого острова, который становится мне до такой степени отвратительным, что я не смогу вспоминать с удовольствием даже о находящихся там друзьях.

Здесь у нас происходит некоторое обострение избирательной борьбы, что повторяется ежегодно. Вообще-то думают, что Фази снова возьмет власть в свои руки. Ему в Париже удалось выторговать заем для местной промышленности, и Фабрика смотрит на него, как на спасителя.

Я очень рад, что «Köhlerglauben» дошел до вас [14].

Брошюра эта произвела эффект удара палкой по осиному гнезду. Каждый день ругань и опровержения, писанные от руки и печатные, сыплются ко мне в дом, в то время как людская масса читает сей труд и родственные ему труды (ибо появилось несколько других писателей в том же роде) с достохвальной жадностью. Глубоко уверен, что подавляющее большинство немецкого народа убеждено в истине моих слов, и я столь же глубоко уверен, что в день, когда эти личности смогут пустить в ход свои принципы, они меня первого вышвырнут за дверь, если только им не удастся повесить меня на каком-нибудь фонаре.

Марианна от всей души приветствует вас. Мой мальчуган чувствует себя хорошо. Он бегает и разговаривает. Поцелуйте от меня детей.

Всецело преданный вам К. Фогт

Сутерр, 24 окт⟨ября⟩ 55 г. *

[1] Ответ на неизвестное письмо Герцена.

[2] «Тащи, задыхаясь, ношу свою, //Подобно ослу и верблюду!» — цитата (в немецком переводе) не из Гафиза, а из Саади («Розовый сад»). Фогт неточно цитирует это двустишие по переводу К. Г. Графа (1846).

[3] «Она умерла на свежем горном воздухе, //При пенье соловья и среди аромата роз». Найти у Уланда это двустишие нам не удалось. Возможно, что это имитация, сочиненная самим Фогтом.

[4] Имеются в виду Г. и Эмма Гервеги.

[5] Бруно *Гильдебранд* (1812—1878) — немецкий профессор, преподававший общественные науки в Марбурге и Цюрихе; один из основателей исторической школы в политической экономии.

* На автографе внизу рукой Герцена: 13, George Str⟨eet⟩, Portman Square.

Гильдебранд живо интересовался железнодорожным строительством и принимал активное участие в его финансировании.

[6] См. в «Былом и думах» рассказ о том, как Э. Гауг дал Г. Гервегу пощечину в цюрихской гостинице (X, 305—307).

[7] *Лестригоны* — описанный в «Одиссее» Гомера народ, живший, по-видимому, на территории нынешнего Крыма.

[8] Эмма Гервег поддерживала тесные дружеские отношения с итальянскими революционными эмигрантами.

[9] Георг *Фейн* (1803—1869) — немецкий журналист, участник либерального движения 1830-х годов. После провала революции 1848—1849 гг. эмигрировал в Швейцарию.

[10] Вильгельм *Шульц* (1797—1860) — немецкий революционный эмигрант, приват-доцент Цюрихского университета; в 1848 г., как и Фогт,— депутат Франкфуртского парламента.

[11] Графиня Каролина *Карольи*, урожд. Зичи,— жена прославленного путешественника графа Д. Карольи. Карольи, принадлежавший к венгерской умеренной оппозиции, играл некоторую политическую роль в 1848—1849 гг., за что подвергся тюремному заключению и был освобожден лишь под очень крупный залог. Графиня, по-видимому, жила раздельно с мужем, и ее вынуждали возвратиться из Швейцарии в области, находившиеся под суверенитетом Австрии. Упоминаемый в письме старший сын графини Карольи (один из четырех ее детей) — *Гиула* (1837—?). В 1860-х годах графиня Карольи возвратилась в Женеву.

[12] Публикация в джерсийской эмигрантской газете «Homme» (10 октября 1855 г.) резкого письма французского революционного эмигранта, писателя Ф. Пиа, к английской королеве Виктории по поводу ее недавнего визита к Наполеону III вызвала на острове Джерси ряд враждебных манифестаций против французских эмигрантов. С острова были изгнаны владелец этой газеты Л. Пьянчани, главный редактор Ш. Рибейроль, В. Гюго и многие другие эмигранты.

[13] Об отношениях Герцена с Головиным и о клеветнических выпадах последнего см. в прим. 16 к п. 16.

[14] Упоминаний об этой брошюре Фогта (см. п. 16) в сочинениях и дошедшей до нас переписке Герцена нет.

19

К. Фогт — Герцену

⟨Сутерр. 26 ноября 1855 г.⟩

Мне пришлось заставить вас долго ждать ответа, любезный мой Герцен [1]. Графиня Карольи отсутствовала, когда прибыло ваше письмо,— она поспешно уехала в Брюссель попрощаться со своей сестрой, г-жой Батиани, которая там живет. Пока же она сдала свой дом, полностью меблированный, с библиотекой и всем прочим, какому-то гамбуржцу — новость, которую я узнал только после ее возвращения, заставившего себя ждать дольше, чем я предполагал. Сдала она за 400 фр. в месяц, но только на полгода. Не сомневаюсь, что дом этот можно было бы получить и дешевле, если бы сняли на полный арендный срок. Дом крайне мил и удобен. Внизу кухня, погреб, оранжерея; на первом этаже гостиная, малая гостиная, столовая и еще одна комната; наверху не знаю, сколько комнат, шесть или семь, затем дом портье, большой сад, великолепный вид и пр.

После этого наступили выборы, целиком поглотившие меня на две недели. Изнурительный труд целой партии, словно предстояло завоевание всего мира,— а после победы [2] предстояло проглотить такое количество завтраков, обедов и ужинов, что как в нравственном, так и в физическом отношении я был совершенно расстроен. Затем отъезд г-жи Карольи — она уезжает как раз сегодня; новое издание завтраков, обедов и ужинов. Я провел этот месяц между лицевой и оборотной стороной медали — кутежом и Katzenjammer'ом * — что за прелестное времяпрепровождение!

Наш курс лекций уже начался, когда вы написали. У нас есть проект значительно реформировать Академию, расширив естественные науки и сократив бесполезные факультеты права и богословия [3]. Что же касается вашего вопроса насчет Александра, то не знаю, как и отвечать. Я был бы весьма не прочь устроить его у себя, если бы только это было возможно. Уже и теперь мы живем довольно стесненно, а тут еще мы ожидаем, в марте или апреле, увеличения семейства, что непременно повлечет за собой присутствие одной из двух бабушек, со всей суетой и всяческой неразберихой. Таким образом, место, которое я мог бы предоставить Александру, вскоре же понадобилось бы для водворения новорожденного.

---

* похмельем (*нем.*).

То, что вы мне пишете насчет Фрёбеля, внушает мне беспокойство. Он, вероятно, был не в слишком-то хорошем положении, когда вы написали ему, что предлагаете стать Hauslehrer'ом * и гувернером; а теперь это его молчание, после того как он дал согласие! [4] Мне его очень жалко, это такой симпатичный человек, и сердце у него такое доброе. Если ваши планы относительно него не осуществятся, то вот что я вам посоветую. Заставьте Александра пройти особенно тщательно курс языков, математики, истории, географии и т. п. таким образом, чтоб он оказался подкованным со всех этих точек зрения, — затем приезжайте пожить здесь, чтобы дать ему возможность в течение двух лет посещать Академию, где он сможет найти именно то, что ему понадобится, — химию, физику, наконец, — все отрасли наук, до такой степени развитые, что дают возможность отдаться специальному занятию (медицине). Я прилагаю к этому письму программу курсов, тех, что ежегодно повторяются. Курсы эти обычно длятся с конца октября до конца июня. Устроив Александру занятия в качестве интерна, а также экзамены, вы приучите его и к некоторой последовательности, и к непрерывному приложению своих знаний во всех отраслях наук, что редко достигается при домашней системе воспитания. К будущей осени он как раз достигнет того возраста, который необходим для поступления, и, обосновавшись здесь заранее, вы получите все средства направить его именно к этой цели.

Я нахожу, что вы очаровательно наивны в отношении своих трудов. Сколько нужно ухищрений, чтобы найти средство доставить вам что-нибудь из того, чем разродился, — вступаешь в бесконечную переписку с издателями, комиссионерами и пр., дабы принудить их дать согласие на доставку печатных изданий в Англию; все это прекрасно; русский же сатрап отвечает вам: «Окажите любезность, сударь, купить мои труды у книготорговца». И вы думаете, что профессор, получающий 2500 фр. жалованья в год, отец $1^3/_4$ детей имеет средства покупать «schöngeistige Literatur» ** и прочую презренную духовную политико-моральную пищу?

Создается впечатление, что великие замыслы на будущий год надвигаются с балтийской стороны. Дядя [5] обладал Москвой, Племяннику [6] надобен С.-Петербург на Неве. Фази уверяет, будто оба кузена будут вести войну вместе: Луи [7] и Плон-Плон [8]; одним глотком проглотят они Кронштадт, и Петербург окажется в их распоряжении без серьезного сопротивления.

Что до меня, то я не знаю, какой линии поведения придерживаться пред лицом этих событий. Я дохожу до блаженного состояния филистеров, которые всегда рукоплещут победителям, лишь бы события происходили вдалеке от них и покой их не был нарушен. Союзники отброшены от Малахова кургана! Браво! Русские прогнаны с Малахова кургана! Браво! В этот бессмертный день погибло 30 000 человек! Браввиссимо! Взорвалось 30 000 кило пороху! «Magniperbe!» ***, как выражаются прусские офицеры. Меня все устраивает — полный разгром союзников, полный разгром России, — хоть бы все они истекли кровью вплоть до последнего человека и последнего гроша. Впрочем, из всего этого вскоре родится новая эра — разве не удались женевские выборы? Не отрицайте же перста божьего! Навозу надлежит догнить, чтобы стать доброкачественным, — ваша прогнившая Англия послужит, быть может, удобрением для цивилизации. Только я лично трепещу от страха, видя, как сажают в подготовленную таким образом почву русские или польские огурцы. Со времени появления холеры я не чувствую свой желудок достаточно крепким для их переваривания. Откровенно говоря, дорогой мой, эти блюда, подаваемые дружинами под наблюдением св. Сергия и в честь госпожи богородицы, мне совсем не подходят. Действительно, панагии имеют много сходства с божьими матерями, даже если они лоретские [9]. Австрия, со своим конкордатом, показывает, куда все это ведет [10]. Предвечный отец решительно берет верх, признаюсь в этом, а вам хорошо известно, что, как только сей старец начинает

---

* домашним учителем (*нем.*).

** «художественную литературу» (*нем.*).

*** «Сверхвеликолепно!» (франц. неологизм, составленный из начала слова magnifique и конца слова superbe). — *Ред.*

править, прощай логика! Прощай философия истории! Он настолько погружается в пьянство, что перестает уважать даже факты!

Прощайте, дорогой мой, от души приветствую вас и целую детей.

Всецело преданный вам К. Фогт

Сутерр, 26 ноября 1855 г.

[1] Ответ на неизвестное письмо Герцена.

[2] На женевских кантональных выборах 12 ноября 1855 г. радикалам снова удалось взять в свои руки власть после поражения, которое они потерпели двумя годами ранее.

[3] В 1854 г. Дж. Фази, находившийся тогда в оппозиции, предложил упразднить юридический факультет женевской Академии и стал выступать с нападками на факультет богословский. Его противники, находившиеся тогда у власти, разумеется, не приняли его предложений и ограничились тем, что отменили обязательное посещение студентами юридического и богословского факультетов лекций, читавшихся Фогтом. Возвратившись к власти, Фази собирался осуществить эти свои планы, но ввиду явного противодействия внутри Государственного совета он от этого отказался.

[4] В не дошедшем до нас письме Герцен предложил Юлиусу *Фрёбелю* (1805—1893), немецкому писателю, политическому эмигранту, в прошлом депутату Франкфуртского парламента, возвратиться из Америки к нему в Лондон и взять на себя воспитание его сына. Фрёбель вначале принял это предложение, но вскоре от него отказался. Он возвратился в Европу в 1857 г.

[5] Наполеон I.

[6] Наполеон III.

[7] Луи Бонапарт (Наполеон III).

[8] См. предисловие к наст. публикации, с. 91—92.

[9] Церковь Лоретской божьей матери в Париже расположена вблизи кварталов, где селились дамы «легкого поведения», называвшиеся поэтому лоретками.

[10] В своей борьбе с национальными и либеральными тенденциями австрийский министр А. Бах опирался на католическое духовенство. По его предложению подвергся осуждению принцип национальной независимости, взамен чего австрийское правительство заключило с папой 18 августа 1855 г. конкордат, освобождавший духовенство от опеки государства, позволявший церкви регулировать свои отношения со светскими властями посредством канонического права и полностью передававший ей руководство народным образованием, цензурой и законодательством о браке.

20

Герцен — К. Фогту

1 décembre ⟨1855⟩. Richmond

Cher ami!

C'est une fête pour moi de lire vos lettres — hier nous avons ri comme des fous avec m-lle Meysenbug [1] et Domengé [2] — un de mes amis,— primo, de votre «magniperbe» et, secondement, de «l'engrais pour la civilisation future...» [3]. Oh, vous avez mille fois raison!

Frœbel a agi au moins très californiennement [4], pour ne pas dire de plus — après m'avoir fait attendre 6 mois, pendant lesquels il m'envoyait son journal [5] — et me laissait dans l'espérance qu'il viendrait — m'écrit qu'après avoir maintenant pensé — il croit mieux de rester à New York, vu entre autres mes opinions trop extrêmes [6]. Je ne lui ai rien répondu. Pour six mois je reste encore ici, dans un quartier éloigné de Londres et je ferai faire des études chimiques et physiques à Alexandre. Pour la chimie, je l'enverrai aux cours de Hoffmann [7] (c'est un des élèves de Liebig [8], est-ce que vous le connaissez?). Pour la physique je ne me suis pas décidé, et en outre je le forcerai de s'occuper beaucoup du dessin — l'été prochain je viens bien positivement à Genève.

Vous me faites des reproches que je n'ai pas du tout mérité concernant les livres. Ce pays est tellement sauvage, qu'il n'y a presque aucune possibilité (sauf la poste, c'est à dire en payant le port *des lettres*) d'envoyer q⟨uel⟩q⟨ue⟩ chose. J'ai travaillé cinq mois pour avoir un exemplaire de mes mémoires en allemand [9]. J'écrirai pour le second volume à Hoffmann et Campe — qu'on vous l'expédie [10], mais cela sera l'histoire de votre brochure, que je n'ai reçu que trois mois plus tard.

A côté des roses — des épines. Après avoir été porté aux nues par tous les journaux, le *Morn⟨ing⟩ Advertiser* m'attaque avec furreur, et tout cela travail anglais, c'est-à-dire grossièreté, entre cabaret et ruisseau, anonyme et bête [11]. Vous avez pour

cela le plaisir de leur cracher à la figure (cela ne coûte rien), de les frapper par la canne (5 liv⟨res⟩ sterl⟨ing⟩ d'amende)... enfin, de leur tuer, mais là la note du restaurant est par trop chère... cela serait de l'épicuréisme.

A propos, vu les élections et les sommités occupées par des amis, ne pourriez-vous pas donner un conseil? Il y a un homme très docte, très distingué à Hambourg. Son nom est Volkhaus, il est historien et philologue et voudrait avoir une place de professeur en Suisse [12]. Pensez-vous que cela soit possible? ... et comment?

Ecrivez-moi à la nouvelle maison, l'adresse est barbare:
1, Petersborough Villas
Finchley — New Road
St.-John's Wood. Londres.

Si vous omettez q⟨uel⟩ q⟨ue⟩ chose, vous pouvez être sûr que la lettre n'arrivera pas.

L'opinion s'est changée dans la question des réfugiés, personne ne défend la lettre de Pyat [13], mais tous les journaux pudiques repoussent *l'Alien-bill*, nous verrons dans deux semaines si le ministère osera proposer la loi ou non [14].

Saluez de ma part les monarques Fasi, Tourte etc.

Tout à vous
A. Herzen

J'embrasse l'un + les $^3/_4$ [15] et je serre la main à votre épouse.

Donc, Dameth est professeur d'Economie politique... Pourquoi pas Mattieu?

Перевод:

1 декабря ⟨1855 г.⟩ Ричмонд

Любезный друг!

Для меня это праздник — читать ваши письма,— вчера мы смеялись, словно сумасшедшие, с м-ль Мейзенбуг [1] и Доманже [2] — одним из моих друзей,— во-первых, над вашим «magniperbe», и, во-вторых, над «удобрением для будущей цивилизации...» [3] О, вы тысячу раз правы!

Фрёбель действовал, по меньшей мере, весьма калифорнийски [4], чтобы не сказать больше,— заставив меня ждать 6 месяцев, в продолжение которых он посылал мне свою газету [5] и оставлял меня в надежде, что приедет,— он пишет мне, что ныне, поразмыслив, полагает, будто ему лучше остаться в Нью-Йорке, поскольку мои убеждения — не говоря уже обо всем прочем,— донельзя крайние [6]. Я ему ничего не ответил. Еще на полгода я остаюсь здесь, в отдаленном квартале Лондона, и заставлю Александра заниматься химией и физикой. Что касается химии, то я отправлю его прослушать курс Гофмана [7] (это один из учеников Либига [8], знаете ли вы его?). Относительно физики я еще не решил и помимо этого предмета заставлю его много заниматься рисованием — будущим летом я, безусловно, поеду в Женеву.

Вы делаете мне упреки, совсем не заслуженные мною, касательно книг. Страна эта до такой степени дика, что нет почти никакой возможности (кроме как по почте, то есть страхуя по расценке *писем*) что-нибудь посылать. Я трудился пять месяцев, чтобы заполучить один экземпляр своих мемуаров на немецком языке [9]. Напишу насчет второго тома Гофману и Кампе — чтобы вам его выслали [10], но это будет та же история, что с вашей брошюрой, которую я получил лишь спустя три месяца.

Да, роз без шипов не бывает. Превозносимый прежде до небес всеми газетами, я подвергаюсь теперь бешеным нападкам «Morning Advertiser», и все это аглицкой работы, то есть грубо, грязно, словно сточная канава, безымянно и глупо [11]. За это вы можете доставить себе удовольствие плевать им в рожу (это совсем бесплатно), колотить их тростью (5 фун⟨тов⟩ стер⟨лингов⟩ штрафа)... и, наконец, убивать их; однако за сие последнее ресторанный счет непомерно велик... это уж было бы эпикуреизмом.

Кстати, в связи с выборами и высшими постами, занятыми друзьями, не могли ли б вы дать совет? Есть человек, весьма ученый, весьма примечательный в Гамбурге. Имя его Фолькгауз, он историк и филолог и хотел бы получить место профессора в Швейцарии [12]. Как, по-вашему, возможно ли это и каким образом?

Напишите мне на новый мой дом (адрес варварский:
1, Petersborough Villas
Finchley — New Road
St.-John's Wood. Лондон)

Если же вы что-нибудь пропустите, то можете быть уверены, что письмо не дойдет.

Взгляд на изгнанников изменился, письмá Пиа никто уже не защищает [13], однако все целомудренные газеты отвергают *Allien Bill* *; итак, мы через две недели увидим, осмелится министерство предложить этот закон или же нет [14].

Передайте привет от меня монархам Фази, Турту и пр.

Всецело преданный вам

А. Герцен

Целую одного + 3/4[15] — и жму руку вашей супруге.

Итак, Дамет — профессор политической экономии... Почему же не Матьё?

[1] Мальвида *Мейзенбуг* (1816—1905) — с 1853 г. воспитательница дочерей Герцена.

[2] Жозеф Жан Мари *Доманже* (1826—?) — французский революционер, участник февральских и июньских боев 1848 г., после 2 декабря 1851 г. эмигрировал в Англию; друг Л. Блана, учитель сына Герцена. Герцен познакомился с ним в 1854 г. через Л. Пьянчани. Через некоторое время Доманже переехал на жительство в Женеву. Имя его часто встречается в переписке Герцена.

[3] См. предыдущее письмо.

[4] Вероятно, Герцен употребляет это слово в смысле «крайне бесцеремонно», сравнивая Фрёбеля с калифорнийскими золотоискателями, среди которых преобладали всякого рода авантюристы.

[5] Вероятно, «New-Yorker Abend-Zeitung».

[6] Это письмо Ю. Фрёбеля к Герцену неизвестно.

[7] Август Вильгельм *Гофман* (1818—1892) — известный немецкий химик; с 1845 до 1864 г. стоял во главе лондонского Королевского химического колледжа.

[8] Юстус *Либих* (Либиг; 1803—1873) — виднейший немецкий химик. Фогт в течение шести месяцев работал в его гисенской лаборатории, затем встретился с ним как коллега в университете того же города, где он преподавал в 1847—1848 гг.

[9] Выпущенное в Гамбурге издательством «Hoffmann und Campe» на немецком языке, в трех томах, издание «Былого и дум».

[10] Это письмо Герцена к Ю. Кампе неизвестно.

[11] См. открытое письмо Герцена к издателю «Morning Advertiser», озаглавленное «Моя ссылка в Сибирь» (XII, 303—304).

[12] Карл *Фолькгауз* (Фольгаузен) — немецкий публицист, знакомый Герцена и его переводчик; впоследствии автор статей о Герцене.

[13] См. об этом во вступительной статье к разделу «Герцен и Англия».

[14] Об *Allien Bill* см. XIII, 567—568.

[15] Шутливый намек на сына Фогта и ожидаемого Фогтом второго ребенка.

21

К. Фогт — Герцену

⟨Сутерр. 5 марта 1856 г.⟩ [1]

Любезный мой друг!

Тщетно ожидал я вашего Шурца [2], гоняющегося, как мне кажется, за какой-нибудь *Шурцихой* [3], судя по переменам, столь внезапно внесенным в его планы путешествия. Два дня тому назад я получил от него письмо из Монтрё, в котором он мне говорит, что приедет, быть может, позднее, и поручает мне отправить вам ваши пистолеты и русские или итальянские стихи с девицей Галер [4]. Но сия девица уже три года как находится в Веймаре или на польской границе в качестве преподавательницы, и я ума не приложу, как разузнать ее адрес, поскольку здесь у нее уже никого нет, и как доставить ей эти вещи. Впрочем, вы сами сюда приедете, ибо мир, по-видимому, вот-вот будет заключен [5], и вы тогда найдете свои пистолеты совершенно заряженными, дабы иметь возможность применить их против цивилизации, которая к тому времени будет считать себя вне всякой опасности.

Что до меня, то я теперь сильно обременен работой и не знаю, за что хвататься. Публика до того обезумела, что потребовала от меня второго публичного и бесплатного курса лекций о геологии, которые я читаю три раза в неделю, вечерами, в 8 часов, в зале Большого совета; она всегда битком набита. Вы можете себе по-

* Закон о чужестранцах (*англ.*).

этому представить, насколько далек я от конференций и как мало занимают меня последствия, извлекаемые биржей из зубной боли г. Бруннова или мигрени г. Буоля [6]. Я верю в мир и в предстоящее падение Англии — морские державы недолговечны, франко-русский союз очевиден; он будет заключен, и вы правы, Ионатан [7] благословит. Вы увидите, дорогой мой, что мы самым роковым образом вынуждены будем искать себе на Востоке или в Южной Америке место, где нам по крайней мере позволят самостоятельно думать и предоставят свободу высказывать свои прекрасные мысли обезьянам и прочим снисходительным лесным зверям.

Пока же, однако, сделаем то, что нам еще возможно сделать. Мы деятельно готовимся основать здесь политико-научно-литературную газету, выходящую раз в неделю и высоко держащую знамя независимости от всякого авторитета, будь он абсолютистским или так называемым революционным. Клапка участвует в нем так же, как другие; я же возьму на себя редактирование научной части [8]. Это послужило бы полем и для вашей деятельности, которой St. Custom * — великий святой англичан — мешает плодоносить в Англии. Действительно, вам необходимо покинуть этот ростбиф, плавающий в блюде, наполненном соленой водой.

Наше радикальное правительство совсем на распутье; Фази плывет по течению, водоворот долгов вскоре поглотит его. Он больше не знает, где преклонить голову, и продался бы дьяволу, чтоб избавиться от судебных приставов. Корни дела Марилле [9] — в глубине пустого кошелька, так полагают все. Именно эта злополучная ультрамонтанская интрига сломит нам шею — если только какое-нибудь милое европейское осложнение не спасет нас от народного потопа. Мне уже достаточно осточертели эти пошлые хитрости, пускаемые в ход, чтобы спасти еще более пошлое будущее, и я понемногу отдаляюсь от женевской политики — и бываю доволен, когда меня не подтаскивают за волосы, чтобы в нее слегка окунуть.

Я должен предпринять в ближайшее время еще один крестовый поход против Либига и других прежних друзей, желающих во что бы то ни стало быть бессмертными и в какой-то мере вылепленными десницей всевечного и всемогущего бога. Уверяю вас, что и я устал от этого — глупость, действительно, подобна Лернейской гидре — у нее отрастает по две головы вместо каждой из отрубленных голов, и конца этому не видать. Можно подумать, что вся Германия строчит теперь подобные сюжеты, — у меня есть портфель, в который я бросаю все материалы, касающиеся сего сюжета, — и портфель этот так непомерно вздувается, что опасаюсь, как бы из него не вылезли близнецы.

То, что вы говорите об Энгельсоне, почти не радует. В этом человеке было много от обезьяны, и жена держит его за чувствительную струну. Вина, впрочем, ложится на вас; вы были слишком беспощадны к капризам и жеманничанью этого жалкого создания, и она мстит теперь на свой лад. Кошка и обезьяна могут совместно произвести нечто исключительное в смысле коварства и характера. Она скажет: «In gärend Drachengift hast du die Milch der frommen Denkart mir ver wandelt» [10]. А ведь вы знаете, что еще Коля заметил: «Sehr viel Milch!»[11] Станьте же в положение человека, который считает себя импотентом, каким, быть может, он действительно является, и которому его жена вдруг представляет доказательство обратного! Поистине, друг мой, я стал бы сомневаться в законах природы, если б Э⟨нгельсон⟩ полностью не находился под нижней юбкой своей жены.

Очень рад, что вновь увижу Александра и малюток. Что касается моего мальчика, то он чудесно развивается, и, не переставая уверять себя, что друзья льстят ему, чтобы сделать мне приятное, я тем не менее подпадаю под эти влияния. Три четверти в будущем месяце превратятся в целое; надеюсь и не скрываю, что хотел бы видеть этот момент уже позади. Не каждая женщина становится виртуозкой в этом отношении.

---

* Св⟨ятой⟩ Обычай (*англ.*).

ЖИТЕЛЯМ ЛОНДОНА СООБЩАЮТ ОБ ОКОНЧАНИИ КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ
Лондон, 30 марта 1856 г.
Гравюра по рисунку Ч. Виргмана, 1856
«Illustration», 10 мая 1856 г.

Прощайте, любезный мой друг, поцелуйте от меня детей. Марианна сердечно приветствует вас.

Всецело преданный вам К. Фогт

Сутерр, 5 марта 56 г.

[1] Ответ на неизвестное письмо Герцена.

[2] Карл *Шурц* (1829—1906) — немецкий политический деятель, участник революции 1848 г. Находился в эмиграции в Швейцарии и Англии, а в 1852 г. переехал в Соединенные Штаты Америки, где приобрел почетную известность как организатор республиканской партии и талантливый оратор. В 1855 г. он возвратился в Европу и собирался в начале 1856 г. посетить Фогта в Женеве (см. XXV, 331—333).

[3] В подлиннике каламбур: Фогт переводит дословно на французский язык немецкое выражение «Er läuft jeder Schürze» («Он гоняется за каждой юбкой»), причем слово «Schürze» («передник») соответствует женскому роду фамилии Шурц.

[4] Это письмо К. Шурца к Фогту неизвестно. 14 февраля 1856 г. Герцен писал М. К. Рейхель: «Если вы успеете, то передайте Шурцу, что я прошу *m-selle Gallère*, которая едет в Лондон к Мильнер-Гибсон детей воспитывать, привезти мне от Фогта мои пистолеты, стихотворения Кольцова и Leopardi...» (XXV, 333). О Луизе Галер см. ниже, в разделе «Сообщения и публикации».

[5] Парижский мирный договор между Россией и ее противниками, Англией и Францией, был подписан 30 марта 1856 г.

[6] Филипп Иванович *Бруннов* (1797—1875) — русский дипломат немецкого происхождения, представлявший Россию вместе с графом А. Ф. Орловым на Парижском конгрессе; Карл Фердинанд фон *Буоль* (1797—1865) — австрийский министр иностранных дел; представлял на Парижском конгрессе Австрию.

[7] *Ионатан* (Джонатан) — распространенное в XIX в. название Соединенных Штатов Америки (ср. X, 121 и 473).

[8] Этот проект реализован не был.

[9] Епископ фрибургский, лозаннский и женевский Э. Марилле, арестованный и изгнанный из Швейцарии, проживал во Франции, невдалеке от границы с Женевским кантоном. Дж. Фази,

который, в противовес протестантским консерваторам, опирался на крестьян-католиков и был в значительной мере обязан им своим возвращением к власти в 1855 г., объявил от имени своего правительства в январе 1856 г., что епископ может возвратиться на женевскую территорию в качестве простого гражданина. Несколько дней спустя воинствующие радикалы, крайне недовольные этим, произвели нажим на правительство и заставили, в отсутствие Фази, отменить это решение.

[10] *«И в яд змеиный превратил во мне// Ты молоко благочестивых мыслей»* — из «Вильгельма Телля» Ф. Шиллера (действие IV, сцена 3. Перевод Н. Славятинского).

[11] Имеется в виду выражение малолетнего сына Герцена, Коли, сказавшего по-немецки, глядя на пышную грудь А. Х. Энгельсон: «Очень много молока!» (см. X, 350).

22

К. Фогт — Герцену

‹Сутерр. 9 апреля 1856 г.› [1]

Наконец-то он родился, этот мир, и мой мальчик тоже! [2]

На самом деле, любезный мой Герцен, второй появился с меньшими мучениями, нежели первый, — в тот момент, когда я бросился искать повивальную бабку, а моя теща, до сих пор изучавшая это дело только на себе самой, великолепно из него выпуталась. Жена моя предпочла бы, чтоб это была девочка, — но и на сей раз произведение входит в ту категорию, о которой высечено по императорскому приказу перед Вайнсбергом:

Komm'ich hinein, dann, dass Ihr's wisst,
Soll sterben, was die Wand bepisst! [3]

Итак, до сей поры он живет себе распрекрасно, и у него такой вид, что он не прочь продолжать это радостное существование, несмотря на мир и франко-русский союз! Мать тоже чувствует себя так хорошо, насколько это возможно; она встала сегодня (7-й день) на несколько часов, не слишком утомившись от этого, и страшно довольна, что может сама кормить его грудью.

Об этом мире здесь не знают что и сказать! Дела возобновляются с большим размахом, жаль только, что радость не совсем соответствует выгодам. Как бы испытываешь глухое предчувствие, что поглощенная войной энергия вот-вот обратится внутрь и та малая толика свободы, которая еще существовала в Европе, вскоре будет орловизирована или наполеонизирована [4]. Мне кажется, дорогой мой, что ваше Министерство народного просвещения и моя должность главы русских университетов и академий заставят еще себя ждать [5]. Тем хуже для русских!

Но этот переезд в Швейцарию — долго ли еще его будут откладывать? Берегитесь излишне сердечного согласия! Как бы оно не закрыло вам проезд.

Г-жа Жеребцова умерла [6]. Полагают, что ее загородный дом будет продаваться. Здесь ожидается множество русских нынешним летом; одной гувернантке обещали место в каком-то из прибывающих семейств, заявив ей: «Мир заключен; русским разрешат ездить в Европу. Обеспечить себе достаточное число учителей и гувернанток им не удастся».

Вы совершенно правы насчет Либига [7]. Его рассуждение настолько глупо, что меня не удивляет то, что он до сих пор еще не опубликовал свою речь и оставил ее в состоянии журнальной тени, поймать которую нельзя. Конечно, мы никогда не забывали и достаточно громогласно проповедовали, что форма соответствует и функциям, и свойствам. Но разве у алмаза нет других свойств, кроме свойства углерода, а у рубина и сапфира — других, кроме окиси алюминия? И все же эти тела отличаются друг от друга своей формой, расположением молекул. Должно ли сказать химику, что существуют сложные изомерные тела, имеющие весьма различные свойства и в то же время одинаковый химический состав? И можно ли извлечь из этого следствие, что каждое особое расположение молекул является результатом смеси, созданной рукой предвечного отца?

Но вы поймете, что я устал от непрестанного пережевывания одного и того же. Всему бывает конец — вечная душа и предвечный отец начинают вызывать у меня тошноту... Одно и то же под конец надоедает! У меня постепенно скапливается це-

лая библиотека, потоп брошюр, в котором немцы топят теперь этот вопрос, и я начинаю понимать, почему Фази вечно жалуется на то, что журнальные прения растлевают все его финансовые и законодательные проекты и отнимают у них очарование и первобытную свежесть.

Вы извините мою краткость обстоятельствами, в которых я нахожусь. Шурца я не видел; все более и более предполагаю я, что этот Schürze * привязали к einen Weibrock **.

Прощайте, любезный мой друг, поцелуйте как следует детей и сделайте так, чтобы можно было вскоре поцеловать их лично.

Всецело преданный вам К. Фогт

Сутерр, 9 апреля 56 г.

[1] Ответ на неизвестное письмо Герцена.

[2] Парижский мир был заключен 30 марта; сын Фогта, Карл Вильгельм, родился 6 апреля.

[3] Фогт неточно цитирует здесь две строки из стихотворения Г. А. Бюргера «Женщины из Вайнсберга», в котором император Конрад угрожает повесить всех мужчин в городе, если будет продолжаться сопротивление его войскам. Вторая строка цитаты — выражение из Ветхого завета в переводе Лютера, относящееся к лицам мужского пола.

[4] Граф А. Ф. Орлов был первым уполномоченным России на Парижском конгрессе. Фогт намекает здесь на возможность введения в Западной Европе российских самодержавных порядков или же диктатуры Наполеона III.

[5] Герцен шутливо приглашал Фогта переехать в Россию, после совершения там революции, на должность президента Академии наук, а за собой оставлял пост министра народного просвещения.

[6] Жеребцова умерла 12 февраля 1856 г.

[7] Какое суждение Герцена о Либиге имеется здесь в виду, неясно.

23

К. Фогт — Герцену

⟨Сутерр. 8 мая 1856 г.⟩

Любезный друг!

Вы видите из приложенного листка, что я занимался вашим делом. Это результат моего последнего посещения загородного дома Ж⟨еребцовой⟩ [1]. Мне говорили, что граф вот-вот приедет; что он почти вынужден продать, так как сын его несовершеннолетний, а сам он едва ли в состоянии управлять недвижимостью на расстоянии, и я воздержался от последующих визитов в большой дом, который был закрыт для составления описи имущества усопшей.

Вот неожиданный удар, путающий мои планы. Вам известно, что принц Наполеон вскоре совершит морскую прогулку по Северу; что «Королева Гортензия» посетит берега Ирландии, Шотландии, острова на севере Шотландии, Исландию, Гренландию, Лапландию, Норвегию; полагаю, что намереваются добраться даже до Копенгагена. Так вот, Шарль Эдмон, сопровождающий Плон-Плона, так много сделал — и ногами и руками, — что меня недавно прикомандировали к экспедиции в качестве натуралиста. Только что я получил от него письмо, в котором он назначает отплытие на 1 июня и просит меня уладить множество дел, отнимающих у меня теперь все мое время. Выеду я отсюда 22-го числа, рассчитывая несколько дней пробыть в Париже.

Не смешно ли видеть рейхсрегента [2] в качестве научного руководителя Плон-Плона? По этой-то причине сей последний сильно отбивался, говоря, что не желает немца, но Эдмон так хорошо описал ему невозможность подобного путешествия без меня, единственного человека, кое-что знающего о морских животных, — в этом он мог сам увериться во время своего пребывания в Ницце, — а наш тиран Джемс ⟨Фази⟩ так славно ему вторил, когда в последний раз останавливался в Париже, что Плон-Плон в конце концов сдался. Нужно ли говорить, что согласие я дал с безграничным удовольствием, — подобный случай мне никогда больше не представится, и черт меня побери, если дело не кончится тем, что Плон-Плона удастся

* передник (*нем.*).

** женской юбке (*нем.*).

убедить, что для создания истинно научной книги потребуется продолжительное пребывание в последующие годы на живописнейших местах побережья.

Поскольку путешествие должно продлиться только три месяца, я могу спокойно оставить здесь свою семью, которая процветает, несмотря на корь, недавно подхваченную моей женой. К счастью, она уже выздоравливает. Мои малыши чувствуют себя превосходно — лето уже у порога, хотя на Салеве все еще снег и холод, — поэтому-то я и могу себе позволить эту эскападу с принцем, она меня несколько освежит. Что вы об этом скажете? Значительных результатов науке это не принесет, потому что едут сломя голову, но это даст мне общий взгляд на те места и, возможно, случай лучше поработать в будущем году [3].

Будут заходы в Корк, Дублин, Эдинбург, Глазго. Я сообщу вам точную дату нашего прибытия в Эдинбург. Экскурсия из Лондона занимает лишь несколько дней и, как говорят, — это одно из красивейших мест в мире. Приезжайте-ка туда поздороваться с нами; у меня сильнейшая потребность повидаться с вами.

Всецело преданный вам К. Фогт

Сутерр, 8 мая 56 г.

Мне говорят, что покупка загородного дома, приносящего 5%, — это химера для всего Женевского кантона, что в окрестностях города они приносят только $2^1/_2$%.

Я видел Пинто [4] — он рассказал мне о почестях, которых удостоился Александр II [5]. Можно ли еще называть его Сашей?

[1] Приложение не сохранилось.

[2] Во время революции в Германии Фогт был избран Франкфуртским парламентом (6 июня 1849 г.) членом Имперского регентства. Через двенадцать дней и парламент и Регентство были разогнаны, так что этот почетный пост, в сущности, являлся почти фикцией, и сам Фогт нередко иронизировал над своим «высоким званием».

[3] Внезапное заболевание с симптомами тифа помешало Фогту принять участие в этой экспедиции, которая должна была начаться отплытием яхты «Королева Гортензия» из Гавра 15 июня. Принц «Плон-Плон» решил, что внезапная болезнь Фогта притворна, а отказ его участвовать в экспедиции вызван влиянием его радикальных друзей — Маццини или Герцена, — и он в течение некоторого времени сохранял к нему недоброжелательное чувство (см. XXVI, 355).

[4] М. А. Пинто незадолго до того побывал у Герцена (см. XXV, 338—339).

[5] Шутливое прозвище сына Герцена Саши, прочитавшего в домашнем кругу лекцию, в связи с празднованием дня рождения отца (XXV, 336). В ответном, несохранившемся письме к Фогту Герцен предложил ему взять с собой в эту экспедицию к северным берегам Европы Сашу (см. XXV, 345).

24

К. Фогт — Герцену

⟨Сутерр. 10 октября 1856 г.⟩ [1]

Любезный мой друг!

Я тотчас же отправил письма ваши к Шаллеру — полагаю, что ответ вы уже получили [2]. Разве Шарль Эдмон при удобном случае не мог бы осуществить ваши желания при помощи своего принца? Они, должно быть, теперь возвращаются [3].

Только что мы подверглись посещению госпожи Писовской или какой-то другой пи́сающей особы *, с которой вы прислали мне письмо [4]. Ну и уморительная же это особа... Она не прочь была бы поместить своих мальчиков совсем даром; за них у нее просят тысячу франков в год с головы, и это вызывает у нее негодование. Никогда не видел я столь сумасбродной башки, не знающей, чего хочет; не помнящей, чего хотела; бьющейся о стену по каждому поводу; говорящей о тысяче вещей одновременно; извергающей сотню вопросов, не дожидаясь ответа ни на один из них. Ей-богу, дорогой мой, вы, как мне кажется, сильно деградировали в отношении прекрасного пола. Сначала этот пропитанный мускусом кошелек — Мильнер [5], а затем эта пестро раскрашенная шкатулка — Писовская... Прошу вас, присылайте мне сколько хотите мужчин, но только не женщин.

* В автографе последние четыре слова кем-то зачеркнуты.— *Ред.*

Она хочет отправиться в Италию, будучи художницей в душе, — и не знала — в Италии ли Флоренция, дальше ли отсюда Неаполь, чем Рим, и лежит ли Венеция на пути из Неаполя в Рим или из Рима в Геную. Этот последний вопрос очень ее беспокоил; к нему она возвращалась раз пять в течение дня. Торговалась она так, что вогнала нас в краску, когда договаривалась о пансионе для своих детей, которых покидает без зазрения совести, — торговалась обо всем, даже об их пропитании, предлагая ничего не давать им есть с самого полудня; скажу в заключение, что она купила себе, за трое суток до отъезда, полфунта коровьего масла, которым намерена была поддерживать жизнь в продолжение своего путешествия и которое носила в своем ридикюле. Хоть выбрала бы она свой национальный жир — животное сало, — это не прогоркло бы в пути. Наша первая беседа: «У меня письмо к вам от г. Гэрцна». — «Гэрцн? Такого не знаю. Ах, это от Герцена?» * — «О! да, сударь. Будьте моим ангелом-хранителем... Не правда ли, вы горячая голова, как г. Гэрцн? — ах! что за пламенная душа — Сахара: ему надлежало бы родиться в Италии. И я хотела бы в Италию — далеко ли она отсюда?» — «Нет, сударыня, вы видите ее из моего окна». — «В самом деле? Это странно! Ах! я художница в душе, мне необходимо отправиться в Италию, я хочу туда, я желала бы там умереть. Но что же мне делать со своими мальчиками? Ах! сударь, два мальчика, где я их пристрою? Посоветуйте мне, у меня к вам полное доверие... Вы мне раздобудете также какого-нибудь попутчика для поездки со мной в Италию!.. Я сделала так, что меня поместили в газете... Это даст мне известность. Не правда ли, вы отыщете мне гувернера для моих мальчиков — а также гувернантку, я обещала одной подруге найти ей гувернантку. Очаровательная особа — она живет в деревне — но она добра, добра, так добра...».

Меня уже больше не удивляют романы Гоголя, мой дорогой, после этого знакомства. Всемилостивейший боже! Если у вас есть еще много подобных образчиков в России, то продолжение «Мертвых душ» не составляет особого труда.

Я почти в том же положении, что и вы. Я должен весной покинуть Сутерр, так как Дюшозаль сам хочет здесь жить. Жером Патюро в поисках жилища [6]. Я бегаю по загородным домам, словно голь перекатная, сквозь туман и дожди, — и ничего не нахожу. Если мне попадется загородный дом, достаточно обширный, чтобы в нем могли поместиться все мы — вы, Огарев и я, — то завладею им без всяких церемоний.

Всецело преданный вам К. Фогт

10 окт⟨ября⟩ 56 г.

Дайте же мне разъяснения насчет финансового положения сей жертвы общества, которой пришлось поступиться искусствами ради семьи. «Ах, сударь, нельзя одновременно производить на свет детей и картины — мне пришлось покинуть последние — у меня четверо детей». — «Но почему же у вас их так много, сударыня?» — «Ах, сударь (с бессмысленной паузой и взглядом, устремленным в небо), ах, сударь! вы правы! Мне не следовало бы выходить замуж, и особенно за столь молодого мужчину, который произвел мне столько детей!»

Боюсь, как бы она так и не забыла этих своих детей и ⟨не⟩ оставила их на хребте этого бедняги, который собирается держать их на пансионе, не давая им есть [7].

[1] Ответ на неизвестное письмо Герцена.

[2] В это время Герцен собирался поехать на несколько месяцев в Женеву, чтоб устроить там своего сына. Для этого требовалась транзитная виза через Францию. Ехать через Германию он опасался, так как мог быть арестован и выдан России, а делать круг через Гибралтар и Италию ему не хотелось. Герцен надеялся, что окажет содействие швейцарский Федеральный совет (этот ход посоветовал Фогт в одном из не дошедших до нас писем): поскольку Герцен являлся гражданином Швейцарии, швейцарское правительство обязано было облегчить ему приезд на свою новую родину. С этой целью Герцен написал во Фрибургский государственный совет — без сомнения, через посредничество Ю. Шаллера. Вот что по этому поводу говорится в реестре решений Фрибургского государственного совета от 22 октября 1856 г.:

«Управление полицией, по просьбе Александра Герцена, уроженца Москвы, но натурализовавшегося во Фрибурге 6 мая 1851 г., предлагает просить Федеральный совет о ходатайстве

* По-французски фамилия Herzen произносится «Эрсэнн».— *Ред.*

перед французскими властями, чтоб он мог проехать через Францию, дабы возвратиться в Швейцарию, на его новую родину,— в разрешении на это ему до сих пор отказывала французская миссия в Лондоне и министр внутренних дел под предлогом, что путешествие его имело политическую цель.— П р и н я т о».

10 ноября 1856 г.: «Управление Министерства внутренних дел представляет проект письма в Федеральный совет; в нем содержатся сведения насчет г. Александра Герцена ‹. . .› и о цели его поездки в Швейцарию.— П р и н я т о».

16 декабря 1856 г.: «Федеральный совет извещает, что посол Швейцарии в Париже предпринял демарши перед французским министром иностранных дел с тем, чтобы г. Александр Герцен, натурализованный во Фрибурге, смог пересечь французскую территорию; ему было отвечено, что важные соображения вынудили его отказать г. Герцену в августе месяце в разрешении пересечь французскую территорию и что ему невозможно пересмотреть это решение. Ответ этот будет сообщен г. Герцену, причем ему объяснено будет, что ответ сей до такой степени категоричен, что новый демарш был бы бесполезен».

Этот ответ, переданный через швейцарского консула в Лондоне, несколько задержался, так как консул, не зная адреса Герцена, возвратил письмо во Фрибург, откуда 30 декабря оно снова было отправлено наконец адресату (*ААН*, 171). Сообщая об этом в «Былом и думах», Герцен, видимо, по ошибке датирует письмо Федерального совета 19 октября (XI, 484—485). В это время Герцен вел переговоры с фрибургским правительством о совсем другом деле: он пытался изъять из кантонального банка положенный им при натурализации вклад — 25 000 фр., однако это оказалось делом, гораздо более трудным, чем он ожидал (см. след. письмо).

[3] Фогт рекомендовал Герцену прибегнуть к помощи принца Наполеона для получения транзитной визы через Францию.

[4] Сведениями о Писовской и ее муже мы не располагаем. В тексте, комментариях и именном указателе к т. XXVI фамилия их ошибочно транскрибируется на польский манер: *Писовски*.

[5] О Сузан Аретузе *Мильнер-Гибсон*, жене английского политического деятеля Т. Мильнера-Гибсона, см. выше, в разделе «Герцен и Англия».

[6] Намек на название известного в свое время сатирического романа Л. Рейбо «Jérôme Paturot à la recherche d'une position sociale».

[7] В ответном письме от 15 октября Герцен сообщал: «Ах, любезный и прелюбезный Фогт, как мы смеялись, читая ваше свидетельское показание против Писовской. Клянусь бургундским и шампанским, что я не буду присылать вам ни женщин, ни даже мужчин — ограничусь гермафродитами. Ее муж является ко мне из преданности, преклонения, симпатии, идиосинкразии. Он затем мне говорит о своем желании поместить детей в Женеве — я дал письмо его жене. Потом я увидел, что она гнусно скаредна, глупа и неискренна. Если она не заплатит, у меня есть под рукой средства заставить их покраснеть до корней волос за их грязное дело. Однако, если вы этого пожелаете, я ей напишу — если вы вышлете мне адрес матери» (XXVI, 39. Перевод несколько уточнен).

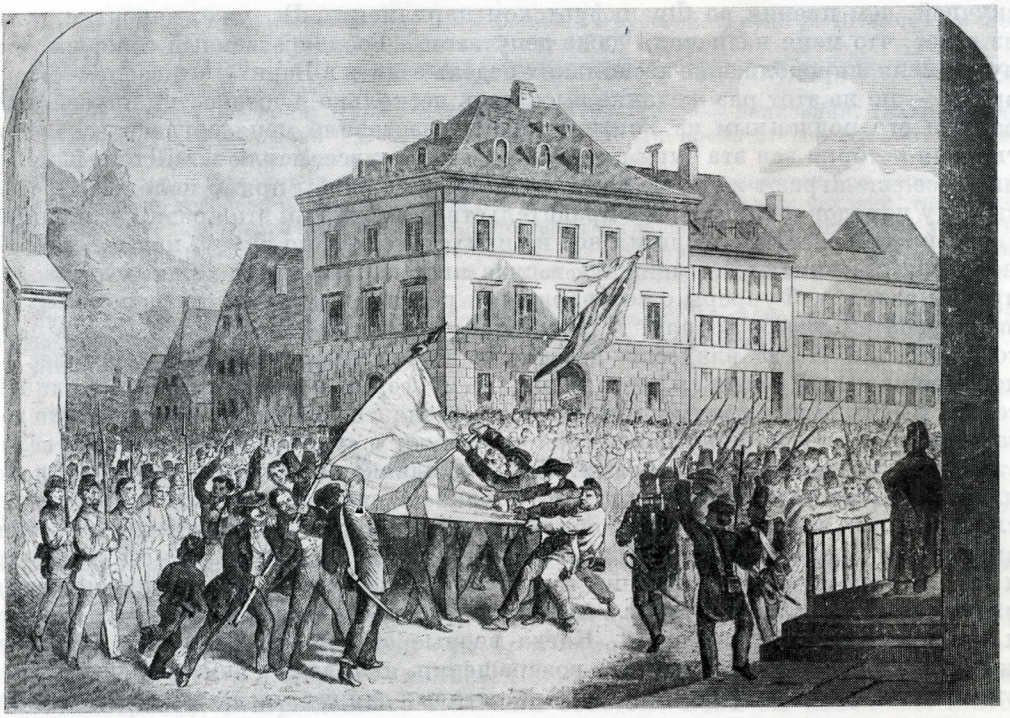
25

К. Фогт — Герцену

‹Сутерр. 9 декабря 1856 г.›

Любезный мой Герцен!

Разумеется, я принимаю ваше великодушное предложение [1]. Турт и Фази, которым я показал ваше письмо, были им очарованы. «Вот что значит действовать как подлинный друг», — говорил первый, а тиран настойчиво выражал желание, чтобы вы приехали сюда, чтобы здесь обосновались, дабы стать гражданином Женевы, членом Большого совета, и бог ведает, не предназначает ли он вам место в Государственном совете — от чего да избавит вас судьба. Это, впрочем, истинные химеры, ибо если дело в России будет идти столь же хорошо и впредь, то ожидаю, что в один прекрасный день увижу, как вы поспешите на Север, дабы сделаться Сперанским [2] сего нового Александра. Черт побери! Если все будет так же идти, как вы говорите [3], то боюсь, как бы игривое мое обещание, сделанное Писовскому, не осуществилось. Он так мне льстил и так глупо торопил меня отправиться в скором времени в Россию, что я в конце концов сказал ему: «Ну что ж, когда Герцен будет министром народного просвещения в России, я поеду в Петербург как академик». Следовало ли прибавить Сазонова как министра иностранных дел и Головина как военного министра? Кстати, о сем последнем — это никого бы не удивило, его всегда так хорошо знали в качестве гвардейского поручика, против воли переряженного, что ждали момента, когда в один прекрасный день можно будет увидеть, как он сбрасывает с себя эту шкуру цивилизованного и свободного человека — она его явно тяготила — и раздирает ее по всем швам, чтобы могли выглянуть наружу локти татарина [4].



ЭПИЗОД «НЕВШАТЕЛЬСКОГО ДЕЛА»
3 сентября 1856 г. Республиканцы осаждают ратушу в Локле
Гравюра неизвестного художника, 1856
«Illustrierte Zeitung», 18 октября 1856 г.

Получив ваше письмо, я тотчас же написал Шаллеру и поспешил к земельному агенту, к Турту — все пущено в ход. Я хотел сначала подождать ответа от Шаллера, прежде чем написать вам, но сегодня я вспомнил, что у меня хранятся ваши письма о буржуазии [5], и стал искать, не найду ли в них объяснения. Увы! Это совершенно сразило меня! Если придется ждать денежных сумм из Фрибурга до означенного срока, то можно будет построить дом как мавзолей на наших костях. Там буквально сказано: «Эта сумма останется здесь на хранение до совершеннолетия его детей». Увы! Юные дщери прославленного изгнанника, почему не засчитываются годы, проводимые вами в изгнании, вдвойне и втройне, как засчитывают военнослужащим годы, проведенные ими в боевых кампаниях! Почему вы — лишь надежда подрастающего поколения, вместо того чтобы быть его радостью! Вообразите-ка себе этого бульдога Шаллера — ведь он лишь тогда выпустит этот мешок с монетами, раз тот уже зажат у него между зубами, когда у Ольги будет двое детей — ибо совершенно очевидно, судя по ее прирожденной конституции, что она доставит себе это удовлетворение еще до наступления совершеннолетия! [6] Я еще не получил ответа от Шаллера, но вижу уже, как ответ этот приходит, мрачный, словно гроза, и сокрушает мои надежды, подобно граду, сокрушающему надежду земледельцев.

Двумя днями позднее

Не знаю, дойду ли когда-нибудь до конца этого письма; я ношу его внутри кармана в сложенном виде, выжидая момента, когда смогу сдать его на почту. Не знаю более, какому святому посвятить свои занятия и труды. Архитекторы, предприниматели, управляющие недвижимым имуществом, беготня по земельным участкам и, сверх того, три разных курса лекций, которые предстоит читать, помимо публичного курса, и присутствие на прениях в Большом совете, которые еще

скучней, чем прения во Франкфуртском парламенте. Вы уже, вероятно, узнали из газет, что меня назначили даже депутатом в Государственный совет, это принудит меня в продолжение нескольких недель ездить в Берн. Я отказался бы в иное время — но на этот раз желание высказать несколько любезностей прусскому королю и его подданным из Гинтерпоммерна заставило меня согласиться. Что за гнусная история вся эта буря в стакане воды! Как все, исключая Штемпфли, играли и все еще играют жалкую роль! [7] Вместо того чтобы прямо положить в основу свободу народов избирать свое правительство так, как им это нравится, и изгонять своих князей в случае, если их нос не приходится им по вкусу, как говорил Бёрне [8], они принимаются защищать в суде письменные права, статьи договоров и прочий вздор, а Фурреры с сотоварищами разглагольствуют о неоспоримых правах невшательского короля! А эти роялисты, подлые и прижимистые в одно и то же время! Когда владеешь десятками двумя миллионов, как Пурталес [9], то покупаешь целый батальон, предоставляя ему фермы и земли в Америке или в Богемии, и выходишь с триумфом из тюрьмы, уводя с собой своих стражей! Это доказательство того, что они хорошо себя чувствуют в «укрепленном доме его величества», где их держат за засовами. Все это, однако, не мешает тому, что король плачет, вместо того чтобы ругаться, и хлопает себя по ляжкам в знак скорби, словно Улисс, вместо того чтобы обнажить свою шпагу [10]. «Он выступит!» — «Он не выступит!» Повсюду бьются об заклад. Я же бьюсь об заклад, что он не выступит и что поступит так, как бывший гессенский курфюрст [11], который, возвращаясь из изгнания на родину, привез с собой четыре фургона: два, груженных деньгами, и два — с привязными косами. Когда верные его слуги, изгнанные Жеромом и жившие в нищете в ожидании его возвращения, являлись к нему с визитом и представлялись, дабы получить от него милостивые даяния, он плакал вместе с ними горькими слезами, выражал сочувствие их нищете и давал им в подарок по новой привязной косе для прикрепления к затылку. А что же деньги? Никаких денег — они предназначались для тех, кто, служа Жерому, привык к большим тратам при этом дворе Liederlich'a *; верные же люди уже освоились с жизнью, преисполненной лишений, и, очевидно, в них не нуждались.

Не знаете ли чего о Бакунине? Я вспомнил о нем вчера, во время своего публичного курса, когда говорил о медузах. Б⟨акунин⟩, будучи с нами в С.-Мало [12], как-то в воскресенье возвратился почти в ужасе после прогулки в лодке. «Дорогой мой,— сказал он мне,— понятие о боге, по-видимому, должно иметь основание в природе при установлении воскресного дня. Море сегодня празднует свой воскресный день. Я видел, как вздымаются повсюду вокруг моей лодки тысячи колоколов, язычки которых мерно раскачивались, привешенные изнутри, и я уверен, что мне слышен был бы их перезвон, если б я только захотел погрузить свою голову в воду».

Поклонитесь детям и давайте им питательные блюда, чтоб они поскорее стали совершеннолетними.

Всецело преданный вам К. Ф о г т

Сутерр, 9 декабря 56 г. [13]

[1] Ответ на неизвестное письмо Герцена, в котором он сообщил о своем намерении окончательно переехать на жительство в Швейцарию и построить себе дом в Женевском кантоне — возможно, совместно с Фогтом. Для этого он хотел изъять из Фрибургского банка капитал, который был внесен туда как одно из условий его натурализации в Швейцарии (ср. XXVI, 57).

[2] Михаил Михайлович *Сперанский* (1772—1839) — ближайший советник Александра I.

[3] В ответном письме от 18 декабря Герцен писал Фогту: «Все то, что я писал вам о России, совершенно достоверно. Обо мне и Огареве в журналах отзываются весьма лестно, книги очень быстро расходятся...» (XXVI, 58).

[4] Герцен, вероятно, сообщил Фогту, что И. Г. Головин не только амнистирован русским правительством, но и является платным осведомителем (см. XXVI, 48; ср. 29—30).

[5] См. прим. 19 к п. 8.

[6] Младшей дочери Герцена, Ольге, в это время было шесть лет.

[7] Намек на так называемое «невшательское дело»: в ночь со 2 на 3 сентября 1856 г. невшательские сторонники прусского короля, номинально считавшегося их государем, попытались свергнуть республиканский режим. Они были разгромлены и арестованы. Это дело внесло

* распутника (*нем.*).

серьезные осложнения в отношения между Швейцарией и Пруссией. О роли Я. Штемпфли в «невшательском деле» см. отклик в ответе Герцена Фогту (XXVI, 58).

[8] Людвиг *Бёрне* (1786—1837) — немецкий радикальный публицист и критик, автор прославленных «Писем из Парижа».

[9] Граф Фридрих (Фредерик) *Пурталес-Штайгер* (1799—1882) — полковник, глава роялистского повстанческого движения в Невшательском кантоне. Во время взятия Невшателя правительственными войсками он был ранен и заключен в тюрьму.

[10] Вопрос о невшательских военнопленных являлся камнем преткновения при переговорах с Пруссией: король требовал их освобождения без всяких предварительных условий, тогда как Федеральный совет под энергичным влиянием Штемпфли соглашался на это лишь при условии полного отказа короля от всех его прав на Невшатель, на что он под конец согласился. 9 июня 1857 г. заключительный протокол переговоров был окончательно утвержден.

[11] Людвиг X (1790—1830).

[12] Летом 1845 г. Фогт, работавший над своим исследованием о брюхоногих моллюсках, жил во французском приморском городе Сен-Мало вместе с М. А. Бакуниным и Г. Гервегом.

[13] Ответ Герцена от 18 декабря (XXVI, 56—58).

26

К. Фогт — Герцену

⟨Берн. 30 декабря 1856 г.⟩

Любезный мой Герцен!

Наконец-то я получил возможность написать вам, чтобы сообщить результаты совещания с Шаллером.

Шаллер сказал мне, что ничего нельзя будет сделать в отношении денег из Фрибурга, поскольку депозит этой суммы и единственное ее назначение — покупка недвижимости в кантоне — является одним из обусловленных горожанами пунктов контракта, утвержденного Большим советом. Если бы изменение этого условия зависело исключительно от Государственного совета, то можно было бы попытаться, хотя он ⟨Шаллер⟩ не отвечал бы за конечный результат,— но поскольку для названной цели пришлось бы сделать это предметом специального предложения в Большом совете, состав которого ныне вам известен, то нельзя рассчитывать даже на малейший проблеск удачи. Следовательно...

Но ваше последнее письмо дает возможность пособить горю [1]. Буду ждать вашего письма до 15 янв⟨аря⟩. С 18 000 фр. можно построить дом в 30 000 — пришлось бы только взять закладную на остальную сумму. Я напишу вам об этом в подходящее время и принимаю ваше предложение — сразу по возвращении в Женеву я сообщу вам, со всеми подробностями, как мы поступим. Представляются две возможности: вы — владелец и берете первую закладную на свое имя, или же владельцем буду я — и тогда вы берете вторую закладную, а первая будет предназначена для ипотечного банка. Впрочем, небольшая задержка не повредит, судя по нынешнему положению дел [2].

Народный подъем великолепен. Воистину утешительно видеть, когда речь идет о политическом гнилье, с каким увлечением маршируют и настраивают себя на борьбу с пруссаками. Существует настолько глубокое убеждение, что их побьют, что я тоже уверен в таком исходе. Прибыв сюда, матадоры из восточной Швейцарии, Eisenbannherren *[3], как их называют, открыто выражали свои трусоватые суждения; их быстро образумили.

Я прилагаю вам предложения, которые были представлены. Две комиссии — в них намеренно было введено несколько консерваторов — единодушно их приняли; вчера у нас состоялось подготовительное заседание; на нем единогласно решили не дискутировать, молча проголосовать по поименной перекличке и разъехаться затем по кантонам, дабы заняться организационными делами. Это, без сомнения, внушительная манифестация единства пред лицом иностранных клевет. Я убежден, что война будет отвращена лишь в результате энергичных мер, и убеждение это, как кажется, воодушевляет всех. Что же касается лично нас, то мы стоим наготове в ожидании момента, когда война вспыхнет и перейдет за пределы швейцарских границ [4]. Дух, воодушевляющий пограничные народы, таков,

* железнодорожные бароны (*нем.*).

что Штутгартский банк осмелился предложить Швейцарии заем в 12 миллионов по курсу от 9,4 ⟨?⟩ до 4½ процентов дохода, и он уже покрыт теперь подписками во Франкфурте и других соседних немецких городах. Вы увидите, любезный друг, что из всего этого кое-что выйдет; агитация имеет глубокий и всеобщий характер в Германии и во Франции: повсюду следят с известной тревогой, к которой подмешивается надежда, за готовящимися схватками и ожидаемой борьбой. Я же, однако, далек от мысли, что дело дойдет до того — надеюсь на нечто, подобное бронзельскому толчку [5],— но уверен все же, что дойдут до наших границ, дабы затем там удержаться. Именно сейчас объявляют, что к Вюртембергу обратились с просьбой пропустить 30 000 человек, которые должны направиться в Зигмаринген-Гогенцоллерн в течение первой недели января.

Прощайте, дорогой друг. Осыпаю поцелуями детей. Тысяча поклонов от моих родителей и тысяча добрых пожеланий к новому году.

Всецело преданный вам ⟨К. Фогт⟩

Берн, 30 декаб⟨ря⟩ [6]

[1] Имеется в виду письмо Герцена от 18 декабря. В нем он писал: «Мне кажется, что Фрибургский кантон совершенно неправ. Разве я не могу немедленно заложить свой дом в Женевском кантоне — как залог до совершеннолетия моих дочерей? Они не хотят этого делать. Не окажется ли более гуманным иезуитское правительство — постарайтесь им написать ⟨. . .⟩ Итак, нам нужно пойти на компромисс ⟨. . .⟩ Нужны ⟨. . .⟩ договор о постройке дома для меня ⟨. . .⟩ и договор на уплату деньгами 5% дохода» (XXVI, 56—58).

[2] От намерения построить себе дом в Швейцарии Герцен вскоре отказался.

[3] *«Железнодорожными баронами»* называли тогда в Швейцарии радикальных политиков, обогатившихся на постройке железных дорог благодаря своей осведомленности в правительственных планах.

[4] См. прим. 7 к п. 25.

[5] См. прим. 3 к п. 11.

[6] Через три дня, 2 января 1857 г., Герцен послал Фогту записку (XXVI, 65) — вероятно, еще до получения этого письма, ответ на которое остается неизвестным.

27

К. Фогт — Герцену

⟨Женева.⟩ 31 мая ⟨1857 г.⟩

«Pflingsten des liebliche Fest, war gekommen; es grünten und blühten Strauch und Wald» [1]. Гражданин Дараш передал мне ваше письмо [2], любезный друг. С той поры я его больше не видел. Думаю, что я совершил непоправимую ошибку, сохранив лишь смутное воспоминание об этом имени. «Между нами говоря,— сказал он мне,— я зовусь пан Дхумениницкий» или нечто в этом роде, «но Д...— знакомо ли вам это имя?» И затем он пронзил меня своими маленькими, узкими, словно у толстокожих животных, глазками, желая навести на меня ужас. «Действительно,— сказал я, заикаясь,— это имя...» — «Это имя моего брата»,— заявил он мне.— «Ах! вот как, теперь все ясно,— сказал я,— ваш брат, да, я вспоминаю... как он поживает?» — «Он много страдал»,— ответил мой собеседник.— «Но теперь-то у него все в порядке?» — спросил я, настаивая на своем.— «Он умер»,— ответил он и поглядел на меня так, будто брат этот был отравлен мною [3]. Я был бы непрочь оказать ему любезность, купив у него вина, но все поляки machen jetzt in Wein *, и пришлось бы заполнить дом до самого чердака, если бы вздумалось оказать действенную поддержку всем этим патриотам. Но он еще придет потом, и я дам ему кучу адресов для Швейцарии.

Вы упускаете все удобные случаи для ведения пропаганды, любезный друг. Сколько раз я проповедовал вам переезд в Женеву? Вот наступил подходящий момент, а вас здесь нет. Мы наводнены русскими и Россиями. Только и слышатся теперь на улицах что казацкие звуки. Лейхтенбергская выбрала Женеву, чтобы разродиться маленьким Строгановым [4]; на нее все бегают смотреть; Михаил, Николай, Константин, Ольга [5] — вся семья; а вот теперь и августейшая мать разбила свои

* промышляют теперь вином (*нем.*).

палатки в отеле Берг, и она, по словам тирана ⟨Фази⟩, так очарована свободой, которой пользуется в Женеве, что намерена обосноваться здесь навсегда [6]. Все это, естественно, сопровождается толпой субъектов, с бородами и без бород, в соответствии с рангом и полом — люди с фамилиями на *ов* кишмя кишат с утра до ночи на Бергском мосту. Какой случай упущен, говорю я снова. Вы могли бы положить в отеле Берг вместо традиционной библии «Полярную звезду» в каждой комнате, вы могли бы поразить зло в самом корне, древо — в его сердцевине. Оплакиваю сию роковую участь также и из эгоизма, ибо мое место президента Академии наук в С.-Петербурге явно от меня ускользает в тот самый момент, когда назначение министра der Volk-Aufklärung * не удалось [7].

Вот мы уже в конце начавшегося «Невшательского дела». Нас созывают к 9 июня для ратификации, а она уж осечки не даст. Расставшись с миллионом, прусский король завоевал все швейцарские сердца [8]. «Нет денег — нет и швейцарца» [9] — это изречение всегда справедливо. Мы утопаем в море ликования от этого счастливого исхода, и Alpenrosen ** на фраке Керна превратятся в лавровый венок [10]. По правде говоря, роялисты в Невшателе сделали все возможное, чтобы помешать своему августейшему властителю и государю продать их, словно скот, по столько-то с головы,— но это не мешает тому факту, что мы миллиона не заплатим и что мы премного довольны. Пока же это отвратительное племя швейцарских доктринеров отправляется ко всем чертям. Фрибург первый начал это дело; Вале, С.-Гален последовали за ним; Невшатель тоже вскоре последует, ибо роялисты превратятся в добрых республиканцев, но консерваторов и станут действовать сообща с так называемыми Независимыми. Я от сего в восторге — меньше чем через год, если ничто не помешает этому мирному развитию, мы будем иметь в Швейцарии добротную торжествующую реакцию. Вступление Федерального совета в свой бернский дворец явится признаком упадка, в который впадает он вследствие гниения.

Одна фраза в вашем письме, посланном через Д⟨оманже⟩ [11], заставляет меня думать, что какое-то из писем затерялось. Я вам писал через два дня после отъезда Гёгга в ответ на письмо, в котором вы просили меня взять у одной дамы в Гротах бумаги и передать их Г⟨ёггу⟩. Письмо ваше прибыло слишком поздно, чтоб я что-нибудь мог дать Г⟨ёггу⟩, и я тотчас же написал вам об этом, сообщая в то же время, что прошу вас доставить мне таким путем, какой сочтете подходящим, те 6000 фр., которые вы хотели дать мне взаймы, самое позднее к 1 июля — в срок, обещанный мной моему нотариусу Роту в Берне. Не затерялось ли это письмо? Я был бы этим глубоко огорчен. Если хотите, я могу это дело устроить так, что все будет оформлено на ваше имя, и договориться насчет векселя, акцептированного вами; в этом случае он мог бы даже быть предъявлен к оплате в более отдаленный срок. Я знаком здесь с шурином Турта, железоторговцем, у которого много дел в Англии и которому я доверю, при ближайшей его поездке, бумаги, если только дама, о которой идет речь, еще существует в Женеве.

Доманже, когтями вцепившийся в своего грека, вновь упустил его. Грека этого вызвали депешей в Константинополь, куда он сразу же отправился, оставив Доманже в качестве преподавателя in partibus ***. Сей последний, кажется, мало этим огорчен — он снял квартиру в Пленпале, довольно близко от меня, и бомбардирует оттуда своего ученика письмами, полными «Weisheit und Tugend» [12]. Поскольку жалованье продолжает ему идти во время этого отсутствия ученика, он, действительно, может утешиться.

Меня очень радуют успехи Александра. Сколько ему теперь лет? Заклинаю вас, отправьте его, как только ему исполнится восемнадцать лет, года на два, на три *одного* в какой-нибудь немецкий университет, например в Вюрцбург или Берлин.

Очередные заседания федеральных палат должны начаться с первого понедельника июля. Я проведу поэтому июль месяц в Берне и заодно приведу тогда в по-

* народного просвещения (*нем.*).
** альпийские розы (*нем.*).
*** Здесь: зарубежного (*лат.*).

рядок все денежные дела с Роттом, чтобы переслать вам или же оставить у себя купчую крепость на дом [13].

У меня все идет хорошо. Мы в достаточной мере довольны своим новым жилищем — если не считать клеевой фабрики, по временам направляющей в нашу сторону клубы зловония, и если бы не коза, которую моя жена упорно желает держать и которая регулярно, раз в день, срывается с привязи, чтобы наброситься на цветы и салаты. Дети чувствуют себя очень хорошо. Моя жена сердечно приветствует вас.

Всецело преданный вам К. Фогт *

Поцелуйте детей, передайте привет Огаревым.
Я ничего не получил от Гофмана и Кампе [14].
Помните ли вы «Fliegende Blätter»:

Ich singe bei nächtlicher Lampe
Den Schmerz, der mich betraf,
Er kommt bei Hoffmann und Campe
Heraus in klein Octav! [15]

NB. Я не получал от вас никакого письма после того, что прибыло через два дня после отъезда Гёгга [16].

[1] Неточная цитата из поэмы Гете «Рейнеке-лис» — первые (неполные) два стиха: «Умилительный праздник наступил. Зеленеют поле и лес...» (перевод Л. Пеньковского).

[2] Это письмо Герцена неизвестно.

[3] Альберт *Дараш* (1808—1852) — участник восстания 1830—1831 гг., один из главных руководителей польской демократической эмиграции, член Международного центрального европейского демократического комитета в Лондоне. Его брат, Павел *Дараш* (1809—1871), навестивший Фогта с рекомендательным письмом Герцена,— фигура более второстепенная, но все же оставившая след в истории польского национально-освободительного движения. Он являлся как бы политической тенью своего брата. Врач по профессии, после польского восстания 1830—1831 гг., участником которого он являлся, Дараш эмигрировал во Францию и стал членом Польского демократического общества, направившего его в 1840-х годах эмиссаром в Галицию и Великое княжество Познанское. В 1852 г. он был изгнан из Познани и переехал в Англию, а затем во Францию, где завязал отношения с оппозиционными кругами. Впоследствии Дараш был врачом в Алжире, где и умер. Герцен, встречавшийся с Дарашем в Лондоне, несколько раз упоминает о нем в «Былом и думах», характеризуя его как доброго и отзывчивого человека (XI, 126—127, 201, 409; ср. XXVI, 108).

[4] Великая княгиня *Мария Николаевна* (1819—1876) — старшая дочь Николая I, президент Академии художеств, вдова умершего в 1852 г. герцога М. Э. Лейхтенбергского. В том же году она тайно обвенчалась с графом Г. А. Строгановым, а в 1856 г. вышла за него замуж морганатическим браком.

[5] Великие князья *Михаил Николаевич* (1832—1909), *Николай Николаевич* (1831—1891), *Константин Николаевич* (1827—1892), королева Вюртембергская *Ольга Николаевна* (1822—1892) — сыновья и дочь Николая I.

[6] Вдова Николая I императрица *Александра Федоровна* (1798—1860). Вероятно, под непосредственным воздействием от этого письма Герцен написал свой блестящий фельетон «Августейшие путешественники» («Колокол», л. 1, от 1 июля 1857 г.), в котором саркастически описал заграничный вояж императрицы-матери и ее пребывание в Швейцарии, Италии и Франции (XIII, 13—18). Герцен послал Фогту французский перевод «Августейших путешественников» напечатанный в лондонской французской газете «Courrier de l'Europe» (см. XXVI, 116).

[7] Шутливый намек на самого Герцена — см. п. 25.

[8] Прусский король ультимативно потребовал от Швейцарии вначале два, а затем один миллион франков в возмещение ущерба в связи с «невшательским делом» (см. прим. 7 к п. 25). В конце концов Швейцарская конфедерация подтвердила в принципе возможность возмещения ущерба, но прусское правительство внезапно, по собственной инициативе, отказалось от своих претензий, ибо «не подобает его величеству торговаться с швейцарцами», как заявил прусский министр О. Т. Мантейфель.

[9] Крылатое выражение из комедии Ж. Расина «Сутяги», характеризующее жадность, издавна приписываемую жителям Швейцарии.

[10] Иоганн Конрад *Керн* (1808—1888) был назначен в январе 1857 г. (в самый острый момент невшательского кризиса) специальным представителем Швейцарской конфедерации в Париже (вскоре он стал там полномочным посланником). Мундир швейцарских дипломатов был, до самого последнего времени, украшен эдельвейсами, вышитыми серебром.

[11] Речь идет о письме Герцена от 9 апреля, в котором он писал: «Если Гох или кто-либо другой столь же надежный человек возьмется доставить мне небольшой пакет с бумагами, то нужно

* Далее помета Фогта: Vert⟨atur⟩ ⟨Переверните⟩ (*лат.*).

пойти за ними к госпоже Танчиони, деревня Bouvier à la Serviette близ Женевы — от моего имени» (XXVI, 88). Арман *Гёгг* (1820—1897) — баденский демократ. После краткого пребывания в Швейцарии он в 1852 г. эмигрировал в Соединенные Штаты и по возвращении в Европу обосновался в Женеве.

[12] «*Мудростью и добродетелью*» — из стихотворения А. Мальмана «Vaterland und König» (1839—1840). В подлиннике: «Die Tugend und die Weisheit».

[13] См. XXVI, 89.

[14] Без сомнения, Фогт ожидал последнего тома немецкого издания «Былого и дум», переведенного Мальвидой Мейзенбуг и появившегося в 1855—1856 гг. в гамбургском издательстве «Hoffmann und Campe» («Aus den Memoiren eines Russen»).

[15] Фогт неточно цитирует пародию В. Неймана (1828) на Г. Гейне, впервые напечатанную в «Gesellschafter» 25 августа 1828 г. («Пою под ночною лампой//Печаль, что постигла меня,// Она выходит у Гофмана и Кампе//Небольшим размером в восьмую долю листа».— *Нем.*).

[16] Фогт имеет в виду получение по почте, так как письмо, переданное Дарашем, он получил.

28

К. Фогт — Герцену

〈Женева. 23 июня 1857 г.〉

Любезный мой друг!

Вексель на 6000 фр., подлежащий оплате 1 июля через Ротшильда, уже передан. Деньги я отвезу в Берн четвертого числа, перед тем как посажу себя под арест на очередные заседания Советов [1]. Если очистка счетов не помешает послать вам окончательную купчую крепость, то я отправлю вам по крайней мере письмо нотариуса, подтверждающее внесение денег и содержащее обеспечение купчей крепости. Еще раз спасибо.

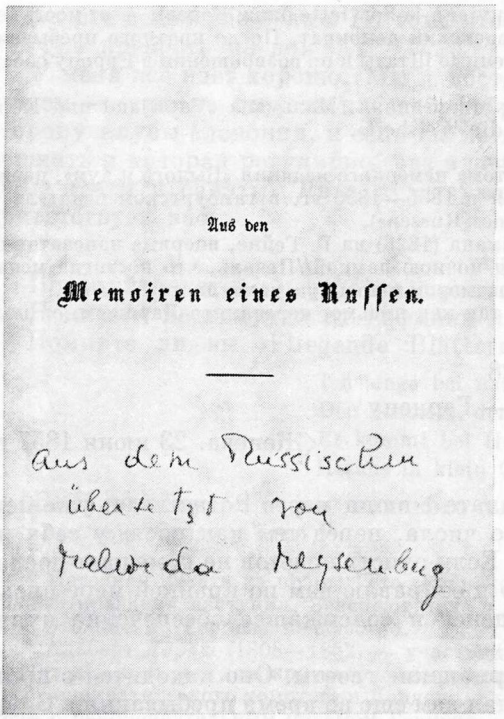
Прилагаемое известие обходит все германские газеты. Оно находится в противоречии с известиями, которые я пересылал вам еще во время пребывания в Берне. Какие же верны? Иль это, быть может, устроено для того, чтобы дать ему возможность побывать дома, оставив над его головой нависший дамоклов меч в форме Омска? [2]

Книгу вашу я с жадностью проглотил. Особенно хорош хирург с его удовлетворительным знанием анатомии [3]. Ну и высмею же я при помощи всего этого Вагнера и К°.

То, что я прочел, еще более укрепляет меня в моей точке зрения на Сашу. Все те личности, портреты которых вы с таким сходством рисуете,— все же скорей тени, нежели живые люди. Все это действует без цели, это заполняет пустоту своего существования, один — химией, другой — распутством, третий — внешними формальностями, но все это делается только от скуки, от праздности, от инстинктивной потребности как-нибудь убить время. Никто не хочет применять к делу то, чему он научился,— каждый доволен, если сумел обмануть часы и календарь лишь за свой счет. Молодые люди пробавляются философией, теоретически трудятся над свободой, оставаясь уверенными, что им никогда не удастся применить на деле эти принципы, приобретенные даже с опасностью для себя; наконец, все это напоминает представление китайских теней, где напоследок говорят себе: «Плохо ли, хорошо ли, а время провели».

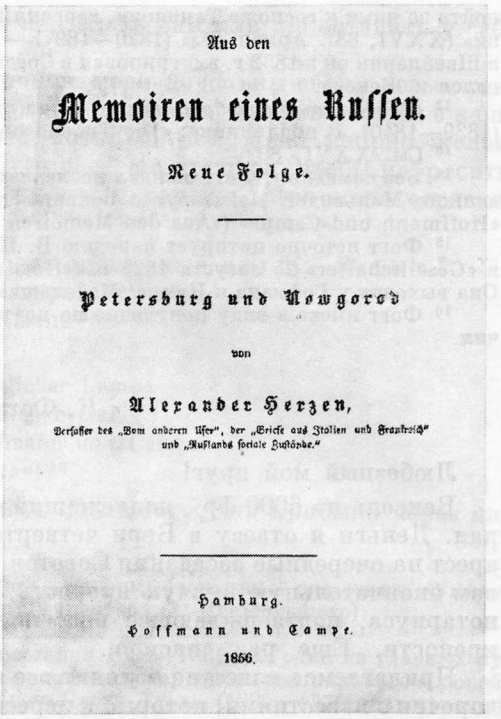
Не знаю, дорогой мой, прав ли я, находя в этом отсутствии применения, и в особенности последовательного приложения, коренной порок вашего русского общества и вашего воспитания вообще. Человек — животное общественное, и жизнь его весьма плачевна, если он свои знания не использует в той же мере для других, как и в свою собственную пользу. Человеку, *не имеющему* профессии, необходима огромная сила характера, чтобы заполнить полезным образом свое существование, а для надлежащей активной деятельности нужен также и ограниченный круг обязанностей, который необходимо заполнить, прежде чем примешься за другие дела.

Саша занимается естественными науками с удовольствием. Постарайтесь же дать ему, не навязывая, соответствующую профессию. Есть одна профессия, открывающая перед ним целый мир,— это профессия врача; есть другая, которая сможет быть ему особенно полезна,— это профессия агронома. Ибо я предполагаю и, без сомнения, основательно, что вы не хотите делить с ним до бесконечности


Aus den

Memoiren eines Russen.

Aus dem Russischen
übersetzt von
Malwida Meysenbug


Aus den

Memoiren eines Russen.

Neue Folge.

Petersburg und Nowgorod

von

Alexander Herzen,

Verfasser des „Vom anderen Ufer", der „Briefe aus Italien und Frankreich"
und „Rußlands soziale Zustände."

Hamburg.
Hoffmann und Campe.
1856.

«БЫЛОЕ И ДУМЫ». ПЕРВОЕ НЕМЕЦКОЕ ИЗДАНИЕ

Книга вышла под измененным заглавием («Из воспоминаний Русского»)

Часть III. «Петербург и Новгород». Гамбург, 1856

Шмуцтитул с надписью правнука Герцена Леонарда Риста: «Aus dem Russischen übersetzt von Malwida Meysenbug» («Перевод с русского Мальвиды Мейзенбуг») и титульный лист

Музей Герцена, Москва

свое изгнание; что вы хотите, чтоб он вернулся в Россию с тем, чтобы добиться возвращения ему ваших имений, на которые наложен секвестр, и что вы хотите, чтоб он возвратился уже сформировавшимся — как человек и как характер.

Обе эти цели осуществятся, если вы его отправите в университет, где он будет учиться *по собственному побуждению*, где он будет водиться с другими молодыми людьми, где отсутствие родительского дома заставит его находить необходимую поддержку в самом себе. Независимость характера, которую вы, без сомнения, желаете в нем развить, сможет, конечно, быть достигнута лишь ценой продолжительной разлуки. Вы человек слишком сильной чеканки, и если вы не прибегнете к этому средству, то пошлете в Россию лишь свое собственное клише.

Почему я советую вам Вюрцбург? Потому что это университет, где в настоящее время юноша может лучше изучить анатомию человека, микроскопическую, сравнительную, физиологию, органическую химию и пр.; потому что там особенно занимаются формированием ученых, выдающихся в этих областях; потому что Кёлликер [4], Мюллер [5], Шеррер [6] — люди, которые особенно охотно руководят студентами в настоящих исследованиях, вместо того чтобы ограничиваться простой ролью Kathedermensch *, и потому что там проявляется свободная и независимая тенденция.

Сначала Вюрцбург, а затем Берлин, для завершения занятий медициной ничего я не мог бы посоветовать во всем свете лучшего. Если Алекс⟨андр⟩ пожелает, проведя год или два в университете, стать дельным агрономом и продвигаться

* человека на кафедре (*нем.*).

в этой отрасли, то ему лучше всего было бы посоветовать Гогенгейм в Вюртемберге или Таранд в Саксонии. Но к тому времени многое уже может измениться.

Не советую вам ни в коем случае Гейдельберг. Это университет только для прусских юристов; медицинский факультет заметно опустился, его репутация держалась на именах, которые исчезли и не были заменены другими. Что же касается расстояния до отчего дома, то где бы тот ни оказался, в Лондоне или, чего от души желаю, в Швейцарии,— это совершенно одно и то же: мы теперь более удалены от Берна, чем Берн от Берлина или Мюнхена. Нескольких часов езды по железной дороге достаточно, чтобы все уравнять.

Доманже продолжает свое ремесло преподавателя in partibus. Он погрузился в изучение современного греческого и турецкого языков и готовится к пребыванию на Востоке, отпуская себе шевелюру, достойную старого атласского льва. Его грек не подает признаков жизни с самого Константинополя.

Маленькая семья в полном здравии. Моя жена просит особенно поблагодарить вас за утешение, которое ей доставила ваша книга в тот день, когда у меня была мигрень. Эта неприятность снова начинает яростно меня осаждать; но припадки ее, однако, все же значительно ослабевают — и не так сильны, и не так часты.

Наилучшие пожелания Огареву.

Всецело преданный вам К. Фогт

23 июня

[1] Летняя сессия федеральных палат открылась 6 июля 1857 г. Этот факт дал нам возможность уточнить год написания этого письма, отнесенного потомками Герцена к 1856 г.

[2] Хотя приложенная Фогтом газетная вырезка при письме не сохранилась, нетрудно догадаться, что она имела отношение к М. А. Бакунину, которому Александр II смягчил наказание. Проведя сутки в имении родителей, Бакунин отправился в Омск, где 27 марта 1857 г. его передали на руки местному генерал-губернатору.

[3] Немецкий перевод «Былого и дум» (см. прим. 14 к п. 27). Фогт, вероятно, имеет в виду характеристику владимирского инспектора врачебной управы К. И. Тиме, утверждавшего, что «в человеке есть начало вечное и духовное, а внутри природы спрятан какой-то личный Geist ‹дух›» (IX, 26).

[4] Рудольф Альберт *Кёлликер* (1817—1905) — профессор физиологии и сравнительной анатомии в Цюрихском, а затем в Вюрцбургском университетах, ученый с прочно установившейся репутацией специалиста по микроскопической анатомии, один из создателей клеточной физиологии.

[5] Генрих *Мюллер* (1820—1864) — знаменитый анатом, работавший с Кёлликером; специалист по глазным болезням.

[6] Иоганн Йозеф фон *Шеррер* (1814—1869) — профессор органической, а затем общей и фармацевтической химии, директор Химического института. Шеррер был учеником Либига, с которым вместе работал в Гисене.

29

К. Фогт — Герцену

‹Женева. 14 сентября 1857 г.›

Прилагается, любезный друг, свидетельство от нотариуса. Извините меня за то, что не отправил его ранее [1],— я позабыл об этом в тропической жаре федеральной политики, в июле месяце, а с той поры это совсем у меня из головы выскочило, тем более что я редко бывал дома. Не знаю, писал ли я вам, что маленькая семья приумножилась появлением третьего мальчика, которому вздумалось появиться на свет, когда я находился в Берне [2],— мать и ребенок чувствуют себя хорошо. С того времени мне пришлось совершить объезд Женевского озера, а также Констанцского и Невшательского — в поисках каменного угля, бурого угля, торфа, тесаного камня и пр. Все теперь желают обнаружить горючее, так как дрова становятся недоступными для покупателя.

Вашу статью я передал в «Revue», который обещал мне немедленно поместить ее в виде фельетона. Но, по правде говоря, я не знаю, выполнено ли это обещание,— за изданием этим я не следил регулярно вследствие своих разъездов, а возвратился я только вчера [3].

Я очень рад, что русские покупают ваши книги,— жду момента, когда они купят вас самих.

Здесь пошлое затишье и всеобщая скука во всем, кроме промышленных предприятий. В Женеве намерены изменить систему путем перемены лиц — мне сделали несколько предложений вступить в правительство — я их отверг с уроном для себя. Их всюду предостаточно, как управляющих, так и управляемых,— хотели бы перемены, но, как осуществить ее, не знают. Это напоминает мне 1846—47 гг. Сильное удивление вызывает шум, поднимаемый англичанами по поводу Индии [4]. «Times» каждое утро утопает в крови, усыпан трупами; под конец же он разрождается списком, состоящим из сотни лиц, истребленных сипаями. В этом, конечно, никакой нужды нет. Господа англичане сдирали с них шкуру втрое больше каждый раз, как требовали с них подати. Решительно эти люди воображают, будто жизнь англичанина во сто раз дороже, чем жизнь другого смертного. Надеюсь, что им докажут их глубокую ошибку. Это еще и следствие той аристократической спеси, которой заражен этот народ целиком. Думаю, что конец их близок. Все морские державы на непрочном европейском плацдарме потерпели крах — финикийцы, венецианцы, генуэзцы, португальцы, голландцы; англичане последуют за ними. Крылья ветряной мельницы становятся излишне длинными, свирепый ветер опрокидывает вышку, к которой они прикреплены.

Все же это любопытное зрелище, любезный друг,— возвращение европейской цивилизации на Восток, свидетелями которого мы являемся,— а все эти войны, Крым, Персия, Индия, Китай являются лишь его симптомами. Создается впечатление, что, достигнув крайних границ Запада в Калифорнии, индо-германская раса хочет возвратиться в свою колыбель и вновь открыть для цивилизации столь давно исчерпанные источники Востока. То будет тяжкий и долгий труд — быть может, все это ожидает участь крестовых походов. Забавно будет все же, если позднее кто-нибудь из наших потомков воскликнет, подобно г. Монталамберу: «Я тоже сын крестоносца — но ⟨крестоносца⟩ XIX века» [5].

Прощайте. Поцелуйте детей.

Всецело преданный вам К. Ф о г т

Женева, 14 сент⟨ября⟩ 1857 г.[6]

[1] Отклик на напоминание Герцена в письме от 27 августа: «Почему вы не выслали мне документы из ¦Берна?» (XXVI, 116).

[2] Август Вильям *Фогт*, родившийся 26 июля (умер 4 апреля 1858 г.).

[3] Присланная Герценом статья «Августейшие путешественники» (см. прим. 6 к п. 27). Статья эта в «Revue de Genève» перепечатана не была.

[4] Восстание сипаев, начавшееся 10 июня 1857 г. и охватившее всю долину Ганга.

[5] Граф Шарль *Монталамбер* (1810—1870) — видный французский политический деятель и публицист либерально-католической ориентации. В 1844 г., выступая против проекта народного образования, предложенного А. Ф. Вильменом, он произнес три знаменитые речи о свободе церкви, свободе образования и свободе монашеских орденов. В последней он выступил в защиту иезуитов и заключил речь словами, приобретшими шумную известность: «Мы сыновья крестоносцев и не отступим перед сыновьями Вольтера».

[6] Ответ Герцена неизвестен.

30

К. Фогт — Герцену

⟨Женева. 25 декабря 1857 г.⟩

Любезный друг!

Вы видите, что я держу слово. Делаю себе подлинно рождественский подарок, когда пишу вам, и счастлив, как нищий бродяга, от того, что закончил свои курсы лекций и могу немного передохнуть.

Вы меня спрашиваете, почему я предпочел бы Вюрцбург для Александра [1].

Потому что нигде он не сможет более тщательно и углубленно заниматься анатомией и физиологией; потому что нигде не найдет он более выдающихся в этих отраслях науки профессоров, чем мой друг Кёлликер, чем Мюллер, и в то же время нигде не найдет он профессоров, более прилежных и более усердных в

формировании выдающихся ученых. Изучив химию в Лондоне, он может теперь безраздельно отдаться занятиям анатомией и физиологией, чтобы перейти затем к изучению медицины, которое завершит, если Вирхов еще останется там, в Берлине [2]. Когда б у меня был сын, предназначенный для изучения естественных и медицинских наук, то я направлял бы его именно таким образом — по этому поводу больше ничего сказать вам не могу. Я напишу, как только приблизится нужный момент, Кёлликеру, и заранее уверен, что он сделает все для него возможное, чтобы тотчас же подать отцовскую руку вашему первенцу.

Страхи ваши насчет какого-то преследования лишены основания [3]. Не придавать важности некоторым фактам — это порой великое искусство. Что могла бы сделать немецкая полиция Саше и с какой стати она им займется? Из-за того, что у него есть отец? Все на свете имеют такового, в большей или меньшей степени. Я убежден — и все, кто хоть сколько-нибудь знает Германию, скажут вам то же самое,— что Саша пройдет там, в среде прочих студентов, столь же незамеченным и столь же неотмеченным, как первый встречный,— разве только он вступит в конфликт с педелями, и тогда с ним станут обращаться так же, как с другими студентами, водворяя его в карцер, заставляя его папашу оплачивать его долги и отчисляя его затем, чтоб он перевелся в другой университет для возобновления подобного же образа жизни. Множество моих друзей, сильно скомпрометированных, воспитывают своих сыновей в Германии в гимназиях и университетах — kein Hahn kräht dannach *. Правда, сыновьям скомпрометированных отцов не предоставляют мест, но поскольку Саша в этом смысле у них ничего и не попросит, то наказать его этим невозможно.

Я не советую вам ни Женеву, ни другой швейцарский университет. Академия наша для Саши была бы недостаточна — приготовительные курсы, которые мы ведем, явились бы лишь повторением на французском языке его английских лекций. Для практического изучения анатомии и физиологии — никакой возможности. Жизнь студентов нигде так не содействует формированию характера (хорошего или дурного), как в Германии. Это жизнь французского лицея. Вы вполне можете мне поверить, что я был бы очень рад иметь его здесь,— но, по правде говоря, не знаю, что хорошего мог бы он здесь делать. О Берне и говорить не приходится, хотя там Валентин [4] — педантичность его слишком бесплодна.

Вы легко можете увидеть из программы лекций медицинского факультета, прилагаемой мной, правду ли я говорю. Надобно, однако, добавить, что курс Колладона [5] читается редко, что курс Тюри [6] ровным счетом ничего не стоит, а курсы сравнительной анатомии и физиологии не стоят большего или что их проводят только по рисункам и восковым моделям, а вовсе не по препаратам, которых у нас здесь нет и в помине. Надо сказать также, что лекции первого года предназначены для шестнадцатилетних мальчиков, занимавшихся лишь классическими предметами.

Вы затронули и другой пункт, который должен войти в общий баланс, судя по тому, что сказал мне Доманже. Подумайте-ка хорошенько, ведь в немецких университетах это последняя из забот, тогда как во Франции это первая,— что общество, в котором находится молодой человек, во многом сказывается на его привычках. Я не хочу сказать, что мы были образцами добродетели и целомудрия— но это отнюдь не являлось необходимым и обязательным элементом нашей жизни, и никому не рукоплескали, когда он отличался в сем пункте. Конечно, в Женеве опасность эта была бы побольше и фоблазовская сценка [7] там вполне могла бы повториться.

Что же касается времени переезда, то следует решиться на период между пасхой и осенью. Если Ал⟨ександр⟩ еще прикован к Лондону до мая будущего года, то гораздо лучше не посылать его ранее сентября — отправьте его на это время попутешествовать по Швейцарии или где-нибудь еще. Занятия обычно начинаются в зимнем семестре — летний семестр менее полон и короче, мы, например, заканчиваем в конце июня или начале июля; в Германии обычно кончают в конце июля,

* никому до этого дела нет (*нем.*).

начале августа, а начинают с апреля. Пошлите его ко мне тогда в конце июля (в июле я буду в Берне) — я поброжу с ним по горам в августе месяце и к началу курса отправлю его в Баварию. В течение зимы и следующего лета он будет до потери сознания заниматься анатомией, свидится он с вами в Бельгии во время пасхальных каникул (из Вюрцбурга до Брюсселя доедет он за 36 часов), и все вполне упорядочится, как только вы один-единственный раз принесете эту жертву — разлучиться с ним на шесть или восемь месяцев.

В этом-то и заключается чувствительный пункт, к которому я и возвращаюсь. Вы кажетесь мне человеком, которому предстоит искупаться в ледяной воде и который то и дело отводит взор от прибрежной полосы, так как покрывается гусиной кожей. Вы сознаете, что перемена необходима, что это чисто домашнее воспитание оставляет слишком важные пробелы, но, говоря себе все это, вы ищете в себе самом извинений себе, чтобы не выполнить эти проекты. То, что могло бы вводиться понемногу, если бы Алекс⟨андр⟩ в детстве посещал школы общего типа, надобно сделать теперь с одного маху — не допустите, чтобы прошли годы, тогда окажется, что уже слишком поздно.

Но довольно об этом. Мне хотелось бы иметь возможность обсуждать с вами этот вопрос всесторонне целую неделю подряд — уверен, что в последний ее день вы, как новый Филипп, сказали бы: «Иди, мой сын, Путней слишком мал для тебя!» [8]

Поскольку разнообразие, по Бильбоке [9], является источником удовольствия, перейдем к другим вещам. Истек первый семестр: куда именно хотите вы, чтоб я вам переслал первый взнос в 185 фр. (6 месяцев от 8200 по 5%)? Не в лондонское ли отделение Главного швейцарского банка? Скажите — кубышка наготове *.

У меня все идет неплохо. Дети, по счастию, чувствуют себя так хорошо, как только возможно,— три великолепных мальчугана: один вылитый папаша Фогт из Берна; второй — Фолленциус [10] — чистейшая копия; третий еще в состоянии пакета с сосисками ⟨. . .⟩ **.

Что до меня, то я вступаю на промышленное поприще, как может показать вам прилагаемый проспект. Вам стоит только сказать, если вы пожелаете приобрести на 10 или 20 000 фр. акций,— и они к вашим услугам. Однако дело это будет тем более успешным, что мы сможем вскоре присоединить стекольный завод к зеркальному [11].

Политика бесплодна. Через неделю, насквозь пропитанную отвращением и скукой, я сбежал из Берна. Влекущие плуг волы движутся быстрее, нежели наши немецкие швейцарцы. В делах, представляющих материальный интерес (Оронская линия), они отличаются отталкивающей алчностью и оскорбительной безнравственностью. Это хуже, нежели наш франкфуртский центр. Фази снова устремился телом и душой в политику и верит, что сможет осуществить перемену. Я же ни на что не надеюсь, если не двинется Франция. Положение в Париже кажется ужасно натянутым. Однако создается впечатление, что Бадинге [12] готовится отразить удар. У нас здесь снова наемные подстрекатели, декламирующие в разных кафе, тогда как целых три года все было спокойно. Это всегда признак бурь, предвидимых полицией и даже вызываемых ею.

Финансовый кризис произвел значительные опустошения, особенно на севере Германии. Некоторым личностям в Швейцарии пришлось свести свою ренту к 3 000 фр. в год, и, судя по известиям, полученным совсем недавно, сейчас сильно сомневаются, смогут ли выплаты быть произведены в новом году. Впрочем, никогда нет ни гроша — переводные векселя перехватываются у банкиров поставщиками, если им бываешь должен.

В Берне все идет хорошо. Отец мой еще очень бодр, мать idem ***, их внуки в полном порядке, кроме детей Густава — злополучное следствие брака между двоюродным братом и сестрой, всегда гибельное для рода. Эмиль женился на миниатюрной женщине из Винтертура, очень набожной и даже пиетистке; он от

* Далее рисунок пером.— *Ред.*
** Далее опускаются некоторые физиологические подробности.— *Ред.*
*** также (*лат.*).

нее до такой степени без ума, что я опасаюсь за его принципы, als persönlicher Feind Jehova's *. Недавно он опрокинулся вместе с одной из неффовских адских машин, называемых дилижансами [13], сломал себе левую руку, четыре косточки пясти и два пальца правой руки — прощай, фортепьяно. Адольф видит, как с каждым днем увеличивается его клиентура. Мой шурин Урих возвратился с Антильских островов, чтоб обосноваться в Берне [14].

Прощайте, дорогой мой, поклонитесь от меня друзьям и детям.

Всецело преданный вам К. Фогт

Рождественское утро.

Доманже все еще здесь, профессор in partibus **, без гроша,— грек оставил его в затруднительном положении [15].

[1] В письме от 6 декабря, на которое отвечает Фогт, Герцен осведомлялся по этому поводу: «Разве нельзя так же хорошо заниматься в каком-либо другом месте?» (XXVI, 145).

[2] Рудольф *Вирхов* (1821—1902) — выдающийся немецкий врач-патолог и общественный деятель; в Берлинском университете он преподавал еще многие десятилетия.

[3] Герцен замечал в своем письме: «Я опасаюсь даже, как бы в Германии ему не нанесли каких-нибудь оскорблений. Германия вдвое более русская, чем Москва. Наша газета ‹там› запрещена. Наши книги задерживают» (XXVI, 145).

[4] Габриель Густав *Валентин* (1810—1883) — известный немецкий физиолог, профессор Бернского университета с 1836 по 1881 г.

[5] Жан Даниэль *Колладон* (1802—1893) — женевский физик, профессор механики в женевской Академии.

[6] Марк *Тюри* (1822—1905) — женевский ученый и промышленник, автор трудов о происхождении видов; преподавал в женевской Академии ботанику.

[7] Вероятно, Доманже рассказал Фогту об одном из эротических похождений Саши в Лондоне.

[8] Намек на известное выражение царя Филиппа II, обращенное к Александру Македонскому (см. Плутарх. Сравнительные жизнеописания, т. II. М., 1963, с. 399).

[9] *Бильбоке* — персонаж комедии Дюмерсана и Ла Варенна «Les saltimbanques» (1831) — ловкач, умеющий извлекать выгоду из всех обстоятельств.

[10] Август Адольф Фолленниус (*Фоллен*; 1794—1855) — дядя Фогта, поэт и публицист, участник студенческого движения в Германии 1810-х годов; эмигрировал в Швейцарию.

[11] Осенью 1857 г. в Швейцарии было основано анонимное общество по изготовлению и продаже зеркальных и стекольных изделий. Инициаторами этого дела явились, помимо Фогта, А. Гёгг, женевец Х. Ганауэр и др.

[12] *Бадинге* — прозвище Наполеона III, данное ему после того, как он в 1846 г. бежал из французской крепости Ган, воспользовавшись документами каменщика по фамилии Бадинге.

[13] Вильгельм *Нефф* (1802—1881) — швейцарский федеральный советник, ведавший Департаментом почт и железных дорог.

[14] *Урих* — муж сестры Фогта, эмигрировавший в 1853 г. на Антильские острова, где он завел нечто вроде плантации. В его дочь Эмму влюблен был Саша Герцен и даже стал ее женихом, к глубокому огорчению Герцена, вовсе не желавшего родниться с немцем-плантатором. Брак этот, однако, не состоялся.

[15] Ответ Герцена неизвестен.

31

К. Фогт — Герцену

‹Женева. 4 февраля 1858 г.› [1]

Любезный друг!

Прилагается расписка г-жи Море. Кризис потребовал, чтобы другим платежам оказано было предпочтение. По-видимому, небольшая ошибка проскользнула в некоторые расчеты: г-жа Море говорила мне о 200 фр., которые должна была получить по распоряжениям г. Репингона в Лондоне; вы же говорите мне о 185 фр. в своем письме — я заплатил лишь 180, ибо, по Адаму Ризе [2], 5% с 7200 составляют 360 фр. в год, половина чего = 180 фр. Если только разность расчетов не вызвана франками женского пола, не подлежащими учету, как души русских крепостных крестьянок...

Надеюсь, что вы получите уже к этому времени мое последнее письмо, в котором содержится письмо Кёлликера насчет обоснования Александра в Вюрцбурге [3].

* как личный враг Иеговы (*нем.*).

** Здесь: в чужих краях (*лат.*).

Думаю, что оно должно было бы удовлетворить вас во всех отношениях... Поскольку Александр уже изучил те отрасли естественных наук, которые недостаточно удовлетворительны в Вюрцбурге, по мнению К⟨ёлликера⟩. Потом, что меня особенно восхищает, это что уборка производится русскими женщинами... Надеюсь, что предпочтение это остается за Вюрцбургом навсегда, так же как знаменитый трубочист, который там верховенствует, если только в крайних обстоятельствах французское правительство не потребует высылки г. Сканцони [4] как подозреваемого в гранатоносном заговоре по причине его итальянского имени [5].

Все здесь, впрочем, весьма спокойно, и каждый занят лечением своего гриппа. Весь город болен им — те же, которые теперь не больны, были больны или же заболеют. У меня дома целый госпиталь — моя бедная жена сильно страдает от гриппа, и поскольку эта хворь сочетается у нее со свирепой зубной болью, то сия последняя мешает ее выздоровлению. Вы можете понять, как с таким расшатанным здоровьем радуешься обязанности изгнать итальянцев-заговорщиков, найти которых не удается. С год тому назад здесь еще попадались лангобарды, но со времени восшествия на престол Фази, насмерть рассорившегося с Маццини, они исчезли, испарились — и теперь всё перевертывают вверх дном, дабы их обнаружить! Но, что еще более невероятно,— это цена документов, на которые опираются, требуя этой охоты за людьми. Вообразите себе, что г. де Салиньяк-Фенелон [6] передал в Федеральный совет, а тот — сюда, в Государственный совет, список из 73 итальянских злоумышленников, и *только один-единственный* из них является эмигрантом; остальные — ювелиры, мраморщики и прочие честные тессинцы и пьемонтцы и, наконец, литературные псевдонимы. Так, поэтический цирюльник Корсà подписывает свои глупо-шариваристические статьи в «Carillon» именем Пипо [7], а г. де Салиньяк требует строгих мер против Пипо. Это, черт меня побери, так же здорово, как если бы в свое время кайенизировали [8] Кокамбо или подобного ему персонажа из «Charivari» [9]. Когда видишь эту страшную серьезность, с которой подобные глупости производятся, то не шутя спрашиваешь себя, для чего существуют шпионы, и тайные агенты, и посланники, и тогда приходишь к заключению, как делают это в отношении фальшивых ⟨. . .⟩ * лживых клятв, если не приходится ⟨. . .⟩ * видеть эти поистине дурацкие документы ⟨. . .⟩ *, вымышленные имена или псевдонимы швейцарских граждан ⟨. . .⟩ *, то спрашиваешь себя, действительно ли посланник верит своим шпионам или своим агентам, или же он хочет эксплуатировать старую пословицу: «Wenn man an den Hund will, hat er Luder gefressen» **.

Не знаю, до чего собираются дойти. Мне кажется, однако, что весь этот шум вскоре завершится войной между Англией и Францией и торжеством империализма в Европе или же полным падением Франции до уровня Испании. С какой же стороны станет славянское племя в этой последней борьбе между германскими и романскими племенами? Ибо, в сущности, все дело именно в этом.

Всецело преданный вам К. Ф о г т

4 февраля

Кстати. Город Каруж желает для устройства газового освещения произвести заем в 60 000 фр., по 4% из 80%, что, в сущности, составляет 5%. Нет ли у вас желания вступить в эту сделку? Вам пришлось бы внести 48 000 фр. в два приема — 1 апреля и 1 июня — каждый раз по 24 000 фр. Вы получали бы 2400 *** фр. ежегодного дохода, и вам выплачивали бы тридцать лет подряд каждый год по 2000 фр., следовательно, 20% дохода с капитала. Помещение денег, отличнейшим образом обеспеченное, поскольку оно гарантировано Управлением по взиманию городских пошлин, а оно, в свою очередь, гарантировано государством, а также Конфедерацией и приносит от 15 до 20 тысяч фр. в год.

---

* Автограф поврежден.— *Ред.*

** «Когда ищут козла отпущения, то всегда находится повод» (*нем.*).

*** В автографе ошибочно: 24 000.— *Ред.*.

[1] Ответ на неизвестное письмо Герцена.

[2] Адам *Ризе* (1492—1559) — немецкий математик, пользовавшийся большой популярностью. Выражение «по Адаму Ризе» вошло в Германии в поговорку, означающую «очень точно».

[3] Это письмо Фогта к Герцену, так же как приложенное к нему письмо Кёлликера, остается неизвестным.

[4] Фридрих Вильгельм *Сканцони* (1821—1891) — знаменитый немецкий врач, родом из Праги (впоследствии, получив дворянство, он присоединил к своей фамилии дополнительно *Лихтенфельс*). С 1850 г.— профессор гинекологического факультета Вюрцбургского университета; в 1854 г. он был приглашен к русскому двору для ухода за императрицей.

[5] В связи с неудавшимся покушением в Париже итальянского революционера Ф. Орсини на Наполеона III (14 января 1858 г.) французское правительство не только усилило репрессивные меры внутри страны, но и потребовало от соседних стран интернирования и высылки с их территорий итальянских революционных эмигрантов, в частности сторонников Маццини.

[6] Граф Жан Реймон Сигизмон Альфред *Салиньяк-Фенелон* — полномочный посланник Франции в Швейцарской конфедерации.

[7] Филипп *Корсà*, по прозвищу *Пипо* (1809—1874),— по профессии парикмахер, в прошлом — фурьерист. Он пользовался большой популярностью в женевском рабочем предместье Сен-Жерве — и как энтузиаст-республиканец, и как автор многочисленных стихотворений, помещавшихся им в маленьком еженедельнике, который он сам издавал под названием «Carillon de Saint-Gervais».

[8] *«Кайенизировать»* — отправить в Кайенну (Гвиана), место ссылки политических противников французского режима.

[9] *«Charivari»* — известная французская иллюстрированная сатирическая газета. См. о ней ниже, в статье Л. Р. Ланского «Герцен и Франция».

32

К. Фогт — Герцену

〈Женева. 26 августа 1858 г.〉

Любезный друг!

Сегодня какой-то непроизносимый русский передал мне письмо от вас, которое действует на меня ошеломляюще. Разве вы не получили моей записки от 8 августа [1]? Если нет, то повторяю вам ее содержание. Я еще здесь — пока еще остаюсь, так как по горло погружен в работу. Мне придется, весьма вероятно, участвовать в научной экспедиции в сент〈ябре〉 и окт〈ябре〉 — в Вале, на итальянском склоне Симплона — быть может, в Испании, куда я возьму с собой Алекс〈андра〉. Что же касается Вюрцбурга, то там ничто не изменилось... Кёлликер, несомненно, остается, и другие тоже. Кёлликер окончательно отклонен в Берлине: это швейцарец!

Я получил ваш памфлет против этих бедных франкфуртцев [2]. Он доказывает мне лишь одну неприятную вещь, которую я предвидел с самого начала: что самодержавная воля, еще царящая в России,— словно луч белого цвета, который, проходя через различные отражающие призмы администрации, обретает тысячу разных цветов, вплоть до невидимого, находящегося за пределами темно-фиолетового. Что же касается остального, то кто же не знает, что Россия правит этими маленькими германскими государствами? Желаете ли вы быть той тростинкой, которая кричит царю Мидасу, что у него ослиные уши [3]? Увы, бедняга знает это лучше вас, а вы с него, этого бедного Михеля [4], срываете его ночной колпак — тот колпак, которым он пытался прикрыть свой изъян. Послушайте, да ведь это невеликодушно.

Вы получите в пакете другой обличительный документ, которым человечество воспользуется в большей степени. Мы хотим помочь ему увидеть это с большей ясностью. Я отмечу вас как подписчика по меньшей мере на 20 000 фр.; первый взнос (100 фр. за пятисотфранковую акцию) должен быть сделан 1 октября [5].

У нас здесь пробыл в течение нескольких дней Плон-Плон [6], которого сопровождает наряду с другими Шарль Эдмон, извлекающий теперь выгоды не только из страдальческого жанра [7], но еще и из жанра высокой нравственности. Я обедал с ними у тирана 〈Фази〉 и проехался вокруг озера на специально нанятом пароходе. Это приятный, остроумный собеседник, добрый малый [8], как мне кажется, но я ни на грош не верю в его энергию, а система кузена [9] потопит и его, и его немощную оппозицию.

Всецело преданный вам К. Ф о г т

26 августа 58 г. [10]

[1] Это письмо Герцена неизвестно, так же как записка Фогта к Герцену от 8 августа (см. XXVI, 202). Русский с «непроизносимой» фамилией, передавший Фогту письмо Герцена,— личность невыясненная.

[2] Обращение Герцена к Франкфуртскому сенату («A l'illustre sénat de la ville libre de Francfort-sur-le-Mein») в связи с конфискацией во Франкфурте-на-Майне экземпляров «Колокола» (XIII, 309—321). Герцен упрекал правительство «вольного города» в раболепии перед петербургским самодержавным режимом.

[3] Фригийский царь Мидас был, по мифической легенде, награжден Аполлоном ослиными ушами за утверждение, что бог природы Пан играет на музыкальном инструменте лучше, чем он, Аполлон.

[4] *Михель* — общепринятое прозвище немецкого крестьянина, а также немца вообще (ср. XXVI, 202).

[5] Речь идет об акциях предприятия по изготовлению стеклянной посуды и зеркал.

[6] У принца Наполеона (Плон-Плона) вблизи Женевы находилось имение Пранжен, в которое он время от времени наезжал. В августе — сентябре 1868 г. имение Пранжен в течение нескольких месяцев снимал Герцен.

[7] Вероятно, намек на то, что Хоецкий эксплуатирует свое положение польского эмигранта.

[8] Имеется в виду принц Наполеон. См. предисловие к наст. публикации.

[9] Кузен — Наполеон III.

[10] Ответ Герцена на это письмо датирован 30 августа (XXVI, 201—202).

33

Герцен — К. Фогту

21 oct⟨obre⟩ 1858. Putney
Laurel House

Très cher Vogt,

Mon fils et votre frère m'écrivent deux épîtres — en me demandant ma bénédiction paternelle pour Alex⟨andre⟩ de rester à Berne. J'ai repondu à cela qu'une fois vous ayant autorisé de procéder souverainement dans la question du choix géographique — je ne puis rien faire que vous soumettre leur proposition [1]. J'ajoute à cela que je n'ai rien contre cela — et beaucoup pour — nommément la présence à Berne votre père et sa famille.

Or donc, je vous laisse cette affaire. Je ne sais comment vous remercier pour toute l'amitié que je prends «in Anspruch» — mais enfin il faut subir les inconvénients d'avoir des amis.

Et lorsque j'en parle — force m'est de penser à Tessié — je le salue beaucoup — et beaucoup. A-t-il abandonné les tables parlantes? [2] Dites-moi un mot sur la décision ou faites dire par Alexandre.

Klapka a dîné dimanche passé chez moi — avec un officier d'artillerie qui a été à Kars pendant la guerre [3].

Aujourd'hui le *Times* donne la réponse fière et altière du Conseil de Genève [4]. Putney exprime sa satifsaction — à qui de droit [5].

Adieu, je vous serre la main. Avez-vous reçu un petit monstre de brochure que je vous ai envoyé? [6]

Monsieur le prof⟨esseur⟩
Ch. V o g t
Genève. Plain-Palais

Почтовые штемпели:
Bern, 24 Okt⟨ober⟩ 58.4, Nachm⟨ittag⟩
Genève, 25 oct⟨obre⟩ 58.12 m⟨idi⟩

П е р е в о д:

21 окт⟨ября⟩ 1858 г. Путней
Laurel House

Любезнейший Фогт,

Мой сын и ваш брат пишут мне два послания — прося моего отеческого благословения на то, чтоб Алекс⟨андр⟩ остался в Берне. Я ответил на это, что поскольку раз и навсегда предоставил вам право действовать самодержавно в вопросе географического выбора, то не могу ничего

сделать, кроме как передать вам их предложение [1]. Прибавляю к вышеуказанному, что ничего не имею против этого — и много за — а именно присутствие в Берне вашего отца и его семьи.

Итак, оставляю это дело на ваше усмотрение. Не знаю, как и благодарить вас за всю вашу дружбу, которую я принимаю «in Anspruch» *,— но в конце концов приходится же платиться за неудобство иметь друзей.

И когда я говорю об этом, то невольно думаю о Тесье — кланяюсь ему — весьма и весьма усердно. Покинул ли он говорящие столы? [2] Скажите мне словечко о решении — или передайте через Александра.

Клапка в прошлое воскресенье обедал у меня — с артиллерийским офицером, который находился в Карсе во время войны [3].

Сегодня «Times» приводит гордый и высокомерный ответ Женевского совета [4]. Путней выражает свое удовлетворение — кому следует [5].

Прощайте, жму вам руку. Получили ли вы чудовищно толстую брошюру, мною вам посланную? [6]

Господину профессору
К. Фогту
Женева, Пленпале

Почтовые штемпели:
Берн, 24 окт⟨ября⟩ 58 г. 4 часа попол⟨удни⟩
Женева, 25 окт⟨ября⟩ 58 г. 12 — п⟨олдень⟩

[1] Эти письма А. Фогта и А. А. Герцена неизвестны. Отвечая в тот же день сыну, Герцен заявил: «Вопрос должен быть решен Карлом Фогтом; раз поручив ему это дело, мне кажется, было бы странно и неделикатно без него решать ⟨. . .⟩ Я не имею ничего против Берна, но и не решу ничего без Фогта женевского» (XXVI, 217).

[2] Друг Герцена Тесье де Моте, как уже упоминалось выше, увлекался спиритизмом.

[3] Личность неустановленная.

[4] О конфликте между Женевой и Федеральным советом по поводу итальянского Общества взаимопомощи см. в *ААН*, 201—202.

[5] Герцен пародирует высокопарный стиль правительственных деклараций. Путней — «резиденция» Герцена.

[6] Вероятно, речь идет о немецком издании брошюры с предисловием Герцена — «Русский заговор 1825 года» («Die russische Verschwörung und die Aufstand vom 14 Dezember». Hamburg, Hoffmann und Campe). Вышла в свет в конце 1858 г. Не исключено, однако, что Герцен мог иметь в виду свою книгу «Unterbrochene Erzählungen» («Прерванные рассказы»), которую он 7 октября обещал прислать Фогту (см. XXVI, 214).

34

К. Фогт — Герцену

⟨Женева. 3 апреля 1859 г.⟩

Любезный друг!

Возвращаю теперь обвинение, которое вы столь часто в меня метали. Уж не умерли ли вы? И как Колокол — не перестал ли он твердить, что «mortuos plango» [1]? Письмо от вас мне необходимо [2].

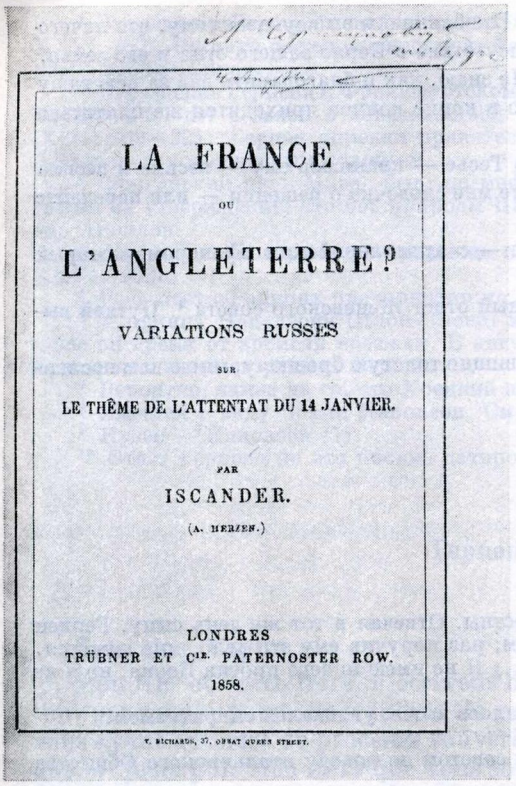
Прежде всего о делах.

1) Скажите мне, где должен я уплатить те 180 франков, которые приходятся на первое января. Я все время рассчитывал, что получу письменное полномочие об уплате Александру, который был здесь проездом после своего путешествия в Ниццу [3],— но, ничего не получив, предложить ему я не смел, поскольку сие, быть может, могло не входить в родительские намерения.

2) Скажите мне, куда могу я внести 1200 франков как частичную уплату суммы, которую вам должен? Это свело бы эту сумму к 6000, а проценты — к 300 фр. в год. Я заплатил бы вам сейчас:

Проценты от 7200, срок которых истекает 31 декабря	180
Idem** за 3 месяца по 31 марта	90
Капитал по счету	1200
Всего	1470

* «с удовлетворением» (*нем.*).
** То же (*лат.*).



LA FRANCE

OU

L'ANGLETERRE?

VARIATIONS RUSSES

SUR

LE THÈME DE L'ATTENTAT DU 14 JANVIER.

PAR

ISCANDER.

(A. HERZEN.)

LONDRES
TRÜBNER ET Cie. PATERNOSTER ROW.
1858.

T. RICHARDS, 37, GREAT QUEEN STREET.

«ФРАНЦИЯ ИЛИ АНГЛИЯ? РУССКИЕ ВАРИАЦИИ НА ТЕМУ ПОКУШЕНИЯ 14 ЯНВАРЯ»

Брошюра написана на французском языке. Лондон, 1858

Обложка с дарственной надписью: «Л. Чернецкому от Герцена. 4 апреля»

Музей Герцена, Москва

«Бонапартизм действует лишь при помощи смерти. Его слава — вся из крови, вся из трупов. В нем нет созидательной силы, нет производительной деятельности; он совершенно бесплоден: все созданное им только иллюзия, сон» («Франция или Англия?»)

Благоволите располагать этой суммой.

3) Тогда вы получите 30 июня процентов за 3 месяца

с 6000 фр 75
и с того времени каждый семестр по . 150 фр.

4) Напишите мне письмо в следующих выражениях:

«Дорогой друг! Вы обещали мне взять купчую крепость на дом, который намерены были приобрести, когда я авансировал вам сумму в шесть тысяч франков, кою вы остаетесь мне должны. Напоминаю вам теперь о вашем обещании, питая полное доверие к честности вашей в отношении его выполнения. Пришлите же мне без промедления составленный по вашему указанию и зарегистрированный на мое имя акт».

Пометьте это письмо 25 марта и напишите его на отдельном листке. Это делается с тем, чтобы предохранить вас от личности, которая вследствие внесенного залога намерена ко мне придраться. Впрочем, я питаю вполне обоснованную надежду, что вскоре смогу выплатить вам все полностью.

А теперь о другом. Вижу, что Блинд дал по вас залп [4]. Он не испытывает желания быть навозом, это понятно,— и, как я узнал, написал весьма правоверные очерки о России, изучив даже язык, что всегда казалось мне пределом самопожертвования или настырности. Что до меня, то и я снова ударяюсь в политику. Чувствую себя совершенно посвежевшим, и мне кажется, что должны произойти великие события *. Италия — не Крым; то, что на Черном море являлось поединком, на Средиземном море делается всеобщим сражением. Победитель или побежденный — современный бонапартизм уступит там силе. Итак, я придерживаюсь мнения, что надо дать ему возможность попасться на крючок, даже подтолкнуть его к этому, устранить все те препятствия, что могли бы преградить ему путь в его погребальном шествии. В этом смысле я и написал брошюру, которую в ближайшем будущем пришлю вам [5]. Меня возмущает опора, которую Германия дает этой «Capua der Geister», этой постыдной конкордированной Австрии. Я проповедую исключение всякой ненемецкой области из Германской конфедерации; более тесное национальное соединение; предоставление Австрии своим судьбам — чтоб освободить руки не только Италии, но и Венгрии и славянским провинциям. Любезный друг! Вы справедливо сказали, что бонапартизм — смерть; но вспомните вы также, что Австрия — это вечное проклятье и что, только уничтожая сию последнюю, вы отнимете у смерти ее ужас и сведете ее на степень простого слу-

---

* В автографе следующий далее текст до конца абзаца отчеркнут Герценом.— *Ред.*

чая *. Австрия в тысячу раз опаснее для свободы, чем минутный деспотизм Л⟨уи⟩ Н⟨аполеона⟩ ** [6].

Почти уверен, что война разразится [7]. Клапка говорил мне два месяца тому назад: «Они не будут готовы раньше конца февраля — ни Франция, ни Пьемонт; ничему не удивляйтесь в продолжение этого времени — все средства будут хороши, для того чтобы выиграть время. Если б я был императором Австрии,— добавил он,— я повел бы дело иначе. Зная, что война неотвратима, я набросился б на Пьемонт и раздавил бы его за неделю до того, как хотя б один французский солдат смог перейти границы. Это явилось бы сплошным выигрышем. Но,— прибавил он,— они, как всегда, трусливы. Они дадут другим время пополнить свое вооружение из страха начать самим. Однако война эта будет ужасна и кровопролитна» [8].

«Тем лучше,— сказал я.— С ними произойдет то же, что со львами в басне: они сожрут друг друга до самого кончика хвоста».

Всецело преданный вам К. Фогт

3 апреля 59 г.

Если вы не нашли применения для обозначенных выше сумм (1470), могу прислать вам письменный приказ об уплате на отделение Главного швейцарского банка в Лондоне.

[1] В «Колоколе» с первого по последний номер стоял латинский эпиграф: «Vivos voco» («Живых призываю»). Это начало надписи на старинном колоколе, приведенной Ф. Шиллером над своим стихотворением «Песнь о Колоколе». Фогт в шутку воспроизводит продолжение этой латинской надписи: «Мертвых оплакиваю».

[2] В ответном письме от 6 апреля Герцен так отозвался на эти строки Фогта: «Да, дорогой Фогт, я не писал вам очень давно. Дни проходят со страшной быстротой — в горячей работе. Вообразите себе, что мы — Огарев и я — издаем, помимо „Полярной звезды“ и „Колокола“, исторический сборник, „Голоса из России“ и, кроме того, целые томы переводов ⟨. . .⟩ Успех огромный» (XXVI, 250).

[3] А. А. Герцен отправился в Ниццу на научную экскурсию. В своем ответе Герцен просил передать эту сумму сыну через Фогта-отца в Берне (XXVI, 250).

[4] В еженедельнике «Hermann» (органе правого крыла лондонской немецкой революционной эмиграции; № 11, 19 марта) выступил с нападками на Герцена журналист *К. Блинд* (1826—1907), участник революции 1848 г., приятель Г. Гервега, который в свое время и познакомил Блинда с Герценом. Во второй половине 1850-х годов Блинд скатился к грубому ренегатству, поддерживая махровый немецкий шовинизм и национализм. После смерти Герцена Блинд писал о нем как о «злейшем враге Германии и всей европейской культуры и защитнике греческого православия как орудия завоевания Стамбула». В этом духе он, вероятно, и высказывался в статье, напечатанной в «Hermann» (см. XXVI, 451—452; *ЛЖГ* III, 30).

[5] «Studien zur Gegenwärtigen Lage Europas». Genf und Bern, 1859.

[6] В ответном письме Герцен писал: «Я дал бы 6 бутылок шампанского за право напечатать отрывок из вашего письма — с вашим именем ⟨. . .⟩ У меня чешутся руки напечатать этот отрывок хотя бы ради слова „конкордированная“ ⟨. . .⟩ Вы это украли у меня, прежде чем я успел подумать» (XXVI, 250—251). На эту просьбу, без сомнения, последовало согласие Фогта; Герцен привел отрывок из письма Фогта как эпиграф к своей статье «Война и мир» со ссылкой на источник (см. XIV, 97, 454). «*Бонапартизм — смерть*» — неточная цитата из брошюры Герцена «La France ou l'Angleterre?» (см. XIII, 240), которую Герцен послал Фогту в августе 1858 г.

[7] Австрийский ультиматум был предъявлен Пьемонту 23 апреля. Вслед за тем началась война.

[8] «Ваше письмо меня ободрило,— писал в ответ Герцен.— „Logik ist noch nicht verloren!“» («Логика еще не утрачена!» — *нем.*). И добавил: «Объявляйте же скорее войну — может быть, это откроет нам двери — или по крайней мере двери континента» (XXVI, 250—251).

35

К. Фогт — Герцену

⟨Женева. 5 января 1860 г.⟩

Любезный друг!

Давно уже мы не видели ваших писем. Надеюсь, что это не препятствует проявлению чувств. Так скажем же «Prost Neujahr!» ***.

* Текст от *Меня возмущает* по *простого случая* дается здесь (с рядом разночтений) в переводе самого Герцена.— *Ред.*

** В автографе последнее предложение зачеркнуто Герценом.—

*** «С новым годом!» (*нем.*).

Александр написал мне как-то, что вы намерены были нанести визит Швейцарии, но поскольку для вас открыт только Гибралтарский пролив, то исполнить это мудрое решение вы не смогли. Пролив же этот теперь еще вдобавок закрыт глупой войной испанцев против марокканцев, в которой сим последним вовсе не дана взбучка *[1] (dieser Witz ist von mir **), я полагаю, что вы подождете прорытия Суэцкого перешейка, чтоб иметь возможность обогнуть мыс Доброй Надежды! [2] Что же, наберемся терпения, а пока прежде всего поговорим о делах.

Я должен вам 225 франков— а именно 75 до 1 июля и 150 за семестр с июля по декабрь. Нынче же я незамедлительно отправляюсь в Берн, куда и прибуду не позднее 10 января. Следует ли мне отсчитать эту сумму Александру или же кому-нибудь другому? ***. Перешлите мне ваши распоряжения в Берн.

Дан приказ во Франкфурт о высылке для вас прямо из типографии еще тепленькой брошюры, которую я совсем недавно туда отправил — по поводу моего процесса против аугсбургской газеты. Я разоблачаю в ней происки Блинда, Маркса и К°— доказываю, что они — орудия австрийской реакции, и в подтверждение этого представляю все доказательства. Вы увидите из моей брошюры, как сверкает, и в полном блеске, глупость этой редакции — ибо я опубликовал, слово в слово, полный стенографический отчет о прениях — защитительные речи той и другой стороны, наконец все, до последнего штриха. Полагаю, что это снабдит вас обширным материалом для колокольного звона по поводу сего дела [3].

Пока же я становлюсь бонапартистом из любви к папе и Конгрессу [4]. Решительно, этот человек [5] — реактив, одно из самых жгучих, разъедающих начал для разложения всего нынешнего общества и уничтожения одного за другим всех его элементов. Действительно, он растирает их всех в страшнейшей ступе, чтоб удержать в состоянии бесформенного теста,— но в то же время он дробит их до основания. Французские республиканцы, Орлеанисты, Буржуа, Финансисты, Легитимисты, Протестанты, Католики — все это проходит через сей дробящий вал, чтобы превратиться в неосязаемую пыль. За двадцать лет мы не смогли бы выполнить всю ту работу, которую этот человек проделал за двадцать месяцев.

Вы увидите, что законность, даже протестантская и схизматическая, станет действовать заодно с папством; что она в нем признáет один из своих столпов и станет лезть вон из кожи, дабы его поддержать. Россия и Пруссия сделают все на свете, лишь бы парировать удар, нанесенный брошюрой. Однако я полагаю, что им удастся лишь подтолкнуть дела еще дальше. Ответом на колебание, на протест с их стороны явится отход французских войск из Рима и запрет Неаполю или Австрии до него дотронуться. Пия IX в мученика он не превратит — надеюсь, что настолько глуп он не будет,— но он устроит так, что папа будет самым постыдным образом изгнан своим народом и примется покровительствовать галликанским элементам в низшем французском духовенстве, которое многочисленно и всесильно в сельских местностях.

Что же касается итальянцев, то они решительно начинают вызывать во мне досаду. Видно ли было когда-нибудь что-либо более глупое, чем этот аннексионистский вопль, представляющий собой не что иное, как выражение чувства бессилия и бесплодного доктринерства? Прежде всего это французы, которые должны не только помогать им, *но сделать всё*. Особенное отвращение вызывало во время войны у всех — французов и швейцарцев, венгров и поляков — полное бездействие, в котором оставались все эти весельчаки с густыми бородами и огромными трехцветными кокардами. «Почему вы не отправляетесь к Гарибальди?»— спрашивали их наши бернцы, топавшие ногами от нетерпения на границе.— «Французы достаточно сильны, чтоб изгнать австрийцев собственными силами» — таков был ответ. Теперь же, когда французы покинули их, они просят у Пьемонта всё — войска, конституцию, законы, администрацию — словом, всё. Вместо того чтобы вос-

---

* В подлиннике игра слов: «марокканцы» (marocains) по-французски близко по звучанию и написанию к слову maroquin («козловая кожа», «сафьян»), а глагол tanner («дать взбучку») означает также «дубить кожу».

** эта острота — моя (*нем.*).

*** В автографе последнее предложение кем-то зачеркнуто.— *Ред.*

«ПОЛИТИЧЕСКИЙ КУРЯТНИК»
Карикатура на короля Луи Филиппа (изображен в одежде и с наглазной повязкой Робера Макэра)
Литография О. Домье

пользоваться этим временным положением, позволяющим им делать всё и на всё решаться, собраться с силами и получить возможность самим вести свои дела, они стоят так, проникнутые жалостью к своей несчастной судьбе, не позволяющей им сковать себя новой цепью сразу же после того, как расстались с первой. Разъяснения, получаемые мною из Флоренции через Гартмана [6], который там теперь проживает, столь четко обрисовывают мне наших немецких доктринеров, наших гольштинских Staatthalter'ов *, что я нахожу сходство во всем, вплоть до мельчайших подробностей. Их постигнет та же участь, и они не смогут говорить, будто не заслужили ее.

Однако мне пора кончать — время торопит меня, а мне предстоит еще многим заняться до отъезда в Берн, где останусь весь январь месяц. Жена моя чувствует себя хорошо — три моих мальчугана также, они растут и развиваются. Совершенно очевидно, что рождественская елка испортила им желудок и что от новогодних коробок с конфетами, принесенных друзьями, язык их не меньше обложен; но, кроме этих крошечных неудобств, соответствующих сезону, мы хорошо провели время и сможем поздравить себя, если все будет продолжаться так же. Шиллеровский праздник закормил нас патриотизмом [7] — но, к счастью, основательная немецкая натура снова взяла верх еще до того, как это чувство чересчур вошло в плоть; мы столь ожесточенно спорили, обвиняли и проклинали друг друга — и в трактирах, и в газетах,— что оказались еще более разобщенными между собой после этого праздника немецкого единства и единства немцев. «Naturam furca expellas» [8],— говаривал наш профессор Винклер [9], когда мы делали глупости.

* опор государства (*нем.*).

Много добрых пожеланий Огареву. Поцелуйте своих дочерей от имени моей жены и от меня лично. Всецело преданный вам

К. Фогт

Женева, 5 января 1860 г.

[1] В ноябре 1859 г. началась война между Испанией и Турцией. Генерал О'Доннель, глава испанского государства, сам возглавил войска, отправившиеся из Сеуты (испанское Марокко), чтобы овладеть Тетуаном (марокканский порт).

[2] Шутливый намек на непоследовательность Герцена.

[3] Брошюра Фогта «Mein Prozess gegen die *Allgemeine Zeitung*» вышла в Женеве в 1859 г. О полемике Фогта, направленной против Маркса, см. в предисловии к настоящей публикации. Вопреки желанию Фогта, Герцен не поместил о ней в «Колоколе» своих суждений.

[4] «Le pape et le Congrès» — так называлась злободневная брошюра публициста и оратора Л. Э. Ла Героньера (1816—1875). В ней выдвигался, между прочим, тезис о необходимости полного отказа папы римского от своих территориальных владений.

[5] Имеется в виду Наполеон III.

[6] О М. Гартмане см. ниже, во вступительной заметке к его письму, адресованному Герцену.

[7] Столетие со дня рождения Ф. Шиллера, отмечавшееся в 1859 г., вызвало в Швейцарии ряд торжественных церемоний. Фогт рассказывает здесь о двух из них: о главном празднестве Немецких рабочих воспитательных обществ Швейцарии в Лозанне 26 и 27 июня и о празднестве, организованном в Женеве Немецким рабочим союзом по образованию в честь Шиллера и Р. Блюма.

[8] Латинское выражение из «Послания» Горация (I, 10, 24): «Хоть вилами выгонишь природу, она все-таки возвращается» (по-русски обычно передается стихом Н. М. Карамзина: «Гони природу в дверь: она влетит в окно»).

[9] Профессор *Винклер*, вероятно, преподавал в Гисенском лицее, где учился Фогт.

36

К. Фогт — Герцену *

⟨Женева. 28 января 1861 г.⟩

[1] При этом надеюсь, что вы хорошо себя чувствуете, и кончаю, отправляясь на свою публичную лекцию, в которой сообщаю славной женевской публике кучу иронических шуток о полезных, вредных и оклеветанных животных [2]. После уже прочитанных мною лекций некий субъект, не отличающийся особенным умом, сделал открытие, что я не христианин, и счел нужным сообщить мне о сем в анонимном письме, прося меня исправиться от этого крошечного недостатка и предупреждая меня, что если я по-прежнему буду изрекать безбожные вещи о животных, то он обратится с петицией к Фази, дабы заставить его наложить запрет на мою кафедру! Тогда-то он вынужден будет подписать свое имя, и я узнаю, что это за прелюбопытное существо, которое намерено пожаловаться на дьявола самой его бабушке [3].

Всецело преданный вам К. Фогт

Женева, 28 января 1861 г.[4]

[1] Вероятно, ответ на письмо Герцена от 17 января 1861 г. (XXVII, 129—131).

[2] В течение зимы 1860—1861 гг. Фогт прочел в зале Большого совета публичный курс из десяти лекций. Впоследствии эти лекции были напечатаны в журнале «Gartenlaube», а затем вышли отдельными изданиями на немецком и французском языках: «Vorlesungen über nützliche und schädliche verkannte und verläumdete Thiere» (Leipzig, 1864) и «Leçons sur les animaux utiles et nuisibles, les bêtes calomniées et mal jugées» (⟨P.⟩, 1867).

[3] Намек на то, что Дж. Фази сам был откровенным атеистом.

[4] Следующее письмо Герцена к Фогту датировано 5 февраля (XXVII, 133—135).

37

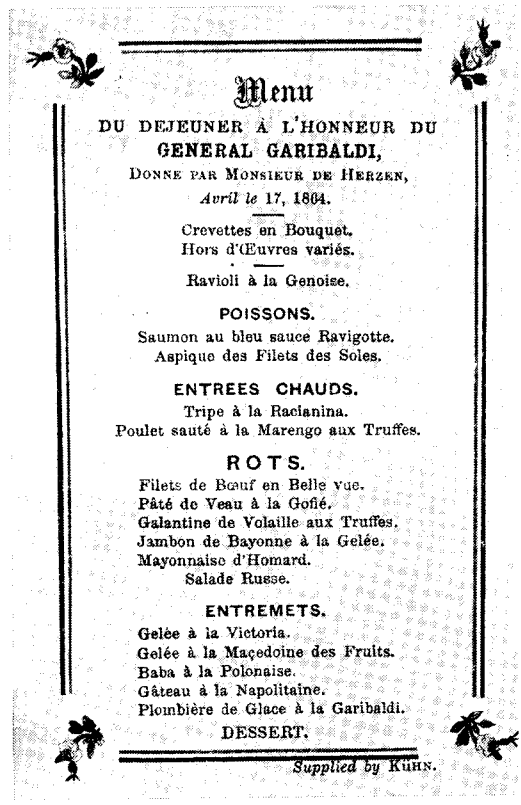
К. Фогт — Герцену

⟨Женева. 27 мая 1864 г.⟩

Любезный друг!

Утины приехали сюда позавчера — они провели вечер с нами; надеюсь сегодня вечером их увидеть — если же нет, то письмо, которое только что до меня дошло, я передам им завтра утром [1].

* Фрагмент, начало письма не сохранилось.— *Ред.*



Menu

DU DEJEUNER À L'HONNEUR DU
GENERAL GARIBALDI,
DONNE PAR MONSIEUR DE HERZEN,
Avril le 17, 1864.

Crevettes en Bouquet.
Hors d'Œuvres variés.

Ravioli à la Genoise.

POISSONS.

Saumon au bleu sauce Ravigotte.
Aspique des Filets des Soles.

ENTREES CHAUDS.

Tripe à la Racianina.
Poulet sauté à la Marengo aux Truffes.

ROTS.

Filets de Bœuf en Belle vue.
Pâté de Veau à la Gofié.
Galantine de Volaille aux Truffes.
Jambon de Bayonne à la Gelée.
Mayonnaise d'Homard.
Salade Russe.

ENTREMETS.

Gelée à la Victoria.
Gelée à la Maçedoine des Fruits.
Baba à la Polonaise.
Gâteau à la Napolitaine.
Plombière de Glace à la Garibaldi.

DESSERT.

Supplied by КИНН.

МЕНЮ ЗАВТРАКА, КОТОРЫЙ ГЕРЦЕН ДАЛ В ЧЕСТЬ ГАРИБАЛЬДИ

17 апреля 1864 г. в доме Герцена (Теддингтон, Элмфилд-хауз)

Библиотека им. В. И. Ленина, Москва

Историю гарибальдийского завтрака в Элмфильдгаузе я прочитал, так же как и застольные здравицы [2]. Это чрезвычайно мило, но я очень боюсь, как бы этот бедный Гарибальди не дал себя обыграть хитрющим англичанам и не отправился бы восвояси без истинной пружины войны [3]. Я предпочел бы, чтоб его поменьше чествовали, а дали ему несколько славных миллиончиков... мне кажется, это было бы полезней для дела, чем предложенный ему земельный участок.

Успокойтесь насчет лауберовского Handel *. Фази, Альмера, Резен и прочие не имеют к этому никакого отношения [4] — дело произошло в Зондербундовском кантоне Люцерна, в Энтлебухе. Совершенно верно, что ребенка насильно крестили и что отобрали и других детей для вящей славы господа-бога и пресвятой католической Церкви. Но все это произведено было законно и в соответствии с правилами — произвола в этом нет. Вы скажете мне, что это ужасно,— но вспомните-ка хорошенько, ведь я вам всегда говорил, что личной свободы в немецкой Швейцарии не существует, а есть лишь свобода корпораций; что федеральная конституция гарантирует лишь признанные *христианские* вероисповедания; что Федеральный совет увлечен теперь изгнанием мормонов; что важный вопрос, требующий разрешения, является ли мормонство христианским вероисповеданием или же нет; наконец, что существуют лишь два кантона, Женева и Невшатель, где имеются раздельные церковные гражданские реестры, и что во всех других кантонах вас могут насильно заставить крестить ваших детей хотя бы для того, чтобы получить возможность вписать их в гражданские реестры. Вспомните также, что торговый договор с Персией не мог быть заключен вследствие того, что не хотели предоставить мусульманам ответного права устраиваться на жительство; что договор с Японией чахнет по той же причине и что договор с Францией не продвигается, так как Франция достаточно гуманна, чтобы требовать для всех своих подданных, христиан, евреев или мусульман, одинаковых прав свободного проживания, тогда как некоторые кантоны согласны предоставить их только христианам.

Вся либеральная пресса, впрочем, уже на ногах и бьет в набат по поводу дела Лаубера. Я вам вышлю серию статей, которую «Handels Courier» теперь как раз публикует [5].

Что касается нас, то мы нынче празднуем смерть Кальвина [6]. Сплошная проповедь с утра пятницы до вечера воскресенья — правоверным остается лишь время на то, чтобы мчаться из одной церкви в другую, из одной деревни в другую. Город кишмя кишит шотландцами и англичанами в черных фраках и белых галстуках, и сезон иностранцев, таким образом, начался месяцем раньше, чем обыкновенно. Тем не менее трактирщики не слишком-то довольны этим торжественным открытием сезона: между правоверными обретается слишком много teatotaller'ов **. Но ограбят их отнюдь не меньше.

* здесь: дела (*нем.*).

** потребителей исключительно чая (*англ.*).

Все у нас идет неплохо — дети процветают и достаточно сильны, чтоб их не опрокидывала биза, которая со вчерашнего дня дует с неслыханной силой. Ветры, согласно Дове [7], вызываются дыханием, и поэтому неудивительно, что выдохи такого скопища кальвинистов производят подобный эффект.

Наилучшие пожелания Огареву.

Всецело преданный вам К. Фогт

Женева, пятница
27 мая 64 г.

P. S. Кажется, я обладал более тонким чутьем по шлезвиг-голштейнскому делу, нежели все хваленые дипломаты и демократы, вместе взятые, и что все пойдет так, как я предположил. Однако я не думаю, чтобы герцог Аугустенбург [8] назначил меня министром в качестве вознаграждения!

[1] Отклик на записку Герцена от 25 мая 1864 г., при которой он переслал Фогту для передачи русскому революционному эмигранту Н. И. Утину «крайне важное письмо» (XXVII, 479); это письмо, адресованное Утину, остается неизвестным.

[2] В том же письме Герцен осведомлялся у Фогта, прочел ли он описание праздника, данного им Гарибальди в своем доме Elmfield House (Теддингтон), так же как текст произнесенных там речей. Гарибальди прибыл в Англию, чтобы получить обещанные ему денежные средства для освобождения Рима и Венеции военной силой. Однако английские правительственные круги, готовые сделать крупный денежный подарок лично Гарибальди, самым бесцеремонным образом выдворили его из Англии под предлогом его мнимой болезни и сделали это вследствие неудовольствия, проявленного французским и австрийским правительствами в связи с визитом Гарибальди. Известную роль в этой высылке, вероятно, сыграл и прием Гарибальди в доме Герцена. См. об этом подробно в «Былом и думах» (глава «Camicia rossa» — XI, 254—291) и ниже, в статье М. И. Ковальской к разделу «Герцен и Италия».

[3] Выражение Ф. Рабле, восходящее к афоризму Демосфена.

[4] Фогт отвечает на следующее место из письма Герцена: «Напишите, что это за варварская история с каким-то Лауфером (так, кажется, его зовут), баптистом, у которого правительство Женевы похитило детей. Где же был Фази, где был Альмерас, Резен-судья? Очень интересно знать, так ли это» (XXVII, 479). Фамилия швейцарского баптиста Лаубера приведена Герценом неточно.

[5] В газете «Schweizer Handels-Courier» сотрудничал Фогт, пользовавшийся некоторым влиянием на редакцию. Статья под названием «Лауберовское дело. (Корреспонденция из Велизау)» появилась в номерах от 27 и 28 мая.

[6] Трехсотлетие со дня смерти церковного реформатора Ж. Кальвина (1509—1564) отмечалось 27 мая.

[7] Генрих Вильям *Дове* (1803—1879) — немецкий климатолог, автор теории формирования грозовых явлений; основатель и директор Королевского института метеорологии.

[8] После смерти датского короля Фредерика VII, в 1863 г., трон занял его родственник по жене Христиан IX. Ряд германских государств утверждали в связи с этим, что княжества, подчиненные салическому закону, который не допускал правления женщин, должны перейти не к новому королю Дании, а к герцогу Аугустенбургскому. Это-то и явилось поводом для войны между Австрией и Данией летом 1864 г.

38

К. Фогт — Герцену

⟨Женева, 12 июля 1864 г.⟩

Любезный друг!

Вашу записку и записку из Фрибургского банка я получил лишь вчера, по возвращении из небольшого путешествия вокруг Монблана, куда отправился со своими двумя мальчуганами, которые, увы, достигают уже возраста, когда требуют экскурсий во время каникул. Сожалею о двойной пересылке денежных сумм и спешу присоединить вам двадцатифунтовый чек на имя Фрейлиграта, что уравновесит, надеюсь, это дублирование и упорядочит дело в соответствии с вашим желанием [1].

До моего отъезда я принял визит одного из ваших молодых русских, который проживает в Женеве со своей женой (если не ошибаюсь, Касаткин [2], но в этом я не совсем уверен — там было что-то от казака или казакина — черт побери эти имена!) и который меня крайне торопил написать вам — дабы побудить вас покинуть Англию и обосноваться в Швейцарии, оставив на время грызущий червь «Колокола»... Я сказал ему, что мы серьезно говорили об этом в Лондоне [3] и что вы решились сделать все при условии, что не будет никаких перемен [4]. Наконец, он выразил

убеждение, что вы окажете своим переездом в Женеву или в Италию огромную услугу всему миру (вас это мало тронет), русским (это будет для вас более чувствительно) и вам самим, и это должно заставить вас, как мне кажется, решиться. Что ж, если все это именно так (а я расположен верить этому), то, кажется, вам не останется ничего лучшего сделать, как провести конец сезона у вод Ламанша и затем, попривыкнув к ним, навсегда оставить их между собой и Англией. Это все же дрянная страна, устаревшая вместе со своим old Pam * и своим little John ** [5].

Тысячи приветствий Огареву и вашей художественной колонии.

Всецело преданный вам К. Фогт

Женева, 12 июля 1864 г.

[1] Эта записка Герцена к Фогту остается неизвестной. Речь в ней шла о возвращении Фогту через Швейцарский банк 600 фр., взятых у него в долг А. А. Герценом во время поездки с сестрами по Швейцарии. Из ответного письма Герцена к сыну видно, что Фогт «долго сердился» за замедление с возвратом этой суммы. Не дождавшись извещения о переводе ему денег, Фогт передал на взыскание с Герцена данный ему вексель, который и был учтен в Лондонском банке,— в результате получилось так, что Герцен дважды уплатил Фогту один и тот же долг. Фогту пришлось отправить вторую сумму обратно. См. об этом XXVII, 486, 852 и 855. Немецкий поэт Ф. Фрейлигграт, упоминаемый в письме, являлся лондонским представителем Главного швейцарского банка, созданного Дж. Фази. См. ниже письма Фрейлигграта к Герцену.

[2] Виктор Иванович *Касаткин* (1831—1867) — политический эмигрант, член «Земли и воли», литератор и библиофил; корреспондент и близкий знакомый Герцена.

[3] Фогт был в Лондоне, где виделся с Герценом в конце марта — начале апреля 1864 г.

[4] Герцен в это время жил в Борнемуте, на Ла-Манше; он оставался там до конца августа.

[5] Старый *Пам* — премьер-министр Великобритании Г. Дж. Пальмерстон; крошка *Джон* — лорд Дж. Рассел — в это время министр иностранных дел.

ПЕРЕПИСКА С НЕМЕЦКИМИ ДЕМОКРАТАМИ

ПИСЬМО ГЕРЦЕНА К Ф. ГРЕГОРОВИУСУ. — ПЕРЕПИСКА С Г. КИНКЕЛЕМ И Ф. ФРЕЙЛИГРАТОМ. — ПИСЬМА К ГЕРЦЕНУ Л. БАМБЕРГЕРА, Э. ВИНТЕРСБЕРГА И М. ГАРТМАНА ***

Публикация и комментарии И. А. Желваковой, Л. Р. Ланского, В. Н. Поспеловой и В. Н. Фомичева ****

М. ГАРТМАН — ГЕРЦЕНУ

Публикация В. Н. Фомичева

«Гартман едет в Лондон...»,— сообщал Герцен Г. Гервегу 1 апреля 1850 г. из Парижа (XXIII, 326) об их общем приятеле, австрийском поэте и прозаике Морице *Гартмане* (1821—1872), с которым он довольно близко сошелся осенью 1849 г. (Гартман эмигрировал во Францию после революции 1848—1849 гг.)

В рекомендательном письме к В. Линтону, редактору лондонской газеты «Leader», Герцен писал: «Поощренный приемом, оказываемым моим рекомендациям, беру на себя смелость рекомендовать вам самым энергичным образом подателя этого письма *Морица Гартмана*. Бывший депутат франкфуртского собрания, поэт и литератор, довольно известный в Германии, он может быть очень полезен редакции своими корреспонденциями» (XXIV, 8).

Позднее, в августе 1852 г., Герцен рекомендовал Гартмана французскому историку Ж. Мишле, охарактеризовав его как своего друга (XXIV, 319).

Публикуемое письмо Гартмана («Артамона», как иногда шутливо называл его Герцен) — единственное известное звено их переписки — быть может, по временам и интенсивной (17 июля

* старым Памом (*англ.*).

** крошкой Джоном (*англ.*).

*** Все публикуемые в этом разделе письма, за исключением письма Герцена к Л. Бамбергеру и одного (3-го) письма Ф. Фрейлигграта к Герцену, разысканы в архивах СССР и зарубежных периодических изданиях Л. Р. Ланским.

**** Письмо Герцена к Л. Бамбергеру переведено И. А. Желваковой. Письма Ф. Грегоровиуса и Г. Кинкеля (2-е и 5-е) переведены Л. Р. Ланским. Остальные письма переведены В. Н. Фомичевым.